

55-336

К

ИВАН ШУХОВ

ЛЕТНИЕ БУДНИ

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Алма-Ата

ҚАЗАҚТЫҢ
МЕМЛЕКЕТТІК
КӨРКЕМ ӘДЕБИЕТ
БАСПАСЫ

Алматы

АБОНЕМЕНТ

ИВАН ШУХОВ

С тенные БУДНИ

Очерки о людях
стенного края

55336

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алма-Ата — 1958

СОДЕРЖАНИЕ

У истоков народного подвига	3
Золотое дно	37
Далеко за Кустанаем	68
Подруги	78
Покорители целины	86
Старожилы поднятой целины	92
Зарницы над нивами	102
Третья весна	111
Подвиг народа	117
Зарево над степями	133
В далекой нашей станице	165
Дорога на целину	182
Первая борозда	191
Зимняя повесть	201

Редактор Н. Скалковская
Оформление художника Н. Гаева
Технический редактор Е. Ищанов
Корректор В. Душкина.

Подписано к печати 12/XI 1957 г. УГ05318. Издат. № 222.
Бумага 84×108 мм = 7 л. — 11,48 усл.-п. л. (12,4 уч.-изд. л.)
Тираж 14000. Цена 5 руб. 25 коп.

Алма-Атинская типография № 1 Главиздата Министерства
культуры КазССР. Зак. № 1221.

У ИСТОКОВ НАРОДНОГО ПОДВИГА

Письмо сибирским казакам

*Нет уж, как там грусти не таи,—
Все равно зрячок в печали матов.
Вижу вас, товарищи мои,
Сквозь огни сражений, сквозь бои,
Сквозь леса знамен и автоматов!
Вижу вас. И слышу вашу речь
В сатанинском грохоте и гуле.
Песней я хочу вас уберечь
От смертельной бомбы и от пули.
Песней той, которая не раз
И в пиру, и в горе, и в тревоге,
Как подруга, выручала нас
И не покидала в полдороге.
Верная нам спутница, она
Никогда ребят не подводила.
Золотее браги и вина
Песня о Сибири в нас бродила!*

I

В суровых лесах и скалах далекой Карелии, под огненным небом непокорного Сталинграда, среди первобытного величия древних Кавказских гор и на берегах легендарного Терека — везде и всюду вижу я вас, овеянных пороховым дымом сражения, славных моих земляков, верных сынов Сибири!

Со многими из вас мы вместе росли и воспитывались в родимых сибирских станицах. Мы делили, бывало, в детстве наши игры, скудные лакомства и неутомимые забавы. Нередко мы спали под одним родительским зи-

пуном, согревая друг друга горячим дыханием в студеные внешние ночи на пашне. Рядом, бок о бок обретали мы первые навыки в нелегком наследственном ремесле мастеров земли благодатной степи Сибири. А в часы наших праздных странствий по окрестным степям, займищам и озерам мы охотно делились друг с другом краюшкой пшеничного хлеба и яйцом, испеченным в золе, и замусоленным куском сахара, и похищенным из недр материнского сундука леденцом лимонного вкуса и цвета.

Весною, в поисках сусликов и стрепетинных гнезд, целыми днями бродили мы с оравой веселых сверстников в привольных окрестностях наших станиц. И наизусть изучили мы с вами каждую степную тропу, по которой прошли наши босые детские ноги, и каждую вековую березу в дубраве, и каждый ракитовый куст близ займища, под сенью которых искали мы в непогоду надежной защиты от бури, от ливней, от града и гроз. И навеки полюбились нам с вами и бескрайние ковыльные степи, и волнующий мягкий и нежный рисунок смутно синеющих вдали березовых колков, и обнаженные вершины придорожных курганов, и трубный клич поднимающихся на рассвете с воды лебедей, и ослепительно сияющие под полуденным солнцем, посолоневшие от жары озера. Все это было, есть и будет бесконечно дорого, мило и близко нашему сердцу, сердцу, горячо влюбленному в землю, вспоившую и вскормившую нас.

Точно буйная поросль окрестных березовых рощ, мужали и крепи мы с вами на тяжелом, как пламя, сибирском ветру. Кипяченые в зное степного жаркого лета, прополосканные в расточительных ливнях плодородной поры, закаленные в голубом огне жгучих рождественских и крещенских морозов, прочно стояли мы на земле и росли неподвластными уже никаким граду и буре, написанным нам на роду.

II

Под сенью простреленных в битвах и полуистлевших на чужестранном ветру воинственных прадедовских знамен прошло по родимым степным дорогам босоное наше детство.

На благословенных, освященных веками, традициях линейного Сибирского казачьего войска воспитывалось наше поколение участников Великой Отечественной войны. А по лихим и тревожным воинским песням знакомимся мы с историей прошлых походов и войн.

Казакі запою́т бывало́:

Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

А мы закроем глаза и видим: на сотни километров к востоку от Яика — так в древности звалась река Урал — до Иртыша тянется цепь курганов, поседевших от ковыля редутов и земляных городищ. И воскресают в памяти глубокие, поросшие травами, рвы крепостей. И встают из тумана пирамидальные вершины дозорных постов, контуры маяков и пикетов Горькой Линии...

Горькая Линия!

По берегам твоих голубых, как весеннее небо над степью, огромных, как море, озер привольно раскинулись станицы линейного сибирского казачьего войска. От самого Яика до необозримых равнин Заиртышья тянется линия этих станиц, некогда названная по обилию горько-соленых озер Горькой. Основанные около двухсот лет тому назад, станицы сибиряков свято чтут боевые традиции своих воинственных предков. И память о мужественных сподвижниках Ермака, о воинских доблестях храброй его дружины навсегда сберегли в своем сердце верные русскому оружию старожилы степных сибирских станиц.

На беспредельной, светлой и чистой любви к родному краю и на священной ненависти к врагам земли русской веками воспитывались бесстрашные воины сибирского казачьего войска. На этих же святых традициях рыцарей рукопашных битв воспитывалось и наше поколение.

Вот почему с благоговением и трепетом смотрели мы с вами в детстве и на грозный частокोल ошетилившихся над конницей казачьих пик, и на голубые вспышки обнаженных сабель, и на заплывавшего под всадником белого, как кипень, злого есаульского иноходца, и на

стремительные крылья боевых знамен, взмывших над тронувшимися в поход полками, и на крупные горошины материнских слез, упавших в концы кашемирового подшалька в минуту прощания с уходящим на поле брани сыном.

В крестном знамени матери, благословлявшей на битву с врагами России сына, в грозном и торжественном шквале песни, поднявшейся перед походом на крыльях полковых знамен, в дробном рокоте кованых конских копыт, в сиянии дедовских седин и регалий — во всем этом впервые вставал перед нашим сознанием ясный, строгий и милый сердцу нашему облик никому непокорной, воинственной и свободолюбивой России.

Россия!

Святым, чистым и светлым было для нас с детских лет имя твое. Мы изучали твою географию по маршрутам далеких, суровых и трудных походов родных Сибирских казачьих полков, по сражениям и битвам наших предков с врагами отечества нашего, от времени Плевны до грандиозного Брусиловского прорыва германского фронта в 1916 году. И недаром снились нам в детстве и пустынные поля былых баталлий, и несметные кавалькады воинских эшелонов, и веселые огни бивачных костров, озарявших шафранные пески Туркестана, туманные сопки Маньчжурии, холмы Восточной Пруссии, седые гребни Кавказа, крепостные контуры Перемышля и библейские скалы снежных Карпат...

Величественная панорама обширных владений нашего отечества настужь распаивалась перед нашим воображением в рассказах и песнях наших прадедов, дедов и отцов. И по бытующим в наших станицах сказаниям и древним походным казачьим песням мы назубок с вами знали названия многих горных долин и перевалов и имена грозных неприятельских крепостей, павших под силой доблестного русского оружия и умноживших славу сибирского казачьего войска. И не количеством праздно прожитых лет измерялась цена длительной жизни наших предков, а победоносными битвами их с врагами русской земли, бранными подвигами и походами этих закаленных в огне штурмов и жарких битв, не подвластных ни воде, ни огню, поправших смерть воинов!

III

Кто из наших станичников не сберег в своем сердце теплое, ясное и строгое воспоминание о том, как мы впервые разучивали в детстве походные песни нашего родного казачьего войска?!

Всем нам помнятся длинные зимние вечера, опрятные горницы с геранью на подоконниках; трогательная наивность убранства из стеклянных елочных шариков и китайских фонариков в простенках; запах жженных луковых перьев — запах семейного тепла и уюта под родительским кровом. Под вой и свист разгулявшейся в декабрьской ночи сибирской вьюги слушали мы, бывало, увлекательные дедовские рассказы о боевом прошлом наших станиц, и навсегда запомнились нам с тех пор волнующие походные казачьи песни.

Зимние сумерки. Метель за окошком. В оранжевом полумраке горницы сидит на полу полукругом гурьба казачат. А перед затопленной печкой, в центре этой притихшей оравы, на табуретке — старик с пышной и чуть золотящейся от огненных отблесков бородой, с бровями, похожими на распластанные орлиные крылья. Мягко притопывая ногой, обутой в белый шерстяной чулок, и ритмично размахивая рукой, как казачьей нагайкой, в такт своей песне, запевал он глухим, давно остуженным на походном ветру голосом любимую свою песню:

Чу, не в нас ли палят?!
Не идет ли супостат?!
Не в поход ли идти
Нас заставляют?!

А мы, замирая от восторга, подхватывали вслед за дедом слова песни, звучавшие, как команда:

Живо стройся в ряды!
Атаман идет сюды —
Предстоит нам поход небывалый!

И словно наяву вырастал перед нашими глазами воинственный всадник:

Прилетел, как буран,
Наш сибирский атаман,
А за ним — ординарцы лихие.
Он коня осадил,

Черный ус накрутил
И сказал нам:
— Здорово, ребята!

И дед, довольный нашей прилежностью в спевке, заглядевшись на золотой ворох догорающих в печке углей, строго и задумчиво говорил нам затем поучительные свои речи:

— Молодцы вы у меня, варнаки! Тот, слышь, не как зак, кто души в этой песне не чует... А вы с сердцем поете. И голоса у вас злые, каленые, как клинки. И слова — как пики. Орлы! Орлы! По песне угадываю: настоящими казаками растете. Наши вы ребята. Сибиряки. Хваты!.. Ну, а вырастете — смотреть у меня в оба: святых дедовских знамен не срамить. Чести нашего войска в будущих битвах с неприятелем на поле брани не позорить. Вот какая у меня будет к вам, внуки мои, наука!

И прервав рассудительную речь, он тотчас же скреплял ее заветными словами навсегда запомнившейся нам песни:

Нам — под могильным спать
курганом.

А вам, сыны,—Руси служить!
И если в битвах с басурманом
Придется голову сложить —
Деритесь так, как ваши деды
Дрались под знаменем Ермака,
Чтоб трубный гул вашей победы
Гремел над Родиной века!
Чтоб руки ваши не ослабли,
Кромсая головы орды,
Чтоб лезвием сибирской сабли
Потомки были бы горды!
Чтоб ни от пули, ни от пики
Врагам России не уйти,
Чтоб только смерть при вашем гике
Могли в полях они найти!
И если час пробьет для встречи
С ордой коварного врага,
Пусть каждый ищет место в сечи,
Кому Россия дорога!

IV

И час пробил!

В мгlistый от зноя июньский день лета тысяча де-

вятьсот сорок первого года снова тревожно и грозно запели над страной походные сигналы горнистов. Отечество призвало народы Советской страны под боевые свои знамена. Родина бросила клич:

— К оружию!

И, как один, готовые к смерти и к бессмертной славе, поднялись вместе со всем великим советским народом на защиту родимой отчины линейные сибирские казаки. И по-новому ярко озарились картины боевого прошлого этого мужественного и бесстрашного народа, прадеды, деды, отцы и сыны которого ни разу не запятнали боевых знамен чести и славы русского оружия.

Казаки Сибири, издревле свывшиеся с суровой походной жизнью, с малых лет приученные ко всем невзгодам и лишениям войны, никогда еще не страшились ни врага, ни бога, ни черта. Сибирский казак всегда и во все времена прежде всего был воином, а затем уже — хозяином своего двора, отцом семьи, женихом, мужем. Ничто личное никогда не заслоняло в казачьих сынах Сибири великого чувства патриотизма: ни родительский кров, ни жена, ни дети, ни любимая. И как бы ни было близко и дорого все это отзывчивому казачьему сердцу, но если пробил час боевой тревоги, если пала на Родину черная тень врага, в мгновение ока будет оседлан трогательно любимый строевой конь. И подтянутый, бравый, на глазах помолодевший всадник вихрем помчится от родимых ворот туда, на пронзительный зов полковой трубы, к взмывшим над кавалерией боевым знаменам...

Так было всегда.

Так было и 22 июня, когда каждый из нас с предельной силой и ясностью ощутил и увидел все величие нашей державы, всю неповторимую прелесть, строгость и чистоту материнского ее облика, чище, прекраснее и возвышеннее которого не было, нет и не будет ничего на свете для нас, людей русских!

И никто из нас не осудил матерей, украдкой осенявших крестным знаменем обнаженные головы готовых к новым походам и битвам воинов. Никто не кощунствовал над жаркими молитвенными словами старых казачек, благословлявших, как в старину, своих сыновей на смертный бой с коварным и древним врагом России.

Свято чтут сибирские казаки вековые обряды клятвы

в верности русскому оружию, которую дают они в грозный для Родины час над седыми могилами своих предков. И, как присяге, верны они этой клятве на поле брани, храбро сражаясь под знаменем отечества за свою отчизну, за родимые станицы и степи, за благословивший их на битву с врагами отчий край.

V

Навсегда запомнится день, когда провожали сибирские станицы на Запад полки своих казаков. Пройдут годы. Но никогда не поблекнут в памяти станичников воспоминания о том тревожно-ярком воскресном полдне, когда кони, зачуяв дорогу, глухо били о землю копытами и стремена звенели на горячем азиатском ветру.

Суровые, строгие, волевые стояли развернутым фронтом сибирские казаки вокруг братской могилы жертв революции на просторной площади древней нашей станицы.

Много видела на своем веку боевых знамен готовых к далеким походам и битвам казачьих полков эта открытая всем ветрам станичная площадь! За столетие привыкшая и к рокоту кованых конских копыт, и к тревожному грохоту барабанов, и к горячим материнским слезам, и к величественным и грозным воинским песням, была теперь эта площадь свидетельницей великого народного гнева и огненной ненависти старожилов степных сибирских станиц против проклятого во всех казачьих сказаниях и песнях германца.

И вот снова гудела она, эта площадь, от дробного гула конских копыт. И строевые кони, грызя мундштуки, нетерпеливо танцевали под всадниками.

И снова здесь пролиты были слезы. Жаркие, чистые материнские слезы. Но не признаком слабости или малодушия служили они в этот час, а источником мужества и решимости для сыновей, вставших в походные стремена.

Я видел старую казачку Варвару Федоровну Старкову, провожавшую на фронт в этот день четырех своих сыновей. Маленькая, как подросток, в старинной—темных тонов—кашемировой шали, стояла она в кругу рослых своих богатырей, поспешно крестя каждого из них и полушепотом повторяя при этом:

— Будьте, ребята, казаками! Будьте казаками!

А старый казак Сергей Яковлевич Родионов по-родительски сурово и строго наказывал сыну Мите:

— Только не трусь, слышь, на поле брани. Только не срами в бою с немцами сибирской нашей породы!

Шел митинг.

И когда секретарь районного комитета партии объявил о том, что сейчас будет говорить старый георгиевский кавалер, участник знаменитого Брусиловского прорыва германского фронта в первую мировую войну, шпалеры войск и тысячная толпа провожающих, казалось, на мгновение затаили дыхание. И такая напряженная тишина воцарилась над переполненной народом площадью, что можно было услышать стук собственного сердца. Тишина эта длилась не больше мгновения.

Когда же над трибуной показалась прямая и рослая фигура седого как лунь старика, станичники, узнав в нем ночного колхозного сторожа Евсеича, встретили его взрывом рукоплесканий, а стоявшие в строю казаки грянули старому георгиевскому кавалеру стремительное, как вихрь, трехкратное «ура».

Серебряный от седин, в лихо заломленной набекрень выцветшей казачьей фуражке, старик стоял на трибуне прямо и неподвижно — руки по швам — как в строю. Молча, с достоинством выжидая, пока стихнет обрушившийся на него ураган приветствий, пристально смотрел он не по-старчески ясными и полными слез глазами туда, в подернутую дымкой заозерную даль. Горячий полуденный ветер июля трепетно бился в тяжелой, как знамя, роскошной его бороде.

Наконец, когда в дальних кварталах станицы замер последний отклик гулкового эха и напряженная тишина снова замкнулась над площадью, старик, глубоко вздохнув, внимательно огляделся кругом и приготовился к напутственной речи. Однако он тотчас же забыл, о чем хотел говорить, и только после большой заминки, наконец, молвил глухим, дрогнувшим от волнения, голосом:

— Казаки! Одностанишники! Разрешите... Вот когда вы «ура» закричали, у меня аж в горле все пересохло. Слеза меня, станишники, душить начала. Ну, я окреп духом. Спас бог. Сдержался. И кровь во мне, как перед рукопашной атакой, ребята, взыграла. И мне стало ясно, што это не мне, а всему нашему сибирскому казачье-

му войску «ура»-то вы грянули. Сердцем чую, не подведут в боях сибирские казаки!

И вновь голос его потонул в новом взрыве горячих рукоплесканий, в новом прибое «ура». словно вставшей на дыбы и ходуном заходившей площади.

— Казаки! Сибиряки! Братцы! — протрубил вдруг лихо и молодо голос его под гул приветственных возгласов. И тотчас же, настезь распахнув полы ветхого своего бешмета, он рывком обнажил перед всеми грудь, блеснувшую на солнце тремя георгиевскими крестами.

— Вот видите! — проговорил он твердым, чуждым смущения и ложной скромности голосом. — Вот они. Три их имею! Один — за битву в армейском корпусе сибиряков под Вафангоу. Два — за лихую рубку немчуры в доблестной армии их высокопроисходительства покойного генерала Брусилова... И вот скажу теперь миру не хвастаясь: не зря я полный бант кавалера на грудь надел. За святое дело, ребята, надел. За верную службу России! И мне, старому казаку, стыдиться сих знаков отличия в такой час нечего.

Старика было снова прервали взрывы рукоплесканий, но он, клятвенно подняв над головой руку, крикнул:

— Не давать пощады немецкой орде — таков мой приказ вам, ребята! Насмерть драться с врагами земли нашей русской. И так воевать, станишники, чтобы прославить сибирские полки на всю Россию!

VI

Я помню облако оранжевой от заката пыли. Взбитая копытами пришедшей в движение конницы, пыль поднялась над кровлями станицы и поплыла, колыхаясь, над головами всадников, над багровыми крыльями знамен.

В час, когда отзвучали слова клятвы и ненависти старого георгиевского кавалера, с предельной простотой, силой и яркостью выразившего в своей речи все мысли и чаяния сибирских казаков, прогремел трубный голос команды, и всадники стали стремительно разворачиваться на марш.

В восемнадцать ноль-ноль казаки Горькой Линии начали свой великий поход на Запад. И лавина провожающих хлынула вслед за вставшими в походные стре-

мена сынами, проводив их, по традиции, далеко за станцию, в родимую, овеванную поэзией народных преданий, обильно политую потом и кровью предков степь.

Сибиряки уходили на Запад по древней дороге верности и чести. И по-новому звучали теперь слова походной песни наших станиц:

Закрой, казак, часы стальные:
На циферблате — ровно пять.
Заржали кони строевые,
Поход почуявши опять.
В стремена — ноги! Сабли — к бою!
Трубит труба: «Пора! Пора!».
Уж, точно море в час прибоя,
Гремит над площадью «ура».
Казачьи сборы невелики:
Команда подана — в строю.
И заблестят на солнце пики —
Подружки верные в бою!
И запорхают шашки-птахи,
Рука казачья горяча;
Заломим на виски папахи,
Чтобы ловчей рубить сплеча!
Нам не впервые в час тревоги
На клич отчизны дорогой
Лететь по воинской дороге
На жаркий бой, на смертный бой;
Из-под Урала горной кручи
До берегов Иртыш-реки
На вражьи орды туча-тучей
Поднимутся сибиряки!
Шуми же, знамя боевое,
Над правнуками Ермака.
Перед врагом на поле боя
Не дрогнет верная рука!

VII

А полгода спустя встретились мы в позиционных землянках Северо-западного фронта. И не было в нашей жизни взволнованней, теплее и ярче этих встреч под фронтовым северным небом.

За многие тысячи километров, через всю огромную нашу страну, бережно донесли мы до вас теплое дыхание далеких станиц Сибири с неповторимым и милым сердцу нашему запахом родимых степных просторов, с горьким ароматом неприхотливых цветов их и трав...

И в суровых мужских объятиях, которыми обменивались мы с вами при встрече, таилось то великое чувство кровного братства, любви и дружбы, узами которого прочно связываются при рождении сибирские казаки. Недаром железные законы взаимной выручки в мирном быту и на поле битвы были усваиваемы поколениями сибиряков чуть ли не с колыбели. И только трус и предатель, только жалкий изменник родины, позорно бежавший с поля боя под черные знамена врага, только такой выродок навеки лишался теплого отклика и участия широкой, настезь распахнутой души сибиряка. Вот почему по неписанным законам наших степных станиц такого изменника может убить каждый при первой же встрече.

Н-ское соединение сибиряков, вступив с марша в ожесточенные бои с противником на подступах к Ленинграду, долгие месяцы держало фронт протяжением около двухсот километров. Живо сбив спесь с наглых и самоуверенных фрицев, сибиряки не только остановили орды врага, но и нанесли им тяжелое поражение. И зверь, заклеянный тавром сатанинской свастики, истекающий черной дьявольской кровью, глубоко зарылся от сибирских сабель и пуль в негостеприимную для недругов российскую землю.

Плечом к плечу с братьями по оружию с честью прошли сибирские казаки первое боевое крещение. В битвах за неприступные твердыни города Ленина, в разгроме германских армий под Москвой, в кровопролитных сражениях на улицах Сталинграда — везде и всюду, где бы ни сражались с оружием в руках доблестные сыны Сибири, они навсегда упрочили за собой боевую славу достойных потомков Ермака. И с предельной силой и яркостью сказался в их подвигах тот цельный и крупный характер, которым отличается наш волевой, мужественный, стойкий и храбрый сибирский народ.

Командующий армией сказал нам о наших сородичах:

— Львы — не ребята!

Крепко запомнили фрицы удары сибирских штыков и сабель времен первой мировой войны. Но еще крепче запомнят они сибирских стрелков времен Великой Отечественной войны.

Никогда прежде не говорили мы со станичниками так много, с такой душевной теплотой и сердечностью о нашей родине, как в дни незабываемых фронтовых встреч.

По ночам, озаряемым холодным и мертвым сиянием вражеских ракет, когда временами от орудийного грохота ходуном ходила вокруг земля, все наши думы и чаяния были связаны со светлым именем нашей отчизны, любимой и верной, близкой и дорогой.

И когда в час недолгих боевых передышек нырнувший в блиндаж боец, не снимая с груди автомата и не освобождаясь от засунутых за пояс противотанковых гранат, тотчас же брался за гармошку и решительно, по-сибирски, разворачивал перед нами малиновые ее меха, мы хором на лету подхватывали стремительно вспорхнувшую с его веселых губ знакомую песню и высоко, как знамя, поднимали ее над передовой. И с изумительной волнующей силой звучали в землянке заученные нами с детства слова:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...

Прислонившись к бревенчатым стенам укрытия, устало полусмежив приученные к бессонным ночам глаза, хорошо пели земляки в такие минуты о боевых подвигах наших предков. И тогда в сознании каждого из нас поднимала на крыльях этой неувядаемой песни великая наша держава. И мы слышали ритмичные удары полнокровного ее пульса. Мы ощущали материнское дыхание ее. И теплей и светлей становилось в нашей землянке — в этой маленькой крепости огромной страны.

Но вот отзывчивые клавиши гармони задумчиво заперекликались в трогательной и милой мелодии песенки о синем платочке. И перед глазами каждого из нас неясно выступал из полумглы блиндажа любимый облик. И за теплом ласковых девичьих рук, которое ощущали мы, слушая эту песенку, за образом, овеванным дымкой сокровенных воспоминаний, воскрешались в памяти родимые просторы сибирских равнин.

Клавиши гармони задумчиво вспоминали о синем платочке. И одному, может быть, виделся в эту минуту старый ветряк на пригорке, под крыльями которого играл он в бабки в детстве и целовался с любимой девушкой в юности. Другому мерещилась цепь жемчужных озер, как море меняющих свою окраску утром, в полдень и вечером. И все это было живым, реальным, почти физически ощутимым воплощением понятия о Родине, за чистоту, неприкосновенность и святость которой с невиданным ожесточением и стойкостью дерутся на поле битвы советские люди.

Души не чаёт в песенке о синем платочке наш одностаничник-пулеметчик Сережа Ваганов; он мастерски играет ее на баяне и хорошо, с душой, напевает в минуты боевых передышек простые и трогательные слова. И вот рассказывают, что однажды, когда ринувшиеся на наш передний край фрицы помешали Сереже Ваганову доиграть и допеть эту песенку в землянке, он допел ее на огневом рубеже. Случилось, что вклинившиеся в нашу оборону немцы отрезали пулеметный расчет Сережи Ваганова от его боевых товарищей, и он, оставшись один, продолжал яростно поливать свинцовым огнем фашистов. Взвод немецких автоматчиков, окружив отважного пулеметчика, намеревался, видимо, взять его живьем. И тут, как на грех, вагановский пулемет смолк, захлебнулся. Фрицы, воспользовавшись этой заминкой, но не решаясь, однако, еще поднять из-за прикрытий квадратных своих голов, прнрялись было горланить со всех сторон:

— Рус, сдавайся! Капут. Капут!

— Сию минутку...— вежливо откликнулся пулеметчик, поспешно наладживая внезапно заевший пулемет.

И вдруг немцы услышали слова русской песенки о синем платочке. Ее пел Сережа Ваганов. Торопливо выправляя привычной рукой пулеметную ленту, он напевал с такой поспешностью и досадой, словно опасался, как бы не помешали допеть ему любимую песенку до конца:

— Эх... нет прежних ночек!
Где ж ты, платочек,
Милый, желанный, родной?!

Но вот ожесточенный клекот снова заговорившего пулемета заглушил голос Сережи. И уцелевшие офицеры,

напоровшись на непроходимую завесу огня и ненависти, откатываясь назад, смятенно и тупо твердили:

— Сибирские стрелки! Сибирские стрелки!

Они знали: здесь им не пройти.

IX

Непривычно тихи и безлюдны улицы колхозных станиц, степных аулов и сел в горячую страдную пору нынешнего 1942-го лета. Даже в часы заката не встретишь теперь знакомой с детства стариковской фигуры, уютно примостившейся где-нибудь под окошком дома на вросшем в траву бревне, на мирной сельской завалинке. Ведь часы погожих летних закатов — это часы заслуженного за долгую трудовую жизнь отдыха стариков, часы для одиноких хороших, проникновенных и мудрых раздумий...

Но не до отдыха в эти грозные дни, видно, и нашим старикам, не до завалинок теперь нашим дедам, не до раздумий.

И если тихо, безлюдно и пустынно на сельских улицах, то зато какое небывалое оживление стоит сейчас от зари до зари там, в степях, далеко за станицами, за аулами, селами и хуторами! Там, в полях, где стеной поднимаются тучные хлеба, ключом бьет трудовая энергия великого советского народа. Пулеметная дробь стрекочущих в травах сенокосилок вызывает невольное сравнение труда с горячей фронтовой битвой. Весь ритм окрестных работ говорит о том, что на этих полях кипит сейчас необычная, удивительно дружная, мужественная, стройная, как песня, боевая работа. Здесь, на колхозных полях, развернулись сейчас передовые рубежи трудового фронта.

Каждый день вижу я, с какой яростью сжимаются могучие кулаки выдавших виды в боях с врагами русской земли казаков, когда на полях и полевых станах в минуты короткой трудовой передышки заходит речь о коричневых немецких бандитах. Слышу, как говорят отцы тех, кто с винтовкой в руках борется в эти дни с гитлеровскими людоедами на полях величайшей битвы. И вот как звучат отцовские речи:

— Били мы немцев в первую империалистическую на Мазурских озерах. Громили в Восточной Пруссии. Уничтожали их полки, корпуса и дивизии в рукопашных сражениях под Краковом, Гальдапом, Кенигсбергом и Перемыш.

лем. А наши сыны разгромят банду подлых немецких фашистов.

Так говорят старые казаки, сражающиеся за нашу победу в тылу, на великом трудовом фронте.

Сейчас нередко можно встретить в станицах и селах стариков, проводивших в ряды Красной Армии своих сыновей. Как правило, прежде отцы этих детей держались уже в стороне от колхозной работы. Но пробил час — и все такие старики решительно потребовали для себя права на труд, на защиту родной земли на трудовом фронте.

Шестидесятилетний С. Т. Трушин из колхоза «Жизнь», явившись к председателю, сказал:

— Отдохнул я, дорогой товарищ. Хватит. А в такие дни без дела больше сидеть не могу. Не в моем характере. Согласный я на любую работу, где меня постановайте. За любое дело отвечу. И лицом в грязь на старости лет не ударю.

Колхозники Пресновского района вместе со всем народом великой нашей страны живут сейчас одной мыслью, одним стремлением: дать нашей Родине и действующей армии больше хлеба, мяса, молока, масла и других продуктов, которыми в таком изобилии богат наш советский тыл.

Тысячи школьников и пионеров вместе со своими учителями вышли сейчас на колхозные поля. Я видел их, загорелых, веселых, проворных и сильных, за работой на сенокосах. Как ловко работают наши ребята под знойным солнцем вилами и граблями! С какой огромной любовью относятся к молодым своим помощникам старые люди. Я видел их, и старых и молодых, объятых единым порывом труда и борьбы. Видел их за работой и в часы коротких дневных передышек, и в тихие часы вечернего отдыха вокруг бушующих в вечернем мраке костров за сытной трапезой. При виде их сердце наполнялось чувством огромной радости и великой гордости за нашу землю, за землю, вскормившую мой умный, талантливый, влюбленный в жизнь, в труд, в песню и в творческое деяние советский народ.

Самоотверженно, организовано, спокойно и уверенно работают на колхозных полях наши патриоты. Но все они, от мала до велика, с такой же решимостью готовы в любую минуту сменить штурвалы комбайнов и тракторные рули на грозные боевые машины.

...Ежедневно поступают в районный комиссариат заявления от молодых и старых колхозных патриотов. Написанные нередко корявым, непослушным почерком, заявления эти проникнуты чувством горячей любви к своей Родине, к партии большевиков. Чувство это выражено тем народным русским языком, который назван великим.

Вот, например, братья Павел и Петр Шиховы пишут: «Мы работаем трактористами в колхозе «Путь к социализму». Трудимся честно. За последнее время подготовили хорошую смену из наших колхозных девушек. Мы знаем, что рули наших тракторов будут в надежных руках, родители наши всем обеспечены. Отец еще может работать. В прошлом году он у нас заработал семьсот трудодней. Наш третий брат дерется сейчас с немецкими бандитами на фронте. Горячо просим отправить на фронт и нас двоих. Заверяем, что будем стойко защищать любимую нашу Родину». Свыше 60 женщин и девушек станции с успехом овладевают искусством трактористок, шоферов и комбайнеров.

Нет, никогда еще прежде не знала такого огромного творческого напряжения жизнь колхозных станиц, аулов и сел. И много можно бы привести примеров, свидетельствующих о трудовом героизме нашего народа. Высокое чувство долга перед Родиной, безграничная любовь и преданность партии большевиков — вот что сплотило народ наш в минуты грозной опасности и вот что служит залогом нашей победы над хвастливым, наглым, самоуверенным врагом.

Бандит Адольф Гитлер заявил, что «народ, считающий великим писателем Льва Толстого, не может претендовать на самостоятельное существование». В этих словах с неприкрытым цинизмом определилось все убожество фашистского невежды.

Нет, народ, давший мировой литературе Льва Толстого, — это великий, непобедимый и бессмертный народ. И этот народ, не знавший в истории войн поражений, не познает его и на сей раз.

Свою кровавую борьбу за порабощение русского народа Гитлер назвал «последней игрой». Тут он не ошибся. Великий русский народ, возглавив все народы Советского Союза и объединившись с народами Европы и Америки, уничтожит фашистское чудовище, сотрет с лица земли всю фашистскую нечисть. Так говорит советский народ.

Эти строки пишутся в ясный, до звона прозрачный осенний день. Вторая половина ноября. Но в наших родных краях степной Сибири стоит в этом году на редкость погожая, сухая пора. Недаром казарка нынче шла высоко: быть затяжной и ведренной осени — это верная народная примета.

Осень.

Снялись с окрестных озер и ушли на поиски зимнего приюта белоснежные лебеди-кликуны. Прошли над станицами Горькой Линии с прощальным клекотом журавли. И косяки гусей покинули до весны гостеприимные наши займища. Куда, в какие края откочевала в эту вторую военную осень жившая в наших степных просторах птица? И найдет ли теперь она надежное пристанище в пору огненных смерчей и свинцовых бурь второй мировой войны, бушующей на всех континентах?!

Умиротворяющая тишина никнет над обнажившимся лесом и шафранно-палевой степью. В глубоком раздумье стоят деревья, неярко озаренные у подножий червонным золотом опавшей листвы. Спокойно и холодно блещут на нежарком осеннем солнце окрестные озера. Огромный привычный мир предзимнего величия, раздумья и покоя простирается над степью линейных станиц. Тихо в степи. Значит, быть скорому снегопаду и суровой, звонкой, прекрасной сибирской зиме.

Тихо в степи.

Но прислушайтесь к этой тишине, и ваше ухо уловит далекий ритмичный стук веялки или ровный гул тракторного мотора, или глухой рев молотильного барабана на колхозном току. Ни днем, ни ночью не замирает в окрестных степях этот четкий трудовой ритм. Напряженно бьется пульс трудового тыла, и четкие удары его созвучны ударам пульса героического фронта Великой Отечественной войны.

По ночам над кровлями огромных зернохранилищ Заготзерно мерцает лимонно-желтое зарево электрических огней. Склады Заготзерно — самое оживленное место сейчас в станицах. Бесперывным потоком золотого дождя льется в просторные пакгаузы отборная колхозная пшеница — продукт гвардии тыла.

Проводив лучших своих сынов на фронт, станицы за-

жили напряженной жизнью военных лагерей. В окрестных степях созревали, искрясь золотыми вспышками, неоглядные массивы рослых и густых — мышь не пролезет — хлебов. Моря желтой пшеницы, голубого овса и молочно-белесого ячменя глухо шумели окрест станиц, тяжело колыхаясь на жарком ветру и перекатывая из края в край тяжелые, сыто лоснящиеся под солнцем волны.

Огромные площади колхозных и совхозных посевов, уродившийся на страх врагу урожай, многотысячные табуны скота, привольно пасущегося на сочных сибирских травостоях, — все это требовало от оставшихся в тылу боевого разворота всех сил и средств, подлинных трудовых подвигов и героических усилий, чтобы вовремя, похозяйски справиться с уборкой, обеспечить гигантские табуны скота кормом, теплой и сытой зимовкой, и, наконец, дать воинам фронта сотни тысяч тонн высокосортного зерна. И крепко запал в отзывчивые сердца линейных казаков и казачек боевой девиз: «В тылу — как на фронте: работать не покладая рук! Все для фронта! Все для победы!».

И старожилы степных сибирских станиц остались верны этому святому, как боевая присяга, девизу. И вековые традиции сибирских воинов, сблизив минувшее с настоящим, прочно скрепили священным союзом далекий фронт и тыл, тысячи настоящих героев, мужественных солдат гвардии. Придет время, и о трудовых подвигах старых казаков, доблестных казачат и молодых казачек будет написано в песнях и гимнах, в прозе и в стихах!

XI

Огромная территория старинной станичной крепости, где возвышаются теперь над степью корпуса громадных зернохранилищ Заготзерно, в любое время дня и ночи битком забита бричками, верблюдами, лошадьми, быками, людьми. Почти непрерывным потоком тянутся сюда со всех окрестных дорог транспорты с зерном нового урожая. Сухой и плотный запах хлеба стоит в воздухе над кровлями складов, над шумной и суетливой толпой стариков, женщин и подростков.

Меж бричками снует седой и осанистый старик в старомодном бешмете степного покроя, в глубоких резиновых калошах, обутых на белый шерстяной чулок. Из-под

стрельчатых пол бешмета выглядят широкие латанные на коленках шаровары, опрятно заправленные в рубчатые раструбы чулок. Не по годам подвижной и суетливый, старик, легко шваркая калошами, кружится вокруг бричек с зерном. Зачерпнув из ящика горсть пшеницы, он как бы взвешивает зерно на ладони и, применившись к нему на запах и вкус, почти безошибочно определяет тут же кондиционные качества хлеба.

— Влаги — около четырнадцати. Сортность — не больше двух. Ядреное зерно. Сердце радуется такому хлебушку. Благодать... — говорит старик не то самому себе, не то сидящему на возу угрюмо нахохлившемуся подростку.

— Наш колхоз худого зерна государству ишо не сдавал. Не принято у нас такое дело... — бормочет в ответ на слова старика парнишка.

— Эх ведь ты какой вострый! — изумляется дед.

— Не тупой... — оговаривается парнишка.

— Ну, ну, ну! Мал ты ишо с дедом так разговаривать, станишник! — сердито прикрикивает дед на подростка, смыкая заиндевшие от седины брови.

— А ты меня ростом-то, деданько, не кори... — уже несколько смягчившись под крутым стариковским напором отвечает деду подросток. — Што меня ростом-то, понимаешь, корить, ежли я на сегодняшний день побольше грехот трудодён в колхозе имею!

— Не прихвастал?

— Нет, не прихвастал, товарищ. А ты бы вот лучше взял да почитал, что про меня в райгазете жирным шрифтом пишут!

— Прямо в райгазете? Не слыхивал што-то...

— Худо. Старый, а райгазеты не читаешь.

— Худо. Грамоты за собой не имею, станишник.

— В ликбез бы ходил.

— В мирно, слышь, время не надоумился, а теперь уж, дорогой мой товарищ, не до ликбезу.

— В мирно, в мирно... С вами, со старыми, и до войны-то сколько мук было. На трех арканах, бывало, вас в ликбез-то не затащишь.

— Это правильные твои речи, станишник. Был такой грех, — признается старик.

— Што там говорить! Факт.

— Ну, и язык же у тебя, слышь, парень! Ну, и вострый же ты — клинок чисто! — довольный резвостью собеседни-

ка, говорит дед и одобрительно треплет при этом по плечу парнишку.

— Я молчать не умею...— бормочет, путаясь в вожжах, парень.

— Чую слышь. Вижу. Хватом растешь. И за триста трудовён хвалю. Пробойный ты, смотрю на тебя, казак. Самостоятельный.

— Ну, факт...— просветлев от дедовской похвалы, смущенно бормочет парнишка.

— Да не «факт», а «рады стараться!»— вот как ответить на мою словесную похвалу должен. Во фрунт, на полную вытяжку стать обязан. когда со старым человеком разговариваешь!— снова сурово и строго прикрикивает старик на парня и, осуждающе покачав головой, поспешно отходит к следующему возу.

Это — Евсеич. Старый георгиевский кавалер. Его здесь все знают. Знают. Уважают. Побаиваются. Целый божий день непоседливо кружится он около зернохранилищ. Официальные обязанности его более чем скромны: он всего-навсего сторож заготпункта. Фактически же Евсеич держится на огромном дворе заготпункта как строгий, требовательный и рачительный хозяин. И ничто не ускользнет от его острого, придирчивого взгляда. Сбрую пойдет не в порядке — тут же заставит исправить и не отступит от возчика до тех пор, пока тот не выполнит у него на глазах справедливого требования. Дзвки у веялок застоялись — на девок прищыкнет. Соринку лишнюю в зерне обнаружит — к зернохранилищам такому транспорту дороги уже нет: непременно на перзочистку пошлет. И никому неведомо, когда только спит этот неутомимый, беспокойный старик. И хоть крутоват он характером и остер на язык, зато уж, где надо, найдется у старого кавалера и теплое слово и веселая шутка.

А спустя некоторое время Евсеич, снова столкнувшись с хмурым на вид малолетком, устало присаживается рядом с ним на разостланный под бричкой зипун.

Не обращая ни малейшего внимания на деда, малолетний станичник, звучно посапывая носом, кряхтит над обрывками веревки, хозяйственно сращивая конец с концом.

Старик, посасывая самодельную трубку, набитую крепким самосадам, долго молча наблюдает за старанием парня и наконец говорит:

— Лечишь?

— Приходится, — глухо отвечает парень, не глядя на деда.

— Правильно. Война, брат, всему научит.

— Факт.

Помолчав, пососав трубочку, дед спрашивает:

— Ну, а хлебец — как? Приняли?

— Точно.

— А кондиции какой вышел?

— Кондиция высокая, деданько. На влажность — четырнадцать. На сортность — два.

— Ядреное зерно. Стало быть, я на глаз не дал маху, станишник? Точно определил вашенское зерно? Ась?

— Как в аптеке...

Наконец, словно проснувшись, старик спрашивает:

— А откуда ты, станишник, из Ольговки, что ли?

— Тамошний.

— По коням и по снасти вижу. Самостоятельный ваш колхоз. С достатком.

— Нужды пока ишо не терпели...

— А с посевной как у вас нонче было?

— Как у всех.

— Га тыщи четыре осилили?

— Нету, деданько, бери выше, — сразу же оживляясь, говорит малолеток. — Это план у нас в мирное время был такой — четыре. А мы без малого пять тыщ га в эту весну одолели.

— Круглая цифра!

— Цифра самостоятельная!

— Ну-с, и с уборочной справились? — продолжает интересоваться дед.

— Справились. На буксир ни у кого не просились. Мы ведь и по уборочной и по хлебозаготовке обратно первое место за нашей станицей держим. Двенадцатую тыщу центнеров на сегодняшний день отгружаем. Тыщ двадцать пудов уж сверх плану на оборону сдали.

— Крепко завернуто. По-нашенски. По-сибирски. Ничего не скажешь на такие речи — орлы! — восторженно говорит дед. И снова помолчав, приправив указательным пальцем слабо тлеющий огонек в полупотухшей за разговором трубке, рассудительно добавляет в раздумье:

— А ночью, хвати, любая станица на Горькой Линии около ста-то тыщ пудов в государство сдаст. Вот тебе и

война! Германец-то там, поди, думал измором нашу державу взять. Што, дескать, исделают с колхозной-то пашней русские бабы, старики да малолетки! Не осилить, мол, им ни севу, ни уборошной страды. Такой расчет он себе на своем германском уме имел, когда на Русь подымался. Да недаром правильные слова в нашей песне поются: «Гладко вышло на бумаге, да забыли про овраги, а по ним — ходить!»

— Ох, какая хорошая, деданько, песня! — сразу забыв даже о своем деле, восхищенно говорит подросток.

— Песня правдивая. Старинная... — спокойно отзывается дед на восторженный голос собеседника и, как бы продолжая свою мысль, заключает: — А и золотое же дно — Сибирь наша матушка! Золотое дно!

— Золотое. Золотое... — задумчиво повторяет за дедом парнишка. И доверчиво посмотрев на старика, говорит: — Был бы ты, дед, грамотный, ишо бы больше узнал из учебника географии, чем наша Сибирь богата. Не один хлеб у нас — золото, уголь, леса дремучие, драгоценный зверь, меха бобровые и соболя...

— Ну, ладно. Ты меня, слышь, географией-то твоей не кори, — сурово перебивает старик подростка. — Я родимый край все скрозь и без твоих учебников знаю. Мне привел бог аж до самой Маньчжурии в конном строю пройти. Своими глазами я всю нашу сибирскую географию налицо видел. Мы, сынок, и в Байкал-озере, и под Живой-городом, и в Царстве Польском бывали. И трехфунтовые яблоки в садах Семиречья кушали. Только лучше родимой нашей Сибири стран я не видал. Меня, слышь, в дальних-то краях и теплых странах тоска по нашим степям и метелям заедала. Вот какое понятие, станишник, я насчет географии за собой имею...

И старик опять умолкает. Выбив пепел из трубки, он тотчас же снова набивает ее самосадам. И снова попыхи-вая сизым дымком, внимательно следит за расторопными движениями проворных ребяческих рук, хозяйственно сма-тывающих ременные вожжи. Затем он снова обращается к парню с вопросом:

— А много ли годов-то тебе, станишник?

— Порядошно, деданько.

— Все же? Любопытствую.

— Да двенадцать уж с гаком...

— Орел! И казак, гляжу я на тебя, ты хозяйственный.

— Руководствую, как умею...

— Не худо, сынок, руководишь. Не худо. Вот и сбруя у тебя в полной форме. И воровину на моих глазах срастил. И кони в транспорте у тебя справные. Побольше бы вот нам таких самостоятельных казачат в такую годину!

— У-у-у, а нас много! Мы ведь всей школой лето-летински в колхозе робили. Больше пяти тыщ трудодён в этом году за правлением нашей артели имеем. Нас уж премировать пристали. Одного авансу больше ста пудов на нас приходилось. Да мы обратно весь этот хлеб на оборону отчислили.

— Хваты! Хваты! Хороший подарок нашей державе исделали. Хвалю за такую ухватку,— взволнованно говорит, ласково потрепав по плечу собеседника, старый георгиевский кавалер. Затем, как бы спохватившись и точно вспомнив о чем-то, Евсеич суетливо вскакивает на ноги и, уже на ходу, прощаясь с подростком, бормочет:

— Ну, бывай здоров, станишник. Зарапоровался я с тобой, слышь, чисто. Чуть было и о деле не забыл.

— А ты бы отдохнул со мной, деданько, маленько,— просит старика вскочивший вслед за ним на ноги малолеток.

— Нету, сынок. Извиняй. Побегу. А отдыхать мы с тобой будем, коли Гитлера в помойну яму свалят и осиновый кол в собачью могилу его забьют!

Через минуту деда уже не видно.

А малолетний станичник, по-хозяйски оправив подвешенные к дышлу торбы, из которых, вкусно похрустывая, едят кони овес, сам снова опускается на разостланный под бричкой отцовский зипун. И хотя вот уже больше полутора лет не надевывал ушедший на фронт родитель этого зипуна, а все равно одежда хороша и тепло пахнет отцом, точно сейчас она сброшена наземь с родных могучих плеч...

Лежит парень навзничь. Широко разбросив руки и ноги, кажется он в таком положении взрослее, сильнее и больше людям и самому себе. И если посмотреть на него в такую минуту со стороны, то вам покажется, что это не двенадцатилетний школьник Митя Назаров, а настоящий, несколько утомленный длительным конным маршем сибирский казак. И спит этот казак как будто мертвым, крепким сном богатыря. Но это только кажется. А на са-

мом деле, необычайно чуткий на побудку и по природе отзывчивый на малейший тревожный шорох и звук, он всегда готов к новым маршам, к новым битвам и подвигам, к любым невзгодам и испытаниям, написанным ему на роду!

ХII

Длинные и глухие ноябрьские ночи в Сибири!

Но далеко за полночь не гаснут огни в окнах добротных бревенчатых домов станицы. Не до сна теперь трудовому народу и в эти поздние часы. Вернувшись из далекой степи, с колхозных ферм, с дальних токов, из полеводческих бригад и от молотильных агрегатов, собирается казачья семья после ужина в чистой, опрятно прибранной горнице. И до глубокой ночи звучит здесь теплый говор воспоминаний об отсутствующих в застольном кругу семьи отцах и сынах, о мужьях и братьях, коротающих эти ночи там, на огневых рубежах страны: в Сталинградских степях, под древним русским городом Ржевом, в снежных горах Кавказа, в дремучих Карельских лесах...

Тихо за голубыми от полнолуния окнами на улицах станицы. Тихо в уютных казачьих горницах, неярко озаренных огоньками висячих семилинейных ламп. И каждый раз в эту глухую полуночную пору здесь снова и снова перечитываются уже наизусть заученные всеми, но по-прежнему глубоко и горько волнующие письма родных и знакомых фронтовиков. А затем тут же пишется всей семьей и ответ.

Ответ пишут в большинстве случаев ребятишки. Пишут они под певучую родительскую диктовку. И старики требуют при этом от малолетних грамотеев, чтобы они не очень-то вольничали в письмах разными там пустячными словами, а писали точно так, как диктуют им, блюдя строго-настрого положенный слог и форму.

Старый георгиевский кавалер Евсенч, хоть человек и неграмотный, а уж письма-то служивым диктовать хорошо умеет. И он осуждающе и строго говорит своему внуку, шестикласснику Алеше:

— Хоть и боек ваш брат, Алешка, нонче на слово, а все же настоящего письма супротив нас, старых людей, вы составить не можете.

— Так уж и не можем! — обижаясь на деда, говорит Алеша. — А сочинения на «отлично» кто мне помогает писать, ты, што ли?!

— Замри, варнак, когда с тобой старшие говорят! — вспылив, прикрикивает на Алешу Евсеич. — Пиши, говорят тебе, согласно моего артикула — как все добрые люди!

И Алеша, умолкнув, принимается покорно писать под неторопливую и несколько торжественную диктовку деда, соблюдая все требования придирчивого старика.

А дед, не спуская с внука хитро прищуренных пытливых глаз, ревниво следит за бойким движением руки малолетка, втайне завидуя его писарскому мастерству и словно читая каждую фразу. И хотя неграмотный старик не может, разумеется, прочитать написанное Алешей, однако обмануть деда в этом деле отчего-то никак нельзя. Бог весть, какими путями, но старый георгиевский кавалер тотчас же безошибочно угадывает малейшую неточность в записанной внуком фразе.

...Как-то в конце сентября надумал Евсеич послать от своего имени письмо самому командиру части, в которой сражается с немцами на фронте младший из троих сыновей георгиевского кавалера — двадцатитрехлетний Яков.

Задумано — сделано.

Но, как всегда при начинании особо важного дела, Евсеич и в данном случае решил прежде всего посоветоваться насчет этой затеи со своей «полковницей», как он, шутя, привык называть за долгие годы совместной супружеской жизни старую Арсентьевну. Правда, советы эти часто приводили к шумным разногласиям, но тем не менее обходиться без них Евсеич положительно не мог.

Грехом кончился семейный совет георгиевского кавалера с «полковницей» и на этот раз. Как-то вечером, оставшись с Арсентьевной с глазу на глаз, Евсеич, рискнув открыть перед ней свои замыслы, сказал:

— Я, слышь, полковница, дело одно задумал. Посоветоваться с тобой хочу.

— Ну... — насторожившись, откликнулась Арсентьевна.

— Я, слышь, решил письмо на фронт пустить одному командиру.

— Командиру?

— Так точно.

— Какому командиру? — уже явно язвительно спросила Арсентьевна.

— Командиру полка, при котором Яков наш состоит.

— Сбросило Ерему...

— А пошто бы и нет?

— А по то, што пора бы уж на старости-то лет перестать смешить добрых людей своей дурью.

— Здравствуйте, я вас не узнал! — насмешливо кланяясь «полковнице» в пояс, сказал Евсеич.

— Милости просим... — ответила ему Арсентьевна тем же тоном.

— Ну, да я ведь так и знал, — неожиданно спокойно и рассудительно заговорил Евсеич. — Так я и знал, што ты и тут поперек дороги мне станешь. Што ж, старая песня. Слава богу, целый век с тобой маюсь. Вызнал твой ндрав. Вызнал, а все за каким-то чортом за советами к тебе лезу! — опять теряя самообладание, заключил, сердито сплюнув в сторону «полковницы», георгиевский кавалер.

— Не лез бы. Все, глядишь, без тебя греха поменьше бы перед богом на душу намотала.

— Куды там! Без меня ты бы давным-давно в раю была. Прямо, слышь, с марша прямым сообщением в чертоги бы поступила.

— Ведь это беда чисто! — всплеснула руками и, словно обращаясь к кому-то третьему, проговорила Арсентьевна. — Ведь это куды только годно! Што ни день, то новая затея. Што ни затея, то новый грех из-за его фокусов на душу принимаешь. И подумать только, што ему опять в голову ни с того ни с сего взбрело: письмо он командиру полка пустит! Послушала бы я, што ты ему там набуровишь...

— А это не бабьего ума ишо дело — в тому подобные письма соваться... Прямо чорт меня дернул за советом к тебе полезти. Да рази в таких сурьезных делах с вашим братом совет держут?! Недаром сказано: баба — полный туес греха!.. А для тебя Яков кем будет? — совсем неожиданно спросил кавалер «полковницу».

— Не в укор господу богу, кровным сыном приходится, — с достоинством ответила Арсентьевна, не совсем еще понимая значения этого внезапно поставленного ей вопроса.

— Хорошо. Для тебя — кровный сын. Не спорю. Со-

гласный. А вот для меня он есть перво-наперво — сибирский казак, воин!

— Што казак он у нас, это я и без тебя знаю.

— Мало знать, полковница. Надо ишо душой чутя! А у меня сердце за его воинскую честь болит. Я ночей не сплю — одну думу думаю: верен ли он там у меня святой присяге? Честно ли служит на поле брани нашей державе? Хорошо ли германцев в рукопашных битвах родительской саблей соборует? Вот об чем и надумал я письменно спросить самого командира полка, при котором состоит на службе наш Яков. Пусть полковой командир самолично на мою отцовскую тревогу за сына ответит.

— Ты бы ишо аж какому-нибудь там генералу письмо от себя пустил,— не унималась Арсентьевна.

— А што ты думала? И генералу пуцу — не оробею.

— Ну, генералу-то письмо составить — не со мной по-барахлить.

— И это знаю. Я не тебе чета. Я с самим их превосходительством покойным командующим всем фронтом генералом Брусиловым словесную беседу на театре военных действий имел. Стало быть, ты меня, полковница, генеральскими чинами не пугай: я с любым человеком обходительность имею.

— Ну, ладно.— безнадежно махнув на кавалера рукой, сказала «полковница». — Ладно. Валяй. Только ведь им там сейчас и делов, што на твои доплатные письма заказные ответы на гербовой бумаге слать. Разевай рот, станут с тобой генералы связываться да ишо в такую пору!

Собственно, будь «полковница» не в годах, да и сам-то он, георгиевский кавалер, помоложе, стоило бы слегка проучить ее за такие дерзкие речи. И Евсеич не нашел другого выхода из этой перепалки, как только звучно сплюнуть «полковнице» под ноги и так хлопнуть при выходе дверью, что на полках заговорили горшки.

XIII

Не найдя поддержки в своих замыслах у Арсентьевны, Евсеич в тот же вечер решил поговорить по душам насчет письма с Алешей и сразу же нашел во внуке отзывчивого и верного в этом деле союзника. Не дав даже договорить деду до конца, Алеша пулей слетал на кухню за учени-

ческой тетрадь, на листках которой обычно писали они с дедом письма на фронт, и, приготовившись писать под диктовку, сказал:

— Дедушка, ты у нас мировой! Давно бы нам надо было написать такое письмо генералу.

— А ты думаешь, мы пустим письмо прямо генералу? — спросил Евсейч.

— Ну.

— Согласный. Давай пустим прямо генералу.

— Прямо аж самому главному командующему, — решительно заявил Алеша.

— Аж самому главнокомандующему? — почти шепотом спросил дед.

— Ну.

— А как, слышь, мы его составлять будем? Руководства по письмоводительскому делу у нас с тобой под руками нет. А без руководства опасно, Алексей, на имя высших чинов писать. Так мы черт те што набуровить с тобой можем.

— Не набуровим, — уверенно сказал Алеша. — Ты только давай диктуй мне обратно все сквозь от себя — и только. Пусть генерал поймет, что пишет ему старый сибирский казак такой-то.

— Георгиевский кавалер такой-то, — поправил внука старик.

— Ну, факт. Так и подпишем: писал, дескать, это письмо георгиевский кавалер такой-то.

— Правильно. Это все хорошо будет у нас с тобой составлено, — сказал, подумав, Евсейч. — Только в одном я, слышь, Алешка, сумлеваюсь: как мы ему письмо откроем?

— Что значит «как откроем?» — не понял внук.

— А то значит, што как мы его с тобой величать будем, генерала-то? По прежнему-то артикулу в письменном прошении на имя генерала надобно было полный титул правописать. А как мы напишем?

— Да так просто и напишем: «Дорогой товарищ генерал!»

— Просто «товарищ генерал», и баста?!

— Ну, факт. А то как же еще? — удивился Алеша.

— Неловко как-то мне, старому казаку, да ишо георгиевскому кавалеру, запанибрата с высоким армейским чином обращаться. Непривычно это, Алексей, для меня.

Прежде бы их высокопревосходительством вывеличал. Дак ведь так-то оно куды звончее выходит!

— Ну, теперь этого нельзя, деда,— решительно заявил внучек. И нацелившись пером на графленый листок тетрадной бумаги, приготовился к добросовестному исполнению обязанностей писаря.

...Всю ночь, не смыкая глаз, трудились над письмом к генералу старый георгиевский кавалер с Алешей. Перешептываясь, как заговорщики, они трижды переписывали и десятки раз вполголоса перечитывали уже наизусть заученное ими письмо, адресованное в личные руки командующего фронтом, на котором дрался с немецкими ордами Яков. Все это делалось, сообразно с решительным требованием Евсеича, в глубокой тайне от Арсентьевны, которая и в самом деле не ведала, чем заняты уединившиеся в горнице дед с внуком.

А рано утром Алеша сдал прошитый крест-накрест черными нитками треугольный конверт на почту.

И потянулись долгие, томительные дни ожидания ответа. Дед, как и прежде, проводил дни на складах Заготзерно, строго следя за качеством сдаваемого государству хлеба. Внук совмещал школьные занятия с трудом на воскресниках, помогал колхозу в молотье и хлебоотгрузке. Но ни тот, ни другой не только не выдавали своей тайны Арсентьевне, но даже избегали теперь заводить разговор о письме между собой. А не говорили они об этом потому, что оба втайне, надо сказать, сомневались в получении ответа. И не дай бог, узнала бы прежде времени о письме бабка, пропали бы тогда они с дедом, со свету бы сжила тогда старуха своими насмешками георгиевского кавалера, да и Алеше бы перепало...

Шли дни.

Алеша с Евсеичем крепились, молчали, ждали.

И вот однажды — это случилось в первых числах ноября — снохи и замужняя дочь Евсеича, вернувшись в сумерках с колхозного тска, были удивлены не совсем привычным нарядом деда. Он повстречался им на дворе. Одетый в черный парадный мундир с поблекшими на рукавах галунами, который он ревниво берег еще со времен полковой службы, в широкие, старомодного армейского покроя, шаровары с лампасами — тоже парадные — из тонкого синего сукна, старик, заложив за спину руки, неподвижно стоял посреди сграды. Словно к чему-то при-

слушиваясь и кого-то поджидая, он, казалось, не заметил даже внимательно оглядевших его с ног до головы и удивленно переглянувшихся баб.

— Что это папаша-то у нас так снарядился? Праздник у них сегодня какой, что ли? — спросила, входя в дом, свекровку старшая из снох.

— Пойди, спроси его, — насмешливо ответила Арсентьевна. — Я уж пыталась. Как воды в рот набрал — молчит. Явился со склада нынче ни свет ни заря. Парадную форму потребовал. Вышелкнулся. Перед зеркалом частым гребнем бороду начесал. И торчит вот битый час во дворе. Видать, поджидает кого, что ли...

Арсентьевна не ошиблась. Евсеич и в самом деле поджидал задержавшегося в школе Алешу, приказав семейным не начинать ужина до тех пор, пока не придет внук.

А спустя полчаса, когда все семейные были в сборе, старик, усавив с собой рядом запыхавшегося Алешу, приказал Арсентьевне подать на стол лафитник вишневой настойки и пяток бирюзовых рюмок — по числу сидевших за столом взрослых членов семьи.

Почувяв что-то не совсем обычное в загадочном поведении георгиевского кавалера, «полковница» на этот раз беспрекословно выполнила его требование и, поджав губы, присела к столу.

Евсеич сам не спеша наполнил веселенькие рюмки вишневкой, поочередно, блюдя старшинство, расставил их перед каждой из женщин, а затем, расправив пышную, как знамя, бороду, сказал, кивнув внуку:

— Ну, Алексей, а теперь давай оглашай!

И Алеша, суетливо выхватив откуда-то из-за спины лист белоснежной, приятно похрустывающей у него в пальцах бумаги, бережно расправил его на столе и высоким, срывающимся от волнения голосом стал читать:

«Георгиевскому кавалеру, сибирскому казаку
с Горькой Линии Тихо́ну Евсеевичу Реброву.

Дорогой отец!

Сердечное спасибо Вам за хорошее письмо, а главное, за то, что вы сумели воспитать такого орла, бесстрашного истребителя фрицев, каким является Ваш сын — сержант Яков Ребров, находящийся в настоящее время в одной из гвардейских частей моего соединения.

Воспитанный Вами на славных боевых традициях Сибирского казачьего войска, сын Ваш является бесстрашным и храбрым воином нашей доблестной действующей Красной Армии. И Вы, престарелый заслуженный воин России, можете смело гордиться Вашим Яковом, подлинным сибирским казаком, на груди которого горит орден Боевого Красного Знамени!

Крепко обнимаю и целую Вас, георгиевский кавалер!
Командующий Н-ским соединением генерал-майор

А. Степанов».

Впервые в жизни все увидели в глазах деда по-детски крупные, светлые и чистые слезы...

XIV

Километрах в полутора от станицы на высоком увале призывно маячат белоснежные шатры лагерей кавалерийского клуба. Неугасаемое пламя высоко поднятого на флагштоке знамени гулко шумит и трепещет на вольном степном ветру. И пронзительные звуки сигнальных труб доносятся до станицы на ранней заре, в полдень и поздним вечером.

Все минувшее лето и осень шла в лагерях напряженная боевая учеба казаков призывного и допризывного возрастов. Под наблюдением и строгим руководством местных командиров запаса — прирожденных кавалеристов, под зорким контролем старейших казаков поставлены были в стромена целые подразделения казачьей молодежи линейных сибирских станиц. Кавалерийские клубы Горькой Линии воспитали уже превосходных наездников, лихих джигитовщиков, неустрашимых, решительных, ловких и храбрых рубак.

Будучи сами блестящими наездниками, отличными знатоками кавалерийского дела, безупречными мастерами сложной джигитовки в седле, с азартом энтузиастов занимаются старики с молодежью, с успехом развивая в юных станичниках врожденное мастерство кавалерийской хватки, любовно приучая их к виртуозному владению обнаженным клинком. Не найти сейчас ни одной такой станицы в степных просторах Сибири, где бы не проходили в

лагерях кавалерийских клубов курса боевой подготовки молодые казаки.

Но, охотно обучая кавалерийскому делу станичную молодежь, не бросают привычной тренировки с винтовкой и саблей и сами старики. Не утратив былой осанки и выправки, прочно и молодо сидят они в седле, изумляя своим мастерством безусых сынов и внуков.

С величайшей готовностью к жертвам и подвигам встают в строй защитников нашей Родины деды и внуки, отцы и сыны в эту грозную годину Великой Отечественной войны. Строги и требовательны к молодежи старые казаки. Уж кто-кто, а они-то, с честью пройдя через огонь и воду былых сражений за святость Русской земли, назубок знают, что значит для войны закалка в учении, если предстоят впереди суровые маршруты далеких походов и ожесточенные рукопашные бои. Вот почему так настойчиво закаляют командиры в многокилометровых конных и пеших переходах своих сынов, неумоимо тренируя в них волю и мускулы, зрение и слух...

А в сумерках, когда, вернувшись с колхозных полей, казачки суетятся за управой домашних хозяйств, возвращаются из глубинных степей с боевых учений молодые всадники. Эскадроны конницы проходят, как встарь, по главной станичной улице, по той самой улице, которая издревле была дорогой чести и славы уходивших на поле брани сибирских казаков. Это улица древних воинских традиций.

Всадники проходят с песней.

Гулко звенят кованые конские копыта о бронированную заморозками родимую землю. И, как бубен, гудит дорога под глухим и ритмичным рокотом копыт, сопровождающим боевую походную песню:

То не бури с грозами
Грянули, ребята,
На берегах привольных
У Иртыш-реки—
За орлиной стаей
Поднялись орлята,
Все в отцов родимых,
Все сибиряки!
Наши сабли вострые,
Наши кони — звери,
Только гикни — ринутся
Черту на рога!
Сквозь огонь и воду,

Вьюги и метели
За отцами бросимся
Мы громить врага.
Не уйдет от конницы
Вражеская стая,
Сечь башку фашистскую
Казаку с руки.
Пусть помянет песней
Родина святая,
Как громили врага
Мы, сибиряки!

Ярко, молодо звучат чистые голоса всадников.
И старые люди, и дети, и женщины, и девчата — все, от мала до велика, высыпав при звуках этой огневой песни на главную улицу, молча любят шагм шагом строевых лошадей, безупречной выправкой и посадкой всадников. И долго будут стоять у ворот эти люди, пока не скроется из глаз арьергардная колонна кавалеристов, пока не замрет где-то вдали волнующая каждого боевая песня, песня, властно зовущая к мужеству и решительности, к стойкости и к борьбе.

За края родимые,
За станицы наши
Мы в сраженья ринемся
С дикою ордой;
Чтобы жизнь привольная
Стала наша краше,
Когда мы с победою
Двинемся домой!

Нет, не умерли и никогда не умрут в сердцах казаков Горькой Линии те боевые традиции воинственных предков, которые завещал нам великий завоеватель степных просторов Сибири Ермак!

Ст. Пресновская,
ноябрь, 1942 год.

ЗОЛОТОЕ ДНО

Однажды — это было приблизительно за полгода до начала великого наступления на целину — позвонили мне из Москвы. Редакция одной центральной газеты просила побывать по одному оперативному ее поручению в Тарановском районе Кустанайской области — соседке нашего Северного Казахстана.

— Кстати, это где-то у вас рядом, — звучал издалика голос.

Я прикинул по карте Казахской ССР. От пограничного с Кустанайской областью Пресновского района, где я живу, до районного центра Тарановского по прямой переваливало за 700 километров! И на этом пути было названо немногим больше десятка сел и аулов, обозначенных чуть приметными точками на шафранном, как цвет пустыни, фоне карты, оживленной лишь голубыми крапинками щедро раскиданных окрест озер. Ни железно-дорожных магистралей, ни шоссейных, ни иных государственных дорог на громадном пространстве Кустанайской области карта не отмечала. И только как бы неряшливо сотканые паутинки вольнолюбивых степных проселков темнели кое-где вокруг не густо обжитых здесь мест.

Таковыми выглядели два с лишним года тому назад Кустанайские степи современной географической карты Казахской республики. Таковыми полупустынными, малообжитыми, почти безлюдными и увидел впервые я их в памятном 1953 году.

Стояла вторая половина августа — конец жаркого, но щедрого в тот год на веселые грозовые ливни лета. В залитой потоками тепла и света огромной — ни конца ни края — степи стойко держался еще по утрам бражный аромат нетронутых инеем трав. А томительный, горько-

вато-нежный запах полыни — древней красы диких степных равнин — говорил уже о близости осени. Но еще полетному буйствовали на горячем ветру ковыли, и степь — как море в часы мертвой зыби — тяжело колыхалась, сверкая на солнце алмазными брызгами летучих их волн, бесследно пропадавших близ неясной линии горизонта.

Упругие крылья скорости глухо гудели за бортами «Победы», и часовая стрелка продолжала свершать за кругом круг. Все та же ровная, точно гудронированная, степная дорога стремительно мчалась навстречу из подернутого знойной дымкой простора. По-прежнему безлюдно было в этом древнем царстве ковылей и непуганых птиц, одиноких курганов и застенчиво спрятавшихся в камыши озер. Извечные старожилы этих равнин — сурки, встав в круговой караул, ревниво оберегали обжитые ими пригорки. Стрелами проносились временами стороной и мгновенно исчезали из глаз плотные стаи сайгаков. И молодые орлята, недавно поднявшиеся на крыло, храбро забирали все выше вслед за громадным, позолотевшим от солнца орлом, уводящим их в безоблачное, полыхавшее голубым огнем небо...

Не часто — километров через тридцать, а то и через все полста — встречались в глубь открытой этой степи русские села. Точнее их было бы назвать украинскими. За это говорили крытые вначес золотистой соломой ослепительно-белые хаты с плетеными палисадниками вольно раскинувшегося вблизи березовой рощи Ивано-Ровного; громадные тавричанские избы по-степному просторной, богатой бахчами Ксеньевки; могучие тополя перед окнами хат и садочки необычайно уютной Белоградовки и других, в общем похожих одно на другое и в то же время чем-то неуловимо разных сел.

Это были села пионеров освоения вековых целинных земель, раскинувшихся на громадном пространстве нынешнего Казахстана — от левобережья Иртыша до берегов Урала, от лесостепных Северо-Казахстанских равнин до границ Прибалхашья. И об этих первых покорителях целины нельзя не сказать здесь доброго слова!

Казахстан!

Страна неприступных горных вершин и дремучих таежных дебрей; царство безмолвных шафранных пустынь и безбрежных ковыльных просторов; золотое дно плодороднейших черноземных равнин севера и мир залитых

теплом и светом хлопковых и рисовых плантаций юга; зоны среднерусских пейзажей — холмистых лесостепей, тихих озер и березовых перелесков — и места полуденного солнца, виноградников и садов. Таков географический облик этой обширной, богатой республики — края резких климатических контрастов. Тут увидишь вечные снега на вершинах высоких гор и субтропические растения в долинах, испытаешь арктические снежные бури и песчаные самумы. В конце февраля под Кустанаем и Петропавловском с грохотом рвутся в морозные ночи метровые льды на озерах; в степях за Тургаем бушует седая пурга; в то же время на пригретых вешним теплом нижних уступах Заилийского Ала-Тау уже красуются нежные, робкие подснежники. В одних районах республики по утрам не надышишься в эту пору ароматом густого, стойкого, как сотовый мед, морозного воздуха, а в других — уже слегка кружит голову бражный запах пригретой солнцем яблонево́й коры.

1

Богатейшее зерновое хозяйство Казахской республики, и, в частности, основной житницы ее — Северного Казахстана, имеет свою давнюю, поучительную и увлекательную историю.

До конца XVIII столетия этот, издревле обжитый кочевыми народами, бывший Киргиз-Кайсацкий край земледельческой культуры не знал. Кочевники не занимались хлебопашеством. Они довольствовались теми благами, которые давало животноводство. История земледелия на этих бескрайних просторах прочно связана с историей России.

Проникновение первых русских людей в степные владения кочевников отмечено почти за два столетия до того, как сквозь первый взрыхленный пласт благодатной земли пробился первый пшеничный колос. По горячим следам Ермака в 80-х годах XVI века пошли по диким степям те боевые дружины служилых русских людей, коим доверено было — согласно царевой грамоте — окончательно «подвести новые земли под высокую царскую руку». В решающей битве на Иртыше Ермак разгромил Кучума, но не добил его. Как свидетельствует знаменитый сибирский

летописец Михаил Ремезов, некогда грозный хан с остатками потрепанного своего войска «утече на калмыцкий рубеж Ишима». Этим рубежом и являлись плодороднейшие пространства нынешних Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Акмолинской и частично Кустанайской областей. В 1598 году боевые дружины русских воевод окончательно разгромили кучумские орды и земли эти присоединили к России. Сам Кучум, бежав в южную глубь ногайских степей, погиб.

Но кровопролитные битвы продолжались тут и позже — на протяжении почти двух столетий. Вскоре после бесславной гибели Кучума русским воинам пришлось сражаться с ногайцами, у которых нашли себе приют сыновья грозного татарского властителя. Затем на степные рубежи хлынули с юга несметные полчища джунгар. Они стали грабить местное население и опустошать воеводские остроги, охранявшие завоеванные владения. Но полудикие племена джунгар, конечно, не могли противостоять России, тем более, что их ненавидело и местное население. Когда же в долинах Иртыша и Ишима был открыт алебастр (ошибочно принятый за слюду), Петр I повелел воздвигнуть в присоединенном крае несколько новых военных укреплений и откомандировал сюда три тысячи конного и пешего войска во главе с бригадиром Бухгольцем. Прибыв на место, эти люди и заложили сначала Омскую, а затем Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую крепости.

В 1752 году генерал Киндерман построил на правом берегу Ишима крепость Петра и Павла — нынешний Петропавловск, и воздвиг целую цепь укреплений, земляных городищ, маяков и редутов, что пролегли близ горько-соленых озер от Яика до Иртыша. От обилия горько-соленых вод линия эта и была названа Киндерманом Горькой. В 1808 году на этой-то линии и было образовано линейное Сибирское казачье войско. Правительство наделило казаков землей, жалованием, а на первое время — фуражом и продовольствием. Спустя лет пятнадцать после того линейные казаки уже были хозяевами всех окрестных степей от Петропавловска до Кокшетау, от Акмолинска до Каркаралов.

Так завершен был первый тур освоения Россией Северного Казахстана.

Но землю возделывать тут начали значительно преж-

Подходит пленник. Он хитер и стар,
 Мирза татарский с жалкими усами.
 — Ермак могилу роет для татар? —
 Ермак в ответ: — Ее вы рыли сами! —
 И засмеялся. Острием меча
 Он продолжает рыть еще упорней.
 Он рушит дерн. И слышно, как, треща,
 Растений диких лопаются корни.
 Земля, на меч налипшая, жирна:
 В ней кровь, в ней пепел от лесных пожаров.
 — Кольцо! Достань-ка горсточку зерна,
 Немолотое есть у кашеваров.
 ...Глядят на атамана казаки
 И пленники — праправнуки Батяи.
 Летят из атамановой руки
 В сырую землю искры золотые.
 «Я много ль сеял на своем веку?» —
 Так думает страны завоеватель.
 Иван Кольцо подходит к Ермаку,
 Его помощник и большой приятель,
 Ивану заглянул Ермак в лицо,
 И шепчет он — тревогой полон голос:
 — Как думаешь, дружок Иван Кольцо,
 Не вытопчут? Взойдет? Созреет колос?

Восемьдесят лет назад акмолинский почтмейстер за-
 штемпелевал в присутствии губернаторского письмово-
 дителя и отправил в далекий Петербург особо важное, за
 сургучной печатью, строго секретное письмо. Это был уве-
 систый, казенного образца пакет, адресованный лично
 императору. Вот что писал тогда степной генерал-губер-
 натор Казнаков царю:

«Положение степных областей требует особого внима-
 ния. Со времени принятия киргизами русского подданства
 успехи, сделанные оными в гражданственности, весьма
 ничтожны. Попытки же перехода сих инородцев к земле-
 делию также не заслуживают внимания. Между тем, до-
 коле киргизы будут одиноко совершать в пустынных про-
 странствах степей огромные орбиты своих кочевков, вдали
 от русского населения, они останутся верноподданными
 лишь по названию и будут числиться русскими только по
 переписям. Сопредельные с ними по Линии казаки, по
 малочисленности своей, не могут принести оному делу
 большой пользы, но сами поголовно обучились киргиз-
 скому наречию и переняли некоторые, впрочем, безвред-
 ные, привычки кочевого народа...»

Генерал Казнаков поднял перед императором вопрос об отмене запрета на доступ к казахским землям для крестьян из центральных губерний России. Получив губернаторское донесение, император размышлял четырнадцать лет и лишь в июле 1889 года обнародовал «высочайшее уведомление» о том, что отныне акмолинские и все западно-сибирские степи объявляются открытыми для вольного крестьянского переселения.

Подходил к концу XIX век. За неполное столетие Россия уже успела насчитать сорок голодных лет. Со страшной закономерностью каждые два-три года страна терпела неурожай, за которым следовал голод. Если в начале столетия в центральной полосе империи одновременно голодали по шесть и по восемь губерний, то в сороковых годах их число достигло уже восемнадцати, а в девяностых — шестидесяти. Однако эти страшные цифры не очень тревожили романовскую династию. Императоры, ревностно поддерживаемые помещиками, боролись не с голодом, а с голодающими. Так, например, когда в 1840 году голод одолел около двух десятков губерний, Николай I, образовав секретный комитет, соблаговолил дать ему для руководства следующую директиву: «Надлежит помнить, что от достаточной помощи в крестьянах возбудится леность и тунеядство, и правительство, ограждая народ от физического бедствия, может сделаться невольной причиной распространения нравственных недугов, в существе своем несравненно вреднейших и опаснейших...»

Естественно, что когда был открыт доступ в доселе наглухо замкнутые на двенадцать засовов ворота в далекую хлебобородную степь, десятки тысяч изголодавшихся на родине, отчаявшихся мужиков тотчас снялись с насиженных мест и, не раздумывая, тронулись в неведомые акмолинские места.

По терновому, каторжному пути шли в те годы переселенцы. История дореволюционного переселения российских крестьян на пустынные восточные земли — это целая эпопея страшных, почти неправдоподобных бедствий, чудовищных лишений и народного горя. Перенести все это способен только русский мужик.

Писатель Н. Д. Телешов рассказывает в своих воспоминаниях, как однажды, в пору своей литературной юности, он случайно встретился в вагоне пригородного под-

московного поезда с А. П. Чеховым. Телешов ехал на одну из пригородных станций с намерением снять там для себя дачу на летний сезон. Разговорившись с Чеховым, молодой писатель пожаловался ему на отсутствие тем для творчества. Внимательно выслушав юного литератора, Антон Павлович, мягко улыбнувшись, сказал ему:

— Послушайте, а зачем вам эта самая дача? Знаете, что я вам посоветую? Если хотите стать серьезным писателем, плюньте-ка, батенька, на все эти дачные затеи. Я бы на вашем месте сейчас же секунду вернулся в Москву, купил бы билет и завтра же выехал бы третьим классом куда-нибудь подальше... ну, скажем, на Урал. Уверю вас, там вы встретите немало интересного, и вам будет потом о чем рассказать...

Телешов так и сделал. Распрощавшись на первой же дачной остановке с Чеховым и горячо поблагодарив его за полезный совет, он вернулся с первым же поездом в Москву, немедленно выправил билет на вокзале и на другой день уехал в вагоне третьего класса в далекую зауральскую степь. А через два года в Петербурге вышла в свет книга, сразу же обратившая на себя внимание критики и доставившая автору ее широкую популярность в читательских и литературных кругах. Это были телешовские «Переселенцы» — правдивая, глубоко волнующая повесть о русском мужике, рискнувшем попытать счастья в пустынных акмолинских степях. Именно Телешов первым из писателей рассказал языком художников горькую правду об этой переселенческой голгофе, где столько было страданий, народного горя, гнева и слез, что далеко не у каждого из читателей хватало тогда мужества и решимости дочитать эту книгу до конца.

Как Н. Д. Телешов в литературе, так другой значительный русский художник С. В. Иванов в живописи оставил нам яркие художественные документы, свидетельствующие о трагической судьбе дореволюционного русского переселенца. Все мы помним и по Третьяковской галерее и по многочисленным репродукциям широко известную картину «Переселенцы». И тот из нас, кто хотя бы раз в жизни видел это полотно, никогда не забудет ни жалкой переселенческой повозки, одиноко торчащей среди дороги в глухой степи, ни страшного в своей неподвижности, прикрытого грубой холстиной труп кормильца осиротевшей семьи, ни этих, обреченно опущенных

под тяжестью невыплаканного горя, страдальчески выразительных женских плеч.

И книга Н. Д. Телешова, и картина С. В. Иванова, и превосходный, как всегда, предельно выразительный и яркий рассказ «На край света» Ивана Бунина — все эти документы одного плана, где путем обобщений и изобразительных средств художники раскрыли нам с потрясающей психологической глубиной внутренний мир русского мужика, вынужденно покинувшего свою родину и отправившегося на поиски некоей обетованной страны.

Но существуют документы и другого плана, где скупой и точный язык фактов и цифр, пожалуй, не уступает по своей выразительности ни объективному телешовскому слову, ни острому бунинскому перу, ни строгой и смелой ивановской кисти. Так, например, в XVIII томе полного географического описания России, изданном в С.-Петербурге в 1903 году, читаем:

«С девяностых годов начался усиленный наплыв переселенцев в Акмолинскую область, с которыми администрация первое время не знала, что и делать и куда их размещать. Так, летом 1890 года в области скопилось свыше семнадцати тысяч никуда не причисленных переселенцев. Они буквально наводнили все казачьи поселения. Но так как везде все было переполнено, то они целыми месяцами бесцельно блуждали из поселка в поселок в тщетных поисках пристанища. Уездные власти, не видя возможности как-нибудь устроить всех этих несчастных и опасаясь волнений и развития различных эпидемий, употребляли все меры, чтобы удалить переселенцев из пределов области».

Вот как встретили акмолинские власти в лице так называемой особой комиссии по делам переселения прибывших сюда россиян. А на покинутой пришельцами родине, когда они только еще собирались переселяться, им были обещаны и свободный выбор земельных участков, и льготы по податным платежам и натуральным повинностям, и бесплатные сто лесин на каждый двор для обзаведения постройками, и даже двадцать рублей наличными на каждую семью «на предмет обзаведения скотом», как говорилось в «переселенческой инструкции». Но это были обещания. Действительность оказалась иной.

Наступила грозная, до сих пор многим памятная в Северном Казахстане, осень 1890 года. Девятьсот пят-

надцати семьям из семнадцати тысяч, мечтавших найти в акмолинских степях обетованную землю, наконец повезло: их кое-как, с грехом пополам, все же «устроили» на призренных межевиками земельных участках. Но что это были за участки! Межевые партии землеустроителей меньше всего заботились о благополучии новоселов и в спешке селили их, где попало. Вот почему через год многие из вновь возникших в степи переселенческих сел, хуторов и отрубов исчезли. Крестьяне вынуждены были сняться с обжитых за зиму мест и тронуться на поиски новых, более пригодных земельных угодий. Причины к тому были веские: то близ поселков воды не оказалось, то почва была солончаковой, то новоселам межевика «забыли» прирезать сенокосные угодья. «Забывчивость» землеустроителей объяснялась очень просто: землеустраиваемые ими мужики, как потом оказалось, недостаточно щедро «позолотили господам землеустроителям ручку» и вот теперь вынуждены были расплачиваться за свою недогадливость более крупной монетой, разоряясь вчистую, вконец...

Судьба же нигде не приписанных переселенцев была еще ужасней. Очутившись к зиме без крова, без куска хлеба, без гроша за душой, тысячами отупело кружились они по степи, бродили по линейным казачьим станицам «в тщетных поисках пристанища». Но казаки не очень-то радушно привечали пришельцев из далекой «лапотной Расеи». Видя в новоселах своих врагов, посягающих на священную казачью землю, и по наитию чувствуя в них опаснейших своих конкурентов в земледелии, линейные старожилы не только не давали приюта обездоленным мужикам, но, с молчаливого согласия начальства (а нередко и подстрекаемые им), гнали переселенцев из своих станиц прочь, не позволяя даже укрываться от дождей и непогоды под крышами пустующих войсковых амбаров. Прогнанные из станиц, злорадно освищенные и осмеянные злыми на язык старожилками, измученные бесконечными скитаниями, отчаявшиеся, изголодавшиеся и почти утратившие человеческий облик переселенцы вынуждены были искать защиты в пустынных степях или у редких зимовок кочевников. Но казахи-кочевники, сами вытесненные с прежних богатых пастбищ, не могли сочувственно отнестись к русским новоселам. Аткаминеры, влиятельные степные князьки и баи, натравливали казахскую бед-

ноту на блуждающий по степи бездомный русский народ. Сложнейший переплет национальных и классовых отношений обретал самые злые, острые формы.

Нет, некуда было приклонить головы в этом просторном краю затравленным, попавшим под перекрестный огонь национальной, сословной и классовой ненависти переселенцам. На суровом чужестранном ветру, под проливными дождями ютились они в жалких шалашах и, простужаясь и голодая, умирали близ глухих дорог, беспомощно цепляясь цепенеющими пальцами за жесткую, неласковую к ним землю...

«Употребив все меры к удалению переселенцев из пределов области, акмолинское степное генерал-губернаторство разгоняло чудом уцелевших от голодной смерти людей куда попало. Часть из них была выпровожена на Алтай, иные уплелись в соседнюю, Семипалатинскую, область, иные — таких, правда, было немного — рискнули вернуться на родину.

Но могучий переселенческий поток, хлынувший к прославленным берегам Ишима, не затих и после пережитой первыми переселенцами катастрофы. К 1896 году здесь уже осело свыше восьмидесяти тысяч курских, орловских, пензенских и тамбовских мужиков. Потом появились белые, крытые золотистой соломой хаты прикочевавших сюда киевлян, херсонцев, полтавцев и черниговцев. Задумчивый и уютный украинский пейзаж смягчал библейскую суровость этих равнин. Вскоре приветливо замахали могучими крыльями высокие, со стрелчатými шипами на макушках украинские ветряки. Приятно было смотреть издали на неутомимую работу этих тружеников усталому степному путнику, завидевшему вдалеке новое, прочно обжитое трудовым народом селение.

Эти гордо поднимавшиеся над степью ветряки были первыми маяками зародившегося в степном краю и стремительно разраставшегося торгового земледелия. И зоркие, наметанные глаза екатеринбургских, ирбитских и шадринских зерноторговцев сразу же заметили новую, обширную зону для хищных своих промыслов и спекуляций. Вот почему все чаще и чаще стали кружиться окрест незнакомых переселенческих сел бойкие на язык, расторопные и всегда как будто полухмельные заезжие с Урала хлеботорговцы.

А в канун 1917 года чиновники Акмолинского губер-

ского статистического управления донесли по начальству, что «согласно последних статистических данных, собранных по степному краю, на территории Акмолинской губернии числится уже свыше одного миллиона двухсот тысяч осевших на землю переселенцев».

Так был завершен второй тур колонизации бывшего Киргиз-Кайсацкого края. По тропе Ермака, по следам русских служилых людей, за полками пехоты и лихими эскадронами казачьей конницы пришла в эту степную окраину Российской империи великая армия земледельцев, армия будущих мастеров земли.

Сокровенная мечта Ермака — завоевателя и первого земледельца края — сбывалась. Зерно, некогда брошенное во взрыхленную боевым мечом землю, дало ростки. И напрасно тревожился вдруг затосковавший по пашням полководец: пригоршня золотых искр, оброненная им на поле брани, не была вытоптана потомками. Но до урожая, о котором часто мечтал в бессонные ночи задумавшийся под шатром Ермак, было еще далеко.

Наступал только 1917 год.

II

Редкий, пожалуй, из наших современников знает о том, что еще совсем недавно, всего каких-нибудь лет шестьдесят назад, в Северном Казахстане существовало поливное земледелие. Как и на юге Казахстана, здесь весело журчали арыки, орошая пашни и омывая луга. Глуховатый, дремотный говор арычной воды можно было услышать тогда в самых северных районах нынешней Акмолинской области, под Атбасаром и близ Петропавловского менового двора. И там, где ныне тяжело клонятся долу золотовесные колосья вызревших колхозных хлебов, где шумят на ветру голубые волны овсов и смыкаются с далеким степным горизонтом шафранно-желтые массивы пшеницы, — там в недалеком прошлом ютились близ безыменных степных речушек и ручейков жалкие клочки искусственно орошаемых человеком пашен.

Это были пашни кочевников-казахов.

Именно казахи занесли сюда от ворот Ташкента и Бухары древнюю культуру поливного земледелия. Не имея под руками более совершенных сельскохозяйственных

орудий, чем ручной кетмень, кочевники были не в силах одолеть залежи спрессованной столетиями земли. Появление в этих местах испытанной и многострадальной русской матушки-сохи произвело технический переворот в казахском земледелии. Теперь, при наличии мощных тракторов и многолемешных плугов, смешно говорить о сохе, а в ту пору, по сравнению с ручным кетменем, она была дельным сельскохозяйственным орудием. И естественно, что соха скоро вытеснила ручной кетмень, а с ним вместе и примитивное поливное земледелие.

До первой половины прошлого столетия казахи почти не занимались хлебопашеством. Потом, отчасти под влиянием русских земледельцев, отчасти из-за набегов враждебных племен, угонявших гурты скота, разорявших кочевников, они волей-неволей приобщались к земледельческому труду. Одной из причин этого были также массовые падежи скота, возникавшие то в одном, то в другом месте. Так, например, в 1879 году у казахов бывшего Казалинского уезда погибло свыше двух третей скота. Десять тысяч кибиток из 25 тысяч вынуждены были перейти от скотоводства к земледелию. Еще раньше казалинцев взялись за посевы пшеницы и овса кочевники с берегов Или и из Карательской долины. Причем, по свидетельству пристава Большой орды, как илийские, так и карательские кочевники, согласно особому договору с тогдашним военным управлением Заилийского края, уже поставляли продовольствие и фураж для казахских войск, сосредоточенных в 1885 году в укреплении Верном.

Приблизительно в эти же годы земледелие получило довольно широкое распространение и в северных районах нынешнего Казахстана. А перед Октябрьской революцией казахи Актюбинского уезда занимались посевами уже почти поголовно. Около 80 процентов полукошевого казахского населения имело к этому времени свои посевы в Кустанайском и свыше 60 процентов — в Лбищенском уездах. Это были районы наиболее развитого казахского земледелия, где, по данным бюджетного обследования, годовой расход хлеба на одно хозяйство составлял в среднем уже 119 пудов. Казахи же бывшей Акмолинской губернии, по сравнению с кустанайцами и актюбинцами, сеяли меньше и доход от своих посевов имели незначительный. Объясняется это тем, что крупные скотоводческие хозяйства акмолинских полуфеодалов земледелием

не занимались: им еще пока было выгоднее гонять по кулундинским и каркаралинским ярмаркам тысячные гурты своего скота и вступать в привычные торговые сделки с российскими скотопромышленниками, чем пускаться в весьма рискованную конкуренцию с местными «зерновыми королями», набившими руку на хлебных спекуляциях. И если годовой денежный доход казахских земледельцев Кустанайского и Актюбинского уездов выражался к концу 1913 года в 24 рублях, то казахи Акмолинского уезда получали от своих посевов не более трех рублей в год, а среди казахских земледельческих хозяйств Петропавловского уезда годовой доход не превышал и... пяти копеек.

В эти предвоенные годы среди казахского населения бывшей Акмолинской губернии хлебопашеством занимались почти исключительно бедняки. Чудом удержавшись за последнюю лошадь и не имея иных источников существования, они брались за поручни сохи и начинали ковырять жалкий клочок земли, надеясь таким образом поддержать угасавший огонь семейного очага и спасти свою семью от голодной смерти. Нам теперь трудно даже представить, как это могло держаться такое хозяйство с... пятикопеечным доходом в год. А между тем это было так. Выбора у казахского бедняка, в сущности, не было: или ковыряться с грехом пополам в земле и хоть впроголодь, но кормить до половины зимы свою семью хлебом. или, бросив эту семью на произвол судьбы, отправляться к линейному казаку или степному баю в батраки, откуда возврата не было.

Развитие торгового земледелия шло за счет линейных казачьих и, главным образом, переселенческих хозяйств. Сельскохозяйственная перепись 1916 года свидетельствует, что около 80 процентов всех посевных площадей бывшего Киргиз-Кайсацкого края было сконцентрировано в переселенческих хозяйствах. Посевная площадь переселенцев, осевших в пределах нынешнего Казахстана, исчислялась в канун первой мировой войны в 2 миллиона 864 тысячи десятин из 4 миллионов 259 тысяч десятин всей посевной площади края. Остальная посевная площадь в количестве 1 миллиона 395 тысяч десятин падала на казачество и на хозяйства бывших кочевников.

Классовая дифференциация среди новоселов началась в первые же годы освоения земель и особенно обостри-

лась в канун мировой войны. Из обследования переселенческих хозяйств, произведенного профессором Румянцевым в Лепсинском, Копальском, Сергиопольском и Верненском уездах, видно, что 35 процентов из проживавших здесь в 1912 году переселенцев считалось «неприписанными», то-есть не имело ни своей земли, ни клочка своих собственных посевов. Эти русские и украинские люди наравне с казахской беднотой терпели такую беспроектную нужду, такие нечеловеческие бедствия и лишения, о которых знаем мы теперь только по просторным, как степи, по горьким, полным тревоги, тоски и гнева русским народным песням да по вдохновенным и непосредственным творениям степных акынов, воспевающих в своих стихах скупую на счастье и радости жизнь казахской кочевнической бедноты.

По свидетельству того же профессора Румянцева, только 15 процентов из обследованных им в упомянутых уездах переселенческих хозяйств жило в достатке и довольстве. В руках этих 15 процентов было сосредоточено около 70 процентов всего имевшегося в переселенческих хозяйствах скота и свыше половины всей посевной площади. Это были кулаки — типичные представители тех самых капиталистическо-фермерских хозяйств, на которые возлагал в свое время все надежды земледельческой России известный «реформатор» Столыпин. По хвастливым и самоуверенным заявлениям этого реакционнейшего царского министра, именно таким «крепким хозяйством» суждено было открыть новую эру технического прогресса в русской земледелии. Однако история показала, что никакой такой новой эры столыпинские отрубные кулаки не открыли и никакого прогресса в своем земледелии не произвели.

Особенно яркие, предельно выразительные примеры, обнажавшие сущность столыпинской реформы, можно было наблюдать в дореволюционном Казахстане. О каком техническом прогрессе могла идти речь, если акмолинские, кокчетавские, кустанайские и прочие кулаки не нуждались в механизированном земледелии! Не нужна была им механизация. Куда дешевле было и выгодней эксплуатировать русско-казахскую бедноту. Батраки обходились столыпинскому фермеру дешевле любой простейшей сельскохозяйственной машины.

Можно смело сказать, что такой варварской, хищниче-

ской обработки земли, какую практиковали кулаки в казахских степях, не знала ни одна губерния Российской империи. Арендуя у казахской бедноты землю на срок в пять лет, кулаки совершенно ее обескровливали и бросали, потом переключались на новые целинные массивы. Ни о каких, разумеется, агротехнических мероприятиях тут не могло быть и речи — кулак не нуждался в них. Он сеял до тех пор, пока земля давала богатый урожай, а затем арендовал у казахов новый участок — земли-то окрест было много.

Столыпинское «Особое степное положение» установило такой порядок, согласно которому казахи могли сдавать в аренду принадлежавшую им землю только «состоятельным русским людям», то есть кулакам. Причем вопрос о сдаче земли в аренду мог решаться только съездом выборных волостных — крупнейших степных князьков-феодалов. Этим «положением» широко воспользовались влиятельные верхи дореволюционного казахского аула — аткаминеры, тотчас же занявшиеся от имени таких фиктивных съездов самой бессовестной распродажей не принадлежащих им земель. Сдавая в аренду русским кулакам земельные наделы казахской бедноты, они клали львиную долю арендной платы в собственный карман.

Идеологи столыпинской аграрной политики в лживых, ханжеских своих выступлениях болтали о том, что якобы к началу мировой войны, за шесть лет реакции, подавляющее большинство земледельческих хозяйств России экономически окрепло, поднялось и обогатилось. Однако В. И. Ленин доказал обратное. Опирируя взятыми из помещичьего журнала «Русская мысль» цифрами и фактами, Владимир Ильич в ответ на неумную болтовню реакционных писак заявил, что ежели одна пятая часть земледельческих хозяйств действительно окрепла, то две пятых за это время дошли до полного разорения, а две пятых остались на прежнем уровне. В замечательной речи, подготовленной для думских большевиков к произнесению десятого апреля 1914 года в Государственной думе, Ленин писал:

«И помещик, дающий зимой под работу хлеб или деньги, вовсе не похож ни на «европейского» хозяина, ни на капиталиста-предпринимателя вообще... Усовершенствования производства не только ненужны при такой «системе хозяйства», а прямо *нежелательны* с ее точки зре-

ния, ненужны и вредны для нее. Разоренный, нищий, голодный мужик с голодным скотом и убогими орудиями — вот что *нужно* для подобного помещичьего хозяйства, которое *увековечивает* отсталость России и забитость крестьян».*

III

Ранним утром лета 1954 года наш серебрянокрылый красавец «Ил» стартовал после бешеного разгона со взлетной площадки Алма-Атинского аэродрома и лег курсом на север. Позади осталась зубчатая гряда обрамленного тянь-шаньскими елями и увенчанного вечными снегами хребта Заилийского Ала-Тау и потонувшая в садах и парках столица Казахской ССР Алма-Ата.

Впереди простирались уходящие в бесконечность, подернутые сиреновой дымкой полустепи-полупустыни Центрального Казахстана. И долгое время затем неприметно текла под плоскостями нашего самолета одна и та же, то темно-серая, то шафранно-желтоватая, равнина — край редких караванных троп, песчаных бурь и древних колодцев. Неживой и безмолвной казалась эта кремнистая и песчаная степь с высоты двух тысяч метров. И что-то первобытное и извечное было в суровом и строгом ее безмолвии и в той веселой пляске песчаных смерчей, которую долго наблюдали мы с борта самолета в мгlistом от зноя великом земном просторе.

Но вот впереди ослепительно блеснул изумрудно-зеленоватым своим оперением красавец Балхаш, и через несколько минут самолет шел, уже отражаясь в голубой бездне воды. Потоки жаркого солнечного света, хлынув в кабину, слепили глаза. Там, внизу, на застывшей зеркальной поверхности огромного озера, угадывались смутные очертания кильватерной колонны рыбацких шхун, а вдали чуть маячил, как в сновидении, полупризрачный, зыбкий лермонтовский парус...

Через четверть часа, заходя на посадку, мы уже шли, разворачиваясь, над бухтой Бертус, в купоросно-зеленоватой воде которой отражались и редкие, раскиданные ветром кучевые облака, и циклопические дымящиеся тру-

* В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 292

бы раскинувшегося на южном ее побережье Балхашского медеплавильного завода — крупнейшего в Европе гиганта цветной металлургии. Огромные голубоватые шлейфы дыма, стлавшегося из труб, плыли над бухтой, пропадая и растворяясь в такой же зыбкой и голубой, сливающейся с небом, морской дали озера.

Снизившись до двухсот метров, мы прошли над заводом и городом, любуясь из окна самолета величественной панорамой заводских корпусов, строгой планировкой городских кварталов, красотой многоэтажных, монументальных жилых и общественных зданий, суетливым оживлением на улицах, бульварах и скверах города. И трудно было представить, что всего каких-то полтора-два десятилетия тому назад на месте этого крупнейшего промышленного центра республики лежала такая же бесприютная полупустыня-полустепь, какой выглядит, впрочем, она и теперь на подступах к южному берегу Балхаша, за чертой этого большого и шумного города.

Приземлившись на четверть часа на Балхашском аэродроме, мы ощутили знойное, сухое дыхание пустыни. Бурые, выжженные немилосердным солнцем и поросшие редкой нехитрой полынькой пески лежали вокруг. Ни завода, ни города, заслоненного голыми сопками, с аэродрома не было видно. И если бы не верхушки дымящихся заводских труб да чуть приметная цепочка длиннейшего железнодорожного состава, медленно удаляющегося в стрекочущий от зноя степной простор, то можно было бы почувствовать здесь себя пассажиром с самолета, совершившего вынужденную посадку в каком-то необитаемом, забытом людьми и богом краю.

Пролетая над Балхашом, я вспомнил чудесную песню заслуженного деятеля искусств Казахской ССР народного акына Шашубая, которую однажды слышал, сидя в доме гостеприимного певца казахской степи. Яркие, вдохновенные строки посвятил этот мастер народной поэзии прибалхашской пустыне и горячо любимому Балхашу.

Дремали берега твои,
Унылые всегда,
Не зная, что такое гул
Чудесного труда.
Он, этот гул,—вокруг меня:
Куда ни погляжу —
Везде следы великих дел
Я тут же нахожу.

Взгляну направо — медьзавод
Бросает в небо дым.
Поднялся он в седой степи
Гигантом молодым.
Налево, за моей спиной,
Грохочет Коунрад.
Тяжелой медною рудой
Навеки он богат.
Фабричные гудки теперь
Я слышу ночью, днем.
Все это наше, все мое,
Все — мой родимый дом.
О люди новых, ярких дней!
Сыны мои, творцы!
В краю пустынном смело вы
Возводите дворцы.
Вдохнули жизнь мы в эту степь,
Где беркут лишь порой
Летал, как призрак, чтоб затем
Исчезнуть за горой.
Ты, партия большевиков,
Народ советский, ты —
Преобразили степь мою,
Ее лица черты.
О родина моя, Балхаш,—
Богатств священных клад,
Далекий парус на ветру,
Листвой звенящий сад!
Пою... И слезы на глазах,
И песня хороша.
В ней отблеск меди и волны,
В ней слава Балхаша!

В буфете аэропорта нам предлагают салат из свежих помидоров, огурцов, зеленого лука. За стеклянной витриной на буфетной стойке красуются огромные арбузы и дыни. Кто-то из пассажиров изумляется этому изобилию овощей.

— Неужели все это доставляется самолетом из Алма-Аты?

— С какой стати! — обидчиво откликается юная официантка в накрахмаленном кружевном чепчике. — У нас, будьте покойны, своих овощей вдоволь!

— С каких это пор?

— А вы что, с неба упали? — замечает, смеясь, официантка.

— Фактически — да: только что приземлились...

— А вы бы съездили в город да полюбовались, какие чудеса в заводском подсобном хозяйстве у нас творятся, не так бы еще удивились, — решительно вмешивается в

разговор тучный, но необыкновенно подвижной человек в синей спецовке.— Да что там говорить о подсобном хозяйстве, когда теперь у нас в Балхаше и индивидуальные огороды не редкость. А вы извольте отведать, какие отменные помидоры мы тут выращиваем — объедение!

К разговору горячо подключается еще один пассажир:

— Я по профессии инженер-металлург, а по душевному складу — огородник. В земле, доложу вам, люблю ковыряться с неменьшим азартом и увлечением, чем ломать голову над новыми методами в технологии сплавов цветных металлов... В Балхаше живу и работаю пятнадцатый год. Можно сказать — абориген, старожил. На моих глазах каждое деревцо здесь принялось, и бульвары, и скверы в городе разрослись — сердце радуется. А ведь были и тут малoverы и нытики. Мы за огород, а они безнадежно руками машут: ничего, дескать, у вас из этой затеи не выйдет, зря, мол, любезные, трудитесь. А теперь многие из них и сами отпетыми садоводами и огородниками стали. И такие помидоры, арбузы и дыни на своих участках выращивают, что и сами иной раз глазам своим не верят.

— Трудно и поверить.

— Мичуринская биология — мать плодородия. В этом я убедился, батенька, на личном опыте, — продолжал инженер, разделявая ножом на тарелке сочный кроваво-красный арбуз. — Если бы мы не научились здесь с боем брать от природы все, что она может дать, то и по сей день смотрели бы на эти вот арбузы, дыни и помидоры, как на редкое заморское лакомство. А теперь — впору самим экспортировать наши овощи в любую страну. Да мы, в сущности, и экспортируем их. Снабжаем из подсобного хозяйства горняков Джезказгана и Коунрада. Не в обиду на нас за эти овощи и странствующие вокруг геологи и строители новой железнодорожной линии — Моинты-Чу...

Смуглолицая юная девушка в накрахмаленном чепчике, провожая нас к самолету, сказала, весело махнув рукой:

— Счастливого полета, друзья! Бывайте у нас почаще. Сегодня мы угощаем своих пассажиров собственными овощами, а скоро станем потчевать и собственными фруктами.

И мне невольно припомнилось, как, неоднократно пролетая в прошлые годы через Балхаш, я обычно выслуши-

вал здесь одни и те же жалобы на бесплодие песчаной земли, на отсутствие собственных овощей и фруктов. И теперь было приятно услышать тут совсем другой разговор от людей, сумевших за последние годы подчинить своей беспокойной творческой мысли и воле не ахти как отзывчивую в этих широтах, не избалованную ни дождями, ни почвенной влагой, скупую на растительный мир природу. И напутственные слова юной балхашской патриотки прозвучали теперь для нас далеко не наивной шуткой. Что же, сумели вырастить здесь чудесные овощи, сумеют со временем вырастить и не менее чудесные фрукты.

...Снова неистовый рев моторов, снова легкий, едва ощутимый толчок при взлете, и самолет опять в воздухе. В последний раз блеснуло на солнце и тотчас погасло под плоскостями самолета жемчужное крыло Бертысской бухты. Исчезли вдаль, как корабельные мачты в морском просторе, трубы балхашского гиганта. И опять неприметно текла внизу, на глубине двух тысяч метров под нами, подернутая легкой голубоватой дымкой, изрезанная теперь глубокими впадинами, холмами и сопками, похожая на огромную рельефную карту земля Центрального Казахстана. Слева заметны поблескивающие под солнцем стальные нити железнодорожной магистрали, связывающей город меди с его промышленными сверстниками и собратьями, с городами руды и угля—Коунрадом и Карагандой, справа долго маячил в знойной, мерцающей дымке своими островерхими грифельными сопками Джезказган—величайшая из подземных кладовых драгоценных цветных руд.

Мы пролетели теперь над теми самыми местами, которые имел в виду небезызвестный хищник английского империализма сэр Лесли Уркварт, нагло писавший Главному концессионному комитету Советской России в 1920 году о том, чтобы дали ему «возможность поковыряться в киргизской степи около Балхаша и дальше. Раньше чем через пятьдесят, а может быть, и все сто лет,—цинично заявлял Уркварт,—вы этими местами все равно не займетесь».

История показала, как жестоко просчитался этот обнаглевший волк, норовивший пробраться в подземные кладовые казахской земли для того, чтобы поживиться несметными ее сокровищами. Нет, не сто и не пятьдесят,

а всего-навсего десятилетие потребовалось большевикам, чтобы превратить этот некогда пустынный и дикий край в цветущую индустриально-промышленную зону советского Казахстана!

...Второй час полета. Прорвав фронт сплошной облачности, мы вдруг оказались над Карагандой.

Один из наших спутников — это был инженер-геолог Иван Иванович Фролов — сказал, любуясь панорамой большого города из окна кабины:

— Я подсчитал однажды и ахнул: оказывается, за одни только сутки карагандинские шахты выдают теперь на-гора в несколько сот раз больше угля, чем здесь добыли его за все время эксплуататоры Карагандинских угольных копей — английские концессионеры! Я хорошо помню Караганду начала тридцатых годов. На месте этого города в то время было несколько жалких землянок да пять или шесть ветхих бараков. А теперь полюбуйтесь — огромный индустриальный город! Разве это не чудо?

Не успели мы налюбоваться панорамой Караганды, как самолет шел уже над другим крупным промышленным центром Казахстана — над городом металлургов и энергетиков, раскинувшимся на берегу гигантского водохранилища, — Темир-Тау.

— К Караганде мы уже привыкли, — заговорил опять инженер Фролов. — А вот это, я вам должен заметить, товарищи, воистину настоящее чудо! Пять или шесть лет тому назад здесь ютился один неприметный с воздуха поселок. Ни заводов, ни вот этого озера, ни города и в помине не было.

Самолет уносил нас все дальше и дальше на север. За Темир-Тау, по ту сторону невеликой, перехваченной железобетонной плотиной, степной речки Нуры, начинались вековые ковыльные степи. И чем ближе мы были к Акмолинску, тем чаще степь обретала золотисто-шафранную окраску. Это от обилия сплошных массивов созревшего хлеба и воскового отблеска обнаженной стерни на убранных нивах. Там, внизу, на колхозных полях била сейчас ключом напряженная трудовая жизнь — уборка была в разгаре. То и дело попадали теперь в поле нашего зрения многочисленные тракторы и комбайны, едва приметные с высоты среди необозримых пашен и нив; и ко-

лонны грузовых автомашин пылили по окрестным степным дорогам.

Это уже был Северный Казахстан — золотое дно Казахской республики.

IV

В Акмолинске, пересев с самолета на автомашину, мы выехали по старому скотопрогонному тракту на Атбасар. Хотелось проехать по тому же маршруту, по которому проезжал я не раз в прошлом, лет десять-пятнадцать назад. Маршрут этот лежал через районы вековых целинных земель Акмолинской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской областей.

И вот, покинув шумный и пыльный, оглушивший нас ревом паровозных гудков, неузнаваемо выросший за последние годы Акмолинск, мы — как в море с попутным ветром — ушли на нашем газике-вездеходе в великий степной простор. И снова я видел за дни своих странствий и розовые от утренних и вечерних зорь ковыли степей Атбасара, и легендарные сопки прославленного на всю страну Борового, и скромные березовые перелески североказахстанских равнин.

Как и в прошлые мои поездки по этим близким сердцу северным местам, был я и ныне свидетелем многих великих перемен, свершившихся в колхозных аулах и селах за последние годы. Снова я встретил в пути немало интересных, глубоко взволновавших меня людей, о которых хотелось бы написать столь же скромно и просто, сколь предельно скромны, непринужденно просты и идейно ясны эти рядовые советские люди — труженики колхозных полей: руководители сельхозартелей и полеводы, комбайнеры и лобогрейщики, трактористы и участковые агрономы — мастера и новаторы социалистического земледелия. Никогда не забудутся эти встретившиеся мне на полевых станах и на колхозных токах загорелые, трудолюбивые, веселые люди, как не забудется и милый сердцу сухой медовый запах тяжеловесного золотого зерна и густой бражный аромат свежей пшеничной соломы. Не забыть мне бронзовых степных закатов над золотящимися в вечерней мгле нивами, как не забыть и мирных бесед наших с колхозными хлеборобами у ночных костров, как не забыть и тех веселых или тревожных русских песен, которые

певали девчата по вечерам, вглядываясь в степную даль...

Первое, что поражает при выезде из Акмолинска,— это иной, новый, непривычный облик степи, который обрела она за лето 1954 года. Навсегда исчезло бывшее царство вековой, не тронутой лемехом, покрытой седым ковылем целины. Куда ни взглянешь, везде и всюду — от Акмолинска до Атбасара и от Атбасара до самого Петропавловска — простираются массивы поднятой целины. Тучные нивы созревшей, но местами еще неубранной пшеницы чередуются с огромными массивами заново поднятой целины, с любовью, по-хозяйски, обработанными парами. Кругом — пашни, пашни и пашни! А ведь еще минувшей весной здесь шумело открытое море девственных ковылей. От села до села по левобережью Ишима, бывало, и за день не доскачешь. Так, например, на протяжении ста километров, между селами Петровским и Вознесенским, год тому назад можно было встретить всего несколько сот гектаров пашни, принадлежавшей единственному здесь колхозу «Мартук».

По решению Центрального Комитета КПСС и Советского правительства Казахстану отведено значительное место в освоении целинных и залежных земель.

Выполняя это задание, колхозы и совхозы республики подняли под урожай 1955 года восемь с половиной миллионов гектаров целины, перевыполнив план на два миллиона 200 тысяч гектаров. Таким образом, посевная площадь в республике под урожай 1955 года возрастет до 19 миллионов гектаров против 9 миллионов 700 тысяч гектаров в 1953 году.

Запоздалая, холодная весна 1954 года не помешала труженикам колхозов и совхозов республики провести весенний сев по парам, зяби и хорошо обработанной целине в предельно сжатые сроки и вырастить богатый урожай пшеницы, проса, овса, ячменя, кормовых и технических культур. В итоге республика досрочно выполнила государственный план сдачи хлеба. Здесь было заготовлено и сдано государству в 1954 году 242 миллиона пудов зерна. Это значительно больше того, что обычно заготавливалось в Казахстане прежде. И вот что еще важно: более 70 процентов заготовленного хлеба составляет пшеница. Получила большое развитие и другая важная культура — просо. Его здесь заготовлено в 1954

году больше, чем за последние пять лет, вместе взятых.

В успехе заготовок этого года сыграли огромную роль изменения, внесенные партией и правительством в систему заготовок и закупок. Эти изменения, как известно, были направлены на повышение материального благосостояния колхозов и колхозников.

В 1954 году колхозники Казахстана продали государству вдвое больше зерна, чем в 1953 году. Колхозы одной только Павлодарской области получили в этом году за сданный в счет обязательных поставок и проданный государству хлеб сотни миллионов рублей дохода. Из 184 колхозов этой области 150 получили доход от одного до семи миллионов рублей, в то время как в 1953 году доход свыше миллиона получили здесь только семнадцать колхозов. Каждый трудоспособный колхозник получил в среднем более одной тонны хлеба и по пять-семь рублей деньгами на трудодень.

Больших успехов в 1954 году добились и работники МТС Казахской республики. По сравнению с 1953 годом они вспахали на пятнадцать миллионов гектаров больше. Выработка на трактор увеличилась на пятьдесят с лишним гектаров.

Намного улучшилось использование тракторного парка и в совхозах Казахстана. Достаточно сказать, что в 1954 году выработка на трактор в зерносовхозах республики превысила на 134 гектара выработку предшествующего года.

Все это результат самоотверженного труда хлеборобов, работников МТС и совхозов, специалистов сельского хозяйства, рабочих и служащих городов, оказавших большую помощь колхозам в уборке богатого урожая.

Эти успехи являются результатом огромной помощи, оказанной партией и правительством социалистическому сельскому хозяйству Казахстана в оснащении МТС и совхозов тракторами, комбайнами и другими сельскохозяйственными машинами, результатом огромной помощи в укреплении кадров механизаторов и специалистов сельского хозяйства.

В связи с освоением целинных земель хозяйство зерновых районов республики становится огромным и сложным. Это можно видеть на примере Рузаевского района Кокчетавской области. Этот район в 1955 году засеет полмиллиона гектаров, а Есильский район Акмолинской

области в 1956 году — 1 миллион 200 тысяч гектаров. Это равно посевам, производившимся в 1953 году всей Акмолинской областью.

Работа по освоению целинных земель в Казахстане, проведенная в 1954 году, не исчерпывает местных возможностей. Под урожай 1956 года в республике намечено поднять в 1955 году 9 миллионов гектаров целинных земель. Специальными экспедициями обследовано в 1954 году более 80 миллионов гектаров пахотноспособной целины. Основная масса этой земли выделяется для организации новых крупных зерновых совхозов.

Опыт создания в 1954 году в Казахстане 93 зерновых совхозов показал, что организация новых совхозов является наиболее целесообразной формой освоения целинных и залежных земель и увеличения производства зерна. Специализированные зерновые совхозы с большими посевными площадями при той высокой организованности производства, что присуща социалистическому хозяйству, при умелом использовании богатейшей техники, — все это даст стране огромное количество наиболее дешевого хлеба. Уже в 1954 году новые совхозы Павлодарского и Акмолинского трестов дали государству хлеб по себестоимости ниже плановой.

Сейчас в Казахстане идет горячая работа по организации около 250 новых зерновых совхозов. Осенью 1954 года уже выбраны места для строительства центральных усадеб и развернулись работы по хозяйственному благоустройству, по жилищному строительству, водоснабжению, по закреплению в натуре земельных участков, по подготовке к приему нового потока патриотов-добровольцев, едущих со всех концов страны на освоение целинных земель.

В итоге претворения в жизнь исторических решений партии и правительства по освоению целинных и залежных земель общая посевная площадь в Казахстане достигнет в 1956 году 23 миллионов гектаров против 9 миллионов 700 тысяч гектаров в 1953 году. А валовой сбор зерна возрастет за это время в два с половиной — три раза.

Освоение громадных массивов вековой целины в степях Казахстана вызвало огромные, разительные изменения в культуре и экономике республики. В пустынных, вчера еще безлюдных степях возникли и продолжают возникать благоустроенные поселки новых зерновых совхо-

зов и МТС. В сущности, эти поселки превращаются в благоустроенные городки, в культурные центры с их совершенной телефонной связью, телеграфом и радио, почтой и школой, больницами и детскими домами.

Развернулось широкое строительство усовершенствованных грейдерных и узкоколейных железных дорог. Здесь же возникло немало предприятий по производству строительных материалов и заводов сельскохозяйственного машиностроения.

В 1955 году в Казахстане начнется массовое производство стандартных жилых многоквартирных домов из камышита. Этот прочный, очень теплый и уютный дом из двух комнат, кухни и кладовой, с полезной площадью в 40 квадратных метров будет стоить всего лишь около 10 тысяч рублей. За один 1955 год республика рассчитывает построить 50 тысяч, а в 1956 году — 100 тысяч таких домов, предназначенных главным образом для работников новых зерновых совхозов.

1954 год выдвинул тысячи новых мастеров земледелия в колхозах и совхозах. Массовый трудовой подъем в колхозных деревнях и аулах свидетельствует о том, что у тружеников социалистических полей нет более важной заботы, чем забота об умножении общественной социалистической собственности и об укреплении могущества Родины. Мастера высоких урожаев есть теперь в каждом колхозном селе и ауле республики. Многочисленные примеры наших колхозов и совхозов, блестяще освоивших передовые достижения агробиологической науки, приближают осуществление мечты замечательного советского ученого, почвоведа и агробиолога Василия Робертовича Вильямса, утверждавшего: *«Земля будет работать на социализм. Невиданные в мире урожаи способны собирать страна Советов, и я верю, что недалеко тот час, когда 100 центнеров с гектара будет средним урожаем моей родины»*.

Такие мастера, новаторы колхозной земли, как известные теперь на всю страну казахстанские колхозники лауреаты Сталинской премии просовод Чаганак Берсиев, рисоводы Ибрай Жахаев и Ким Ман Сам, рекордсменка по выращиванию свеклы Ольга Гонаженко доказали на практике всему миру правоту корифея отечественной агробиологической науки В. Р. Вильямса. Да, земля Страны Советов способна родить не только по 100 центнеров, но

и по 200 центнеров зерна и по 1 700 центнеров свеклы на каждом гектаре!

Полвека тому назад Лев Николаевич Толстой опубликовал весьма любопытную книгу, написанную крестьянином бывшего Минусинского уезда Тимофеем Бондаревым. В этой книге, озаглавленной «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца», автор писал: «Я от имени всех земледельцев пишу и ко всем, сколько есть вас на свете, не работающим хлеб на себя. Вся моя история состоит только в двух словах: во-первых, почему вы по первородной заповеди сами для себя, своими руками хлеб не работаете, а чужие труды поедаете? Во-вторых, почему у вас ни в богословских, ни в гражданских, ни в каких писаниях хлебный труд и трудящиеся не ободряются, а донельзя унижаются?»

И далее: «Сколько много на свете уму непостижимых хитростей, на всякое изделие придуманы машины: где бы нужно сто человек работать, там одна машина чище всяких человеческих рук работает, хлебная же работа, как крестьяне сами придумали еще с незапамятных времен, так и мучаются».

В этой простой, правдивой, написанной кровью человеческого сердца крестьянской исповеди запечатлен безрадостный каторжный труд подавленного беспросветной нуждой и гнетом буржуазно-помещичьего строя русского мужика. Автор этого скорбного и гневного сочинения был, бесспорно, одаренным, талантливым русским земледельцем — это чувствуется в каждой строке его глубоко волнующей, искренней книги. Но не было и не могло быть в ту недавнюю и навсегда ушедшую дореволюционную пору никаких условий для вдохновенного, творческого труда мастера земли, талантливых и самобытных умельцев земледелия. Ссылаясь на разные «хитрости» и машины, применявшиеся в те времена в капиталистической промышленности, минусинский хлебороб не мог назвать ни одной доступной ему машины и «хитрости», при помощи которой он мог бы облегчить тяжелый и неблагодарный в то время свой труд. Миллионы русских земледельцев, занятых «хлебной работой», гнули в три погибели спины за древней сохой, единственной «техникой» деревенской бедноты.

Полвека спустя после обнаружения Л. Н. Толстым сочинения Тимофея Бондарева казахстанская колхозница, лауреат Сталинской премии Ольга Калистратовна Гона-

женко тоже опубликовала книжку: «Мой опыт выращивания высоких урожаев сахарной свеклы». И если сочинение минусинского крестьянина Тимофея Бондарева мы называем скорбной, обличительно-гневной исповедью, то скромную книжку Героя Социалистического Труда Ольги Гонаженко можно назвать светлой, волнующей повестью советской крестьянки о радости творчества, о торжестве коллективного труда, о новой счастливой судьбе советского крестьянства. Это скромная, простая женщина, вырвавшаяся на колхозных полях небывалый в мире урожай сахарной свеклы, пишет в своей книжке о том, что «теперь крестьянин-колхозник в своем труде не один в поле воин, а член большого и дружного коллектива. Он постоянно чувствует локоть своих товарищей, творческую поддержку механизаторов, агрономов и ученых. Труд в коллективе стал для нас, советских крестьян, источником светлой радости».

Если одинокий, задавленный нуждой дореволюционный русский крестьянин Тимофей Бондарев в отчаянии готов был проклясть свою каторжную «хлебную работу», то труд колхозных мастеров земледелия дает людям счастье и радость. У Тимофея Бондарева мало было друзей в дореволюционной деревне. У Ольги Гонаженко их тысячи. Дружья этой талантливой самоотверженной труженицы везде и всюду: в советской Прибалтике и на Украине, в Узбекистане и на Дальнем Востоке, в солнечной Молдавии и на Дону. Ежедневно Ольга Калистратовна получает письма от своих товарищей и подруг по сельскохозяйственному труду.

— Откуда только не пишут мне советские люди! — рассказывает Ольга Калистратовна. — Приятно сознавать, что твой скромный труд приносит пользу Родине. В 1949 году я получила по 1 515 центнеров свеклы с гектара и с тех пор ежегодно снимаю такой урожай. А сейчас уже десятки колхозников и колхозниц-свекловодов пишут мне со всех концов Советского Союза, что они, добившись на своих полях такого же урожая, обязуются дать по две тысячи центнеров свеклы в 1955 году. И мы вырастим такой урожай, потому что любовно обработанная колхозная земля, по-моему, не имеет урожая предела.

Ничто внешне не выделяет эту невеликую ростом, скромную до робости женщину из среды ее подруг по бригаде. Необыкновенно живые, шустрые глаза юноше-

ской непосредственности, которая заслоняет иногда более зрелый возраст, и потому такие люди всегда кажутся значительно моложе своих лет. Склонная с виду к робости и смущению в разговоре с неблизко знакомыми людьми, она совсем по-иному выглядит в кругу своих веселых, бойких и общительных подруг — ее верных помощниц в нелегком новаторском труде. Ни следа скованности в движениях, ни тени робости и смущения не остается в этой женщине, как только оказывается она в кругу привычных своих дел и забот на свекловичной плантации.

Никогда не засекречивая ни от односельчан, ни от колхозников других артелей своих новаторских методов ухода за посевами, Ольга тем не менее часто, уединившись с девушками, членами своей бригады, подолгу заговорщицки перешептывается все об одном, все о том же: а не рискнуть ли применить некое новое удобрение, о котором вычитала она вчера в попавшейся под руку книжке по агротехнике? Не подкормить ли свеклу новым минеральным составом, который, как ей думается, пойдет впрок? Любая творческая догадка, изобретательность и смекалка этого талантливого организатора свекловодов предвзительно горячо обсуждается всеми членами бригады и только потом получает практическое применение в труде.

Вот почему, может быть, она и не охотница говорить о своих личных успехах.

— Да я-то тут при чем! Это мои девушки. Золотые руки, цены нет! — с непритворной гордостью и восторгом говорит она.

А когда станешь разговаривать с этими девушками, то они, перебывая одна другую, шумно возражают:

— Ну, мы — дело пятое. Это все наша Ольга придумала...

Таковы нынешние крестьяне.

Успех Ольги Гонаженко и Чаганак Берсиева, Ибрая Жахаева и Ким Ман Сама, Тимофея Федоровича Мальцева, Андрея Петровича Румянцева и сотен других казахстанских Героев Социалистического Труда, добившихся рекордных урожаев зерна, свеклы, риса, проса, — яркое свидетельство того, что покорение природы — это уже не мечта колхозных земледельцев, а реальная действительность. Зерновые области Северного Казахстана по праву сливут за житницу Казахстана, как Казахстан в целом по

праву называется теперь мощной зерновой базой на востоке нашего великого Отечества.

Мастера земледелия Казахской республики — громадная армия прочно обжившихся на целинных землях ее новоселов, освоивших миллионы гектаров плодороднейших, веками нетронутых лемехом земель, — готовы к новым трудовым подвигам в великой битве за высокие урожаи 1955 года.

Сельское хозяйство советского Казахстана столь же богато и разнообразно, как богата и разнообразна его природа. Если север республики с его безбрежными ковыльными степями — громадным резервом целинных земель — является житницей республики, то юг — это край белого золота — хлопковых плантаций — и рисовых полей, край зимующего без укрытий винограда, зона зарослей грецкого ореха, фисташки и миндаля.

В областях же, примыкающих к предгорьям Тянь-Шаня, находятся богатейшие сельскохозяйственные районы республики, земли которых в изобилии орошаются многочисленными реками, где, помимо основной зерновой культуры — пшеницы, выращиваются рекордные урожаи сахарной свеклы и душистых табаков, кунжута и роскошных плодов садоводства. В дельте реки Сыр-Дарьи в 1955 году будет значительно расширено производство риса.

Подходит к концу строительство Кызыл-Ординской плотины на Сыр-Дарье, что позволит оросить огромные массивы земли.

В конце 1954 года развернулось строительство Арысь-Туркестанского канала, который даст воду сотням тысяч гектаров плодороднейшей земли и позволит намного расширить хлопководство в Южном Казахстане.

И коренные жители и новоселы этой богатейшей республики отчетливо представляют себе всю ответственность и сложность задач, стоящих перед Казахстаном по увеличению производства зерна, расширению производства технических культур и улучшению материального благосостояния трудящихся. Вот почему с таким небывалым творческим подъемом трудятся механизаторы и полеводы над решением гигантских задач, поставленных перед республикой Коммунистической партией и советским правительством.

ДАЛЕКО ЗА КУСТАНАЕМ

Ураганный ветер завершился к рассвету грозой и яростным, кипящим, как водопад, ливнем. То голубая, то фиолетовая от мятежного огня непрерывных молний, степь бушевала, подобно открытому морю в шторм, и брезентовая кровля бригадного полевого шатра гудела и трепетала, как крылатый парус на гонимом шквальным ветром утлом судне.

Никому не спалось.

Ночная смена трактористов и прицепщиков комсомольско-молодежной бригады Вениамина Михеева, укрывшись от грозного ливня в большой палатке, нетерпеливо выжидала конца этой внешней грозной кутерьмы. Приоткрыв над входом брезентовый полог, ребята любовались разгулом ветра, воды и молний. В агатово-черных глазах семнадцатилетней прицепщицы Вали Иващенко мерцали, не угасая, золотые искры летучих молний, неистовствующих вдали. Невольно вздрагивая, сжимаясь, как птица под выстрелом, при каждом грозовом ударе, девушка жмурилась при этом не столько, должно быть, от страха, сколько от удовольствия, и смуглое юное лицо ее хорошело от невинной смущенной улыбки.

— Вот дает, понимаешь, жизни пророк Илья! Должно быть, рукава и подштанники засучил. На совесть, видать, старик работает,— с восторгом сказал, блестя в полумраке глазами, помощник бригадира Михаил Попов, самый старший по возрасту в бригаде.

— Это он нам, новоселам, пить дает на новой земле. Факт, в нашу честь навесным огнем салютует,— подал голос с походной кровати тракторист Михаил Столбов.

— Правильный салют! По адресу. Не зря же первое место в зерносовхозе за нами!— подтвердил бригадир.

Молодая повариха бригады Клава Попова, похоже, побаивавшаяся этой и в самом деле нешуточной грозы, со вздохом сказала.

— Нет, у нас на Дону таких гроз не бывает...

— Гроза, как в песне про Ермака. Да и мы «среди раскинутых шатров» не хуже лихих его казаков с донским нашим атаманом. Точно, бригадир?— пробасил тракторист Василий Баштанов.

— Казаки — не простаки. Верные ребята!— отшутился в ответ Вениамин словами старинной походной казачьей песни и, помешкав, как бы раздумывая вслух, добавил: — Насчет таких гроз на Дону я что-то тоже не знаю. А вот пахать целину у нас там все-таки легче.

— Еще бы!— с живостью откликнулся Баштанов. — Мы в Шумилинском совхозе, к примеру, такими же тракторами ДТ при пяти корпусах на первой скорости твердые залежи поднимали и назад не оглядывались. А здесь на первой — четыре корпуса со скрежетом тянешь.

— Не земля — броня броней, понимаешь. Да и виду мало. Ведь она тут одну тыщу девятьсот пятьдесят три с половиной года ни сохой, ни мотыгой не трогана,— вставил учетчик Иван Щедров, любивший точные цифры.

И тут снова все засмеялись и потом заговорили наперебой о том, что всех волновало:

— Это точно, от сотворения мира степь здесь не пахана. И не вековая тут, а, правильной будет сказать, вечная целина!

— Словом, крепкий нам достался орешек.

— Ничего, по зубам. Раскусим.

— Факт. Робеть не приходится...

— А какой чернозем — в полметра, товарищи!

— Не говори. Золотое дно.

— И чернозем в пол-аршина. И пахота идет правильная — на двадцать два сантиметра. И плюс такие вот livни по всходам. Тут урожай — глаза закрой — по двадцать верных центнеров с га вкруговую,— заявил учетчик.

— Главный агроном больше сулит.

— С урожаем — что! Это дело, братцы, считай, решенное. У меня другая забота, ребята,— сказал в раздумье тракторист Иван Сосов.

Все вопросительно посмотрели на него, а он спросил стоявшего рядом с ним Вениамина Михеева:

— Как ты думаешь, бригадир, успеем мы к зиме обзавестись на центральной своими домами?

— Обязательно. Так заявил директор.

— Уж больно много заявок, говорят, на строительство личных домов в дирекцию поступило. Для одной нашей бригады добрых десятка полтора стандартных хат надо выстроить. А стройматериалами совхоз наш пока не шибко богатый. Так я слышал.

— Материал не за тридевять земель. Под ногами. Двенадцать тысяч штук самана уже наготове. Не тужи, Иван. И новоселье всей бригадой в новых домах в ноябрьские праздники справим. И коровами к осени разживемся,— дружески хлопнув задумавшегося тракториста по плечу, сказал с доброй улыбкой бригадир Михеев.

— Мы своих гусей из Базков осенью привезем. Штук пяток, на развод. Ох, и гуси у нас! Ах, же и гуси! Глянешь, в Дону купаются — лебеди лебедями. Уютная птица! — восторженно проговорил помощник бригадира.

И его жена Клава, улыбнувшись в ответ, подтвердила, точно боясь, что мужу не поверят:

— Гуси у нас, правда, хорошие. Для них здесь на озере в центральной усадьбе — раздолье.

— А птицы-то в этих краях! На заре от гогота дикого гуся озера стонут. А лебеди красуются на воде, как ручные. И карась тут какой-то особенный, золотой! Уха — ложку проглотить! — сказал Василий Баштанов, страстный рыбак и охотник.

Гроза шла на убыль. Все глуше и глуше рокотала она, удаляясь на юго-запад, в Тургайские и Оренбургские степи. Но ливень продолжал бушевать с неукротимой, казалось, яростью на этом раннем июньском рассвете. Трактористы и прицепщики дневной смены, опрятно заправив свои кровати, наскоро умывались по пояс под проливным дождем, выскочив из палатки, и затем расторопно завтракали перед нелегкой вахтой. Все в этой бригаде, за исключением двоих юных прицепщиков, Андрея Фещука и Игната Мартынюка, были земляками. Это были донские казаки из верхних станиц Базковской и Шумилинской. Одни из них до приезда в Кустанайские степи работали механизаторами в Вешенском, другие — в Базковском.

третьи — в Шумилинском молочно-мясных совхозах. Поэтому-то и в разговоре они то и дело вспоминали Дон, о котором напоминали древние эти степи. Нежные запахи полевых цветов, горьковато-бражный аромат обмытых утренними дождями трав, пышные краски погожих рассветов и закатов. И, как там, на родине, томил и тревожил здесь сердце вечерний бой перепелов и трубное гуканье в сумерках хоронившейся на далеком озере выпь...

Часом позднее, когда бригадир включил радиоприемник в палатке и Москва поздравила всех советских людей с добрым утром, ливень уже прошел. Он затих так же внезапно, как и начался. Над залитой потоками яркого света степью покоилось бесконечно высокое, не омраченное ни одной рассеянной тучкой, безмятежно-синее небо. Только бормотание ручьев в колеях размытой ливнем дороги хранило еще живые следы недавно отбушевавшего ливня. Черные, как вороново крыло, массивы поднятой целины резко выделялись на фоне изумрудно-зеленых окрест равнин. Но краше, ярче, праздничнее, наряднее всего выглядели в этот умиротворяюще-тихий и светлый утренний час буйные всходы закрывшей взрыхленную по весне целину пшеницы, в которой уже не виден был хоронящийся в ней грач.

В девятом часу утра в бригаду приехал директор Орджоникидзевского зерносовхоза Федор Павлович Кухтин. Трудно было поверить при взгляде на этого здоровяка с размашистой походкой и молодыми, чаще смеющимися, чем строгими глазами, что человек этот перенес в годы Отечественной войны тяжелые осколочные ранения в грудную клетку и врачи едва уберегли его, продержав в госпитале около полугода. Старый кадровый офицер Советской Армии, он дрался с японскими захватчиками на Халхин-Голе, защищал от нашествия гитлеровцев в грозную осень сорок первого года Москву на Можайском направлении, воевал в Прибалтике. А после затянувшегося лечения вырвавшись, наконец, из госпиталя, уехал в Крым и последние годы работал директором зерносовхоза «Большевик» в Красногвардейском районе Крымской области.

— Дело прошлое. Не стану греха таить, — доверительно сказал при нашем разговоре Федор Павлович со свойственной ему открытой улыбкой. — Неохотно ехал я в эти края с новым назначением Министерства. Хотя, впро-

чем, сам, можно сказать, столбовой сибиряк. Родился и вырос в Барабинских степях и трактористом там же работал. Но дело не в географии Крыма или Сибири. Знаете, «Большевик» покидать мне было до смерти жалко...

— А теперь?

— Теперь — не спрашивайте. Видите, что тут делается! Скажу не хвастаясь: я здесь помолодел. По крайней мере душой. Черт знает, жизнь все-таки — мировая штука!.. Приехали мы сюда в конце апреля налегке: с дорожными чемоданчиками в руках, с вещевыми мешками за плечами. Осмотрелись, облюбовали место у озера для базы. Вокруг — ни кола, ни двора. Студено, ветер с ног валит. Вспомнилась фронтовая обстановка. Правда, нашему брату это не в диковинку, но все же поеживались. Не шибко было уютно...

Умолкнув, он настороженно присмотрелся к оставшемуся на соседнем целинном массиве дизельному трактору, и бригадир Михеев, уловив этот настороженный взгляд директора, предупредительно пояснил:

— Это, Федор Павлыч, Баштанов на заправку стал. Мы ж теперь в борозде заправляемся.

И директор, понимая кивнув в ответ, продолжал, все более оживляясь:

— Полтора месяца — не такой уж большой срок. А сегодня, смотрите, хозяйствуем тут, как заправские старожилы. И около пяти тысяч га целины успели поднять! И всходы у нас на славу. И центральная усадьба уже на рабочий поселок стала немного похожа. Поставили до десятка сборных домов — сразу другая картина. Обжитым местом запахло. Смотрю, хозяйственные новоселы у нас — и курами обзавелись. Теперь на центральной наших строителей собственные петухи на заре будут!

— Ну, положим, некоторые из них и до петухов на ногах, — заметил главный инженер зерносовхоза Валентин Дмитриевич Костин.

— Это точно. Такой бригадир, как Витя Коломийцев, со своими севастопольскими молодцами и петухам спать не дает. Ах, народ у нас — цены ему нет!

— Не перехвалите, Федор Павлыч. Прорвались же по первинке к нам и «золотоискатели», — сказал бригадир Михеев.

— Не о них речь. Да и немного было таких. Единицы. И мы им не трафили. Двоих таких по требованию коллек-

тива зерносовхоза пришлось лишить путевок и отадресовать в двадцать четыре часа восвояси. А с некоторых на общем собрании сняли такую стружку, что они теперь, смотришь, в люди выходить начинают... Ну ладно. А как у тебя в донской казачьей, атаман?—спросил директор Вениамина Михеева.

— Нормально. Федор Павлыч. Иван Сосов на «С-80» дал вчера сто сорок процентов. Михаил Столбов на «ДТ» — сто тридцать. Остальные ребята тоже в норме. Эх, тяни «ДТ» пятикорпусный плуг на второй скорости, у нас все бы трактористы намного нормы перекрыли. Машины новые, механизаторы опытные. Какой разговор! Но не берет на второй этот трактор здешнюю целину пятью корпусами.

— Ну, вот, а говоришь — нормально,— сказал директор.

— Так я ж за своих людей говорю. А за машины конструкторы должны думать,— поправился бригадир.

— Пока конструкторы будут думать, нам двадцать тысяч гектар целины до первого августа поднять надо. Ты мне лучше вот что скажи, Михеев: как, по твоему, дизель «С-80» шестикорпусный плуг на второй потянет?

— Вполне. Только откуда ж взять такой плуг с шестью корпусами?

— А вот Валентин Дмитрич нашел, откуда,— сказал директор, кивая на главного инженера.

— Нашли, положим, вы, а не я,— с улыбкой поправил директора инженер.

— Конструкция-то твоя. Ты ж смастерил.

— Зато ваша идея.

— За идеи не платят... Дело не в этом. Арифметика, Михеев, тут вот какая,— сказал директор, обращаясь к бригадиру,— если ты снимешь один корпус с «ДТ», то легко будешь пахать четырьмя корпусами на этом тракторе на второй скорости. Не так ли?

— Точно!— живо ответил бригадир.

— С такой же легкостью пойдет на второй с шестикорпусным плугом и «С-80». Об этом мы с тобой уже договорились. Теперь смотри, что дальше получается: каждым корпусом, как тебе известно, пашем мы при второй скорости по полтора га целины за смену. Стало быть, семь наших тракторов «С-80» выдадут нам шестыми корпусами при круглосуточной пахоте плюс двадцать один

гектар. Говоря попросту, мы выигрываем на этом нехитром деле почти три новых внеплановых «ДТ». Выгодная лотерея?

— Это здорово получается, Федор Павлыч!—просветлел бригадир Михеев.— Только как же это вы изловчились шестой корпус-то прицепить? Вот интересно.

— Хитрость невелика. Приходится немного удлинять раму просверленной накладкой. Простое, почти плевое дело. А толк от этого выходит немалый,—сказал инженер.

— И рама выдерживает?—допытывался бригадир.

— За милую душу. У твоих соседей, в бригаде Васи Курбатова, ребята вторые сутки такими шестикорпусными плугами целину со свистом смолят. А сегодня в ночную смену и твои орлы смогут последовать их примеру. Подгоняй во второй половине дня свои агрегаты к нашей полевой мастерской — и порядок,—сказал на прощание директор.

— Есть!—коротко ответил бригадир.

Приметив в сторонке стройную женщину с былинкой в зубах, задумчиво разглядывавшую не то какую-то открытку, не то фотографическую карточку, директор, проходя мимо, участливо спросил, поздоровавшись с нею:

— Что это вы, смотрю, пригорюнились, Анна Борисовна?

Она — это была жена бригадира Аня Михеева — вспыхнула и смущенно сказала:

— Да на дочку вот загляделась. Карточку с нее вчера получили,—и протянула Федору Павловичу фотографию четырехлетней девочки в светленьком с оборками платьице.

— Сильна, сильна, в матушку. Это самая и есть ваша Валя?—любясь снимком, спросил директор.

— Ну, конечно ж, она... Ах, смерть, как я за ней соскучилась. Знала бы, ни за что не оставила б с бабушкой. Понаехали же сюда с малыми детьми добрые люди. А я чего-то все за нее боялась. Бог знает, когда теперь я ее увижу!

— В сентябре, в сентябре, голубушка. Не так уж долго осталось ждать. Вот покончим с нынешней целиной — и катайте все тогда на здоровье за детьми, за стариками, за домашностью. Вагоны вам выхлопочем. А воротитесь уж в новые дома. Эх, и доброе же новоселье тогда с ва-

ми справим!— сказал директор, усаживаясь в новенький «вездеход» и кивая улыбающейся молодой босоногой женщине с фотографией в смуглых руках.

... Проколесив целый день по раскиданным на десятки километров одна от другой бригадам, мы подоспели к вечеру в центральную усадьбу зерносовхоза на берегу громадного, заросшего камышом и чаканом, озера. С трудом представлялось, что здесь всего дней десять тому назад не было иного жилья, кроме дощатого барака и походных палаток.

Несмотря на поздний час июньского заката, на строительных площадках бойко перестукивались топоры с молотками. Вдали у буровой вышки тарахтел резкий движок — это геологи бурлили скважину питьевого колодца. Невдалеке от столовой, прямо в степи, залетные из райцентра киномеханики приспособливали экран, и мальчишки сидели уже — босые ноги калачиком — на траве, поторопясь захватить на предстоящий киносеанс самое роскошное, по их убеждению, место. Рядом резались ребята в футбол, и болельщики, как на всяком порядочном стадионе, то кого-то яростно хулили, то кого-то столь же отчаянно славил.

Возле одной из маленьких семейных палаток сидел в окружении табуна светло-зеленых диких гусят мальчик лет пяти с необыкновенно светлыми волосами. Ребенок разбрасывал гусятам крошки размоченного в воде хлеба и сказал нам, как говорил всем проходящим:

— Смотрите, это мои гуси. Они — настоящие!

— Правильно. Сразу видно, хозяйственный новосел, — серьезно, как взрослому, сказал ребенку директор.

Но мальчик, точно поняв его шутку, громко засмеялся, жмурясь от того беспричинного восторга, какой присущ только детям.

Поздно вечером, отпустив от себя бригадиров одиннадцати строительных бригад, с которыми проводил обычную летучую планерку по итогам минувшего дня, директор взялся за разбор дневной почты. Бегло просмотрев несколько писем, он со вздохом сказал, утомленно откинувшись на спинку стула:

— Завалили письмами. Пишут из Севастополя, из Керчи, с Украины, с Дона, из Таганрога. И все об одном: требуют рассказать, как работают на целинных землях их земляки. А я вот даже своим ребятишкам в Крым на-

писать не выберу время. Они хоть и не маленькие у нас — один уже восьмиклассник теперь, другой во втором учится — и на добрых людей оставили мы их там, в совхозе, а все же...

— И жена ваша здесь?

— Жена со мной. Вместе приехали. Так уж у нас заведено... — Помолчав, подумал с минуту о чем-то своем и продолжал: — Об этом народе не письма надо писать — книги. Видели бригадиров? Молодцы — один к одному. То севастопольские каменщики, то керченские плотники и столяры. Все недавно со школьной скамьи, из ремесленных училищ. А работают с душой... со смекалкой, с азартом. Талантливые, черти. Даже зависть берет...

— Сколько же бригадиру Коломийцеву лет?

— Виктору? Черт знает что! Девятнадцать! А проектные чертежи, как академик, читает. У него и в бригаде ребята не старше его. А работают как! Двухквартирный стандартный дом положено, скажем, поставить одной бригадой по норме за двадцать рабочих дней. Бригада Коломийцева у нас управляется с этим делом за четверо суток! Правда, на площадке от зари до зари. Пока лето балует, приходится поторапливаться. Это все у нас понимают... А бригадира каменщиков Мишу Подлесного не заметили?

— Он, кажется, тоже не старше Коломийцева?

— Одногодки. И тоже — из Севастополя. Работал там на восстановлении жилых домов. К нам приехал со своей бригадой. Эти на кладке фундаментов под жилые дома класс показывают. Тройные нормы за световой день — как правило!

— Что же вы рассчитываете нынче построить?

— Много. Ох, много еще горячих дел впереди! Но смело могу сказать одно: к первому августа мы поставим двенадцать общеквартирных домов и двадцать пять индивидуальных. К этому же сроку построим контору зерносовхоза и электростанцию, общежитие на пятьдесят мест и баню, универмаг и пекарню, зернохранилище на тысячу тонн, кузницу и медпункт. Все это — дело реальное, в наших силах. Но работать, понятно, круглое лето придется — как и теперь — без перекуров, впритирку. А наши люди, как видите, это умеют!

В дверь робко постучали, и ласковый женский голос сказал:

— Не пора ли домой, товарищ директор?

— Иду, иду. Маша. Слушаюсь,— откликнулся Федор Павлович, тая блеснувшую на губах улыбку, и не спеша стал убирать бумаги в ящик своего маленького рабочего стола.

— Жена правильно делает, что не дает мне засиживаться допоздна. Вставать-то ведь все-таки в четыре,— сказал он затем, как бы оправдывая осторожное ее вмешательство.

Мы вышли из нового стандартного домика на улицу. Ночь была светлой от полного месяца, и крупные звезды отражались в зеркальном плесе тихого озера. Усадьба уже спала. Только где-то далеко — не то в открытой степи, не то в дальней палатке — негромко звучал баян и нежный, чистый девичий голос чуть слышно пел о такой же нежной и чистой любви, и казалось, что вся усадьба, затаив дыхание, слушала этот голос.

Вдали на тракте то вспыхивали, то гасли снопы холодного, белого огня, и глухой рокот плыл над дремлющей степью. То шла из Кустаная колонна автомашин, груженных строительными материалами и новой техникой, продовольствием и промышленными товарами — всем, чего не жалела страна для пионеров освоения целинных земель — строителей новых зерносовхозов.

Кустанай.

Июнь, 1954 год.

ПОДРУГИ

Еще в Ленинграде, в канун отправки комсомольского эшелона на целину (это было в марте 1954 года) девушки, работницы табачной фабрики имени Урицкого, твердо решили стать трактористками. Самая старшая из подружек-комсомолок Серафима Селиверстова запаслась даже учебной литературой по тракторному делу.

— Не поварихами же быть нам на целине! И не в водовозы мы там с вами запишемся. Понимать надо!— говорила она своим подружкам.

... Случилось так, что в одном вагоне с этими девушками оказалась и Астри Парадовская, член Ленинградского горкома комсомола, командированная в качестве проводной целого отряда ленинградцев на целинные земли. Веселая, шедрая на шутку, на песню, на выдумки, стремительная, порывистая в движениях, Астри пришлась по душе всему шумному эшелону. Но особенно сблизилась с ней семь подружек: Серафима Селиверстова, Вера Кулешова, Катюша Карпова, Лида Туркова, Оля Коршунова, Нина Протасова и Маша Бичурина.

Путь был неблизкий, и за четверо суток веселой вагонной жизни девчата, приняв в тесный свой дружеский круг Астри, почитали ее как давнишнюю спутницу своей юности, поверяли ей тайны жарких девичьих сердец и крылатые мечты о будущем. Астри платила спутницам взаимностью.

— Мы — только в механизаторы, в трактористки. Если уж штурмовать целину, так только на переднем крае!— горячо тараторила всю дорогу одно и то же Серафима.

Астри всячески подогревала и без того горячую заинтересованность пылких ленинградок в предстоящем освоении ими сложной сельскохозяйственной техники. И только

одна Вера Кулешова по-прежнему продолжала подтрунивать над будущей бригадиршей:

— Смотри, вместо тракторного-то отряда в полевую кухню не угоди!

— Нет уж, Верочка, я тебя такого теплого места по дружбе лишать не буду,— отвечала Серафима.

И все смеялись...

Три с половиной тысячи километров, отделявших Ленинград от конечной станции веселого путешествия молодых новоселов, пролетели под ритмичный говор вагонных колес незаметно.

На станции Мамлютка Омской дороги их встретил представитель Северо-Казахстанского треста совхозов. Девушкам он вручил путевки в новые зерносовхозы. Подругам выпал на долю Украинский зерносовхоз.

— Это далеко отсюда?— спросила Серафима представителя треста, добродушного смешливого сибиряка в ондатровой куртке нараспашку.

— Да нет! Вам повезло, барышня. Рукой подать.

— А именно?— не унималась Серафима.

— Ерунда! Полных трехсот не наберется.

— Это чего же, трехсот-то?

— Верст. Или, вернее сказать, километров.

— Ничего себе, хорошая ерунда — триста километров!

— По нашим понятиям, триста верст — невелик полустанок, матушка. Вон в Тимирязевский или к Богдану Хмельницкому, можно сказать, чуть подальше — пять кругленьких сот отсюда будет. Мы, старожилы, прежде тут на гужевом транспорте таких концов не робели. А вам на машинах — раз чихнуть!

— А как же, товарищ, насчет курсов механизаторов? Вот мы с девчатами, например, хотим с ходу на курсы трактористов,— сказала Серафима.

— Все на новом месте, все там у вас дома решится, голубушка,— успокоил ее представитель треста.

* * *

Поутру, чуть свет, машины, битком набитые новоселами, тронулись в путь к новым зерносовхозам. Мчались на большой скорости. И снова, как в вагонах, девушки пели песни.

Между тем яркое и жаркое солнце, поднимаясь над

степью выше и выше, начало так припекать, что кое-кто из пассажиров снимал ватники. А к полудню так развезло, что дорога превратилась в сплошное месиво грязно-бурого снега.

Потоки внешней воды хлынули с увалов, затопляя впадины и низины вблизи березовых перелесков, и машины форсировали такие водные рубежи при помощи выскакивавших из кузовов дружных пассажиров.

В сумерках, когда стало примораживать, колонна автомашин добралась до первого на пути небольшого селения. Оказалось не так-то легко найти здесь приют под крышей. Улицы поселка были уже забиты грузовыми машинами, а на воротах, как в прифронтовой полосе, красовались краткие надписи, размашисто начертанные то углем, то мелом: «Занято. Тимирязевцы». «Докучаевцы». «Здесь — Богдан Хмельницкий!» Это значило, что дома колхозников уже заняты под постой новоселами этих совхозов.

Но как ни тесно было от постояльцев в деревянных пятистенниках и саманных хатах, а нашлось место и для новоселов из Украинского зерносовхоза. Подругам же Серафимы Селиверстовой совсем повезло: они ночевали вповалку в отдельной опрятной горнице председателя колхоза и, несмотря на большую физическую усталость, далеко за полночь проговорили между собой в эту недолгую ночь. Повод для такого длинного ночного разговора был у девушек веский: в этот памятный вечер Астра Пародовская вдруг заявила подругам:

— А знаете, девчата, я в Ленинград не поеду!

— То есть как это не поедешь? У тебя же ведь временная командировка! — удивилась Серафима.

— Командировку можно обменять на путевку, — ответила Астра.

— И ты это серьезно?

— Такими делами, девушки, в жизни не шутят, — ответила Астра.

... Позднее, после недельного пребывания ленинградонок в новом зерносовхозе, центральная усадьба которого базировалась в брезентовых палатках в открытой степи, на берегу озера, подруг пригласили в дирекцию.

Дирекция тоже размещалась в палатке. Приземистый, быстрый в движениях человек с седой головой — это был

директор совхоза Илья Карпович Григорьянц — встретил девчат улыбкой.

— Ну, как живется на новом месте? Огляделись? Обыклись? Не тесно в палатках?— спросил он девушек.

— Ничего. Привыкнем. В тесноте, да не в обиде, как говорится...— ответила Серафима.

— Не холодно в брезентовых-то домах?

— Да не жарко, Илья Карпович...— сказала с легкой усмешкой Астра.

— Я тоже думаю, что не жарко. Вот и придется подумать нам с вами о более надежном жилье.

Директор пытливо поглядел на девушек и продолжал:

— Вот какое дело у нас к вам, девушки. Трудный переплет намечается. Выручайте.

— Мы готовы,— отозвалась за всех девчат Вера Кулешова.

— Повторяю, дело нелегкое. Трудоемкое. Тут и сноровка и физическая выносливость будет нужна... Словом, есть предложение создать из вас бригаду саманщиц.

Девчата переглянулись. Ни одна из них не знала, о чем шла речь.

— А это кто такие, саманщицы?— спросила Серафима.

— Обыкновенные работницы, которые бьют саманы.

— А что такое саманы?

— Блоки, проще сказать, кирпичи из глины с примесью соломы. Превосходный, скажу вам, строительный материал в местных условиях. Видели, небось, какие чудесные хаты понастроили из этого самана здешние старожилы. Прочно, красиво. Зимой в таких хатах тепло, а летом прохладно. Чудо!

Девчата опять переглянулись. Серафима, медленно поведя плечами, сказала:

— Странно. Мы ведь, кажется, целину поднимать сюда приехали...

— Вот именно! С этого и начнем.

— Целину, по-моему, поднимают тракторами, Илья Карпович.

— Ошибаетесь! Нам придется поднимать ее и руками.

— Вот этого я не представляла...— сказала Серафима, внимательно разглядывая чистые свои руки со следами бывшего маникюра.

— Что ж, мы многого не представляли с вами там, вдали от этих мест. Нам придется на первых порах рабо-

тать с засученными рукавами. А целина здесь на каждом шагу. Ее приходится поднимать не только трактористам, но монтажникам сборных домов и бурильщикам колодезных скважин, связистам и шоферам, нашему брату — организаторам, и вам, пионерам в овладении новой профессией, саманщикам...

— Ну как, девчата, задача ясна?— спросила, обращаясь к подругам, Астра.

— Не вполне...— ответила, поджав пухлые губы, Серафима.

— Ничего... Не робкие... Разберемся,— прозвучал ясный, уверенный голос Веры Кулешовой.

— Вот именно! Не боги горшки обжигают. Необходимый инструктаж в этом новом деле вы получите. Разыскали мы тут среди местных старожилов бывалого мастера — золотые руки! С таким и вы лицом в грязь не ударите. Словом, пишите приказ,— сказал директор, обращаясь к ютившемуся за крошечным соседним столиком секретарю.

Выдержав небольшую паузу, он стал диктовать приказ, глядя в упор на смущенные лица девушек:

— В целях форсирования строительства центральной усадьбы зерносовхоза организовать ударную бригаду саманщиц по производству саманных блоков. Включить в состав бригад следующих товарищей: Веру Кулешову, Екатерину Карпову, Лидию Туркову, Ольгу Коршунову, Марию Бичурину, Серафиму Селиверстову. Этот пункт первый. Пункт второй: бригадиром саманщиц назначить Астру Парадовскую. Помощником бригадира—Серафиму Селиверстову. Вот и все. Точка. Производственную программу получите от прораба,— заключил директор и поднялся из-за стола, дав понять девушкам, что разговор окончен.

Крепко пожав руки озадаченным ленинградкам, он пожелал им успеха в освоении этой неяркой и трудоемкой, как он сказал, профессии. Он выразил при этом уверенность, что девушки выдадут ко второй декаде мая первую партию высококачественного самана.

— Попробуем...— не очень уверенно сказала в ответ Астра Парадовская.

Серафима же только горько вздохнула и не очень любезно простилась с директором. Весь вечер затем провела она в палатке, не разговаривая с подругами. Гре-

ха таить нечего: остальные девчата тоже не очень-то были рады предстоящему. Не унывала только Вера Кулешова.

— Не понимаю, что это вы губы надули. Тоже мне, глины испугались!— говорила она подружкам.

Девушки отмалчивались. Астра как бригадир старалась держаться на высоте: она скрывала перед подругами свое смятение.

Прошел месяц.

И — это было уже в начале июня — о бригаде ленинградских саманщиц из Украинского зерносовхоза заговорили в окрестной степи, во всех пяти новых зерносовхозах. Имена Астры Парадовской, ее помощницы Серафимы Селиверстовой и их подруг стали появляться на страницах районной, областной, а затем и республиканской печати. В Украинский совхоз зачастили руководящие работники. Всем хотелось лично убедиться в быстром темпе строительства саманных жилых домов в этом совхозе, а главное — перенять опыт организации производства этого прекрасного в местных условиях строительного материала.

— Ну, за этим делом валяйте в веселую нашу бригаду,— говорил таким экскурсантам Илья Карпович Григорьянц.

— Что значит «веселая»?

— За такую слывет у нас бригада Астры. В привычку вошло. У нас все новоселы так ее называют.

А назвали веселой эту бригаду не зря. Саманные блоки били девушки на берегу большого зеркального озера, оправленного в роскошную раму изумрудно-зеленого камыша. Доступное потокам яркого летнего света, открытое ветрам и солнцу, место это радовало глаз.

С утра до позднего вечера звучали над озером прозрачные, как родниковые ручейки, звонкие голоса, песни и смех девушек.

Приглядываясь со стороны к их труду, можно было подумать, что заняты они не очень утомительным, близким к забаве делом: столь легки были движения их обнаженных по локоть, запачканных глиной тонких рук, ловко, почти артистически орудовавших тяжелыми деревянными формами, набитыми увесистым месивом вязкой глины с соломой, так гибки и по-юному упруги были их фигуры во время работы.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что девушки эти с малых лет только и делали, что били в станках тяжелые саманы. И только сами они, теперешние мастера этого трудоемкого дела, да еще кое-кто знали, как не сразу далось им умение.

Труднее всех приходилось в первую пору, пожалуй, своенравной Серафиме Селиверстовой, никак не хотевшей видеть в новой профессии чести для себя и подруг.

— Давай, давай жизни, Серафима! — подбадривала ее Вера Кулешова.

— Помалкивай, Верочка. Придет время, и я класс покажу, — отшучивалась Серафима и мало-помалу увлеклась здоровым рабочим азартом бригады.

Так работали подруги Астры Парадовской на выделке самана.

... Поздней осенью, в канун ноябрьского праздника минувшего года, я встретился с подругами в Украинском совхозе. Девушки только что вселились в новое общежитие и, готовясь к празднованию новоселья, наводили порядок в просторных, уютных и светлых комнатах. Астра с помощью Серафимы подвешивала тонкие тюлевые шторы на окнах. Остальные подруги — Катя Карпова с Людой Турковой и Оля Коршунова с Машей Бичуриной сидели как гости, пришедшие скоротать осенний вечер в комнате своих бригадиров.

Когда гостеприимные хозяйки подали на стол новенький самовар, у нас завязался тот непринужденный разговор, к которому располагают такие предпраздничные вечера в комнате, полной друзей, тепла и уюта.

— Клуб наш видели? — спросила меня Серафима.

— Отличный клуб.

— Это из нашего самана!

— А столовая, — напомнила Вера Кулешова. — Это первое здание в усадьбе, построенное из местного строительного материала нашего производства.

— Довольно хвастаться. Подумаешь, какой интерес человеку про наши саманы слушать, — заметила Астра.

— А вот я назло похваляюсь. Не шутка в деле — двадцать пять тысяч штук саманных блоков за лето одной бригадой набить. Нечего скромничать-то. Можно и похвалиться, — сказала Серафима.

— Правильно, Сима. Такими делами в канун новоселья не грех и похвалиться. Не будь нашей бригады —

не красоваться бы теперь на центральной усадьбе ни клубу, ни столовой, ни электростанции.

— Вот видишь, Сима, как судьба-то сыграла. Хотела ты стать трактористкой, а сделалась саманщицей,— не утерпев, поддела Серафиму Вера Кулешова.

— Ладно, ладно, Верка. Ты меня не подкусывай. Я-то нынешней зимой на курсы механизаторов как пить дать попаду. Директорскую резолюцию на личном заявлении уже имею. А вот тебе, видать, должность бригадной поварихи не улыбнется,— отплатила ей Серафима.

— Да, представь себе, ты права: не улыбнется. Меня ведь тоже на курсы трактористов посылают,— сказала с притворным сожалением Вера. И все дружно засмеялись.

В это мгновение наше внимание привлёк знакомый голос из репродуктора.

— Говорит Москва. В двадцать часов десять минут слушайте передачу из Ленинграда!

Астра откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. Длинные, густые, темно-бархатистые ресницы ее слегка подрагивали, словно от легкого дуновения, а на губах притаилась улыбка.

Остальные девушки тоже как-то внутренне подобрались, насторожились. А Вера Кулешова с Серафимой смотрели на репродуктор такими удивленными, широко раскрытыми глазами, словно готовились увидеть там через мгновение некое чудо.

Не поднимая век, Астра вполголоса мечтательно сказала:

— А хорошо сейчас, в канун праздника, в Ленинграде. На Неве. У Медного всадника. На Дворцовой площади. И особенно — на Невском. А, девчата?

Но девушки промолчали. Они боялись пропустить первые слова диктора из далекого, но бесконечно близкого всем им города.

Украинский зерносовхоз
Ноябрь, 1954 год.

ПОКОРТЕЛИ ЦЕЛИНЫ

Нарядная, сверкающая матовым серебром утренних инеев и золотыми потоками нежаркого света, щедрая на дары поднятой целины и не скупая на огненные краски погожих рассветов и закатов, долго стояла нынче в Северном Казахстане осень. Незаметно, неслышно, робко прокралась она по светлоствольным березовым перелескам вслед за шумным, веселым летом в эти воспетые в птичьих гимнах степные просторы, и изумленные новоселы не могли налюбоваться прелестью невинного ее убранства и спокойной красотой.

Октябрь на исходе. Давным-давно умолк индустриальный гул жатвы на нивах, и комбайны, как завершившие дальнейшее плавание корабли, возвратились в свои гавани, встав на якорь у приусадебных причалов МТС и зерносовхозов. Ни ветерка в степи, ни облачка в небе. На большой высоте — вал за валом — проходили в южную глубь степей тучи северной казары. Безропотно роняли в окрестных колках березы последнюю, тронутую легкой позолотой листву. И трубный клич лебедей на рассвете напоминал о близком отлете в чужую сторону и этих миролюбивых старожилов никем не считанных здесь озер. По утрам примораживало. Но в полях еще держался стойкий медовый запах томленного, засуху сметанного в стога сена с примесью бражного аромата заскирдованной вблизи дорог свежей соломы. И нежно зеленела неподвластная утренним заморозкам отава, буйно брызнувшая из влажной, прогретой солнцем земли.

Не за горами и зима. В недавнем прошлом в такую пору эти безлюдные и дикие места покидали стаи дичи и летучие табуны сайгаков. И совсем не пахло тогда жилым в целинных просторах. Только и красили их в эту

пору одни бурокрылые беркуты, зорко выслеживавшие с высоты подоблачных круговых полетов земную добычу, да мышковавшие по первой пороше огненно-рыжие лисы, дразнящие злобную эту птицу пышными метлами своих выхолненных хвостов...

Таковыми из года в год выглядели в предзимние дни древние наши степи. Но в нынешнюю осень что-то не спешили с отлетом и птицы. А косяки сбившихся в табунки сайгаков, случалось, мирно паслись себе теперь невдалеке от полевых станов.

і Пройдут годы.

Отшумит, отликует, набушует на упругом здешнем ветру средь моря хлебов крылатая юность и светлая молодость нынешнего поколения покорителей целины. И невесомая, как августовская паутина, седина неслышно осядет со временем в женственные девичьи прядки и в непокорные ребячьи чубы юных ныне прицепшиц из Ставрополя и молодых трактористов с украинской земли. Немало и веселых и горьких минут забудется впоследствии в их возмужалой жизни. Но никогда не позабудут они неповторимо прекрасной, овечьей романтикой, счастливой и трудной поры отважного их вторжения в эту разбуженную грохотом гусениц степь весны 1954 года!

Запоздалая, хмурая и студеная, не ласково встретила эта весна в необжитых степях отважных ребят и девушек, прибывших сюда налегке, с пожитками в вещевом мешке за спиной, с комсомольскими путевками в надежном кармане. Поёживаясь, приплясывая от лютой стужи, отметили, как могли, не очень пока уютное новоселье у разметочного колышка в открытой степи под открытым небом. И не мешкая, засучив рукава принялись с азартом за дело. Осваивали новую технику, храбро читали чертежи сборных домов, о которых знавали до этого понаслышке, разбивали холодные в весеннюю непогоду брезентовые палатки.

Греха таить не приходится. И тесно и холодно было под трепетной кровлей походных шатров после светлых и ласковых ленинградских рабочих квартир где-то на Выборгской стороне или обжитых собственных хат с картинными палисадничками на далекой Украине. Но и под этой зыбкой кровлей не всем счастливым подчас доставало места. Таких неудачников выручали старые друзья землепроходцев и следопытов — костры. Крепко спалось под

дремотный шум бушующего в студеной ночи веселого и жаркого, как юность, огня утомленным за долгий трудовой день на пьянящем степном воздухе донским и ставропольским, киевским и московским ребятам...

Как и все новоселы целинных земель, познали «украинцы» и нелады с организацией труда на первых порах и бытовую неустроенность бивачной жизни, борьбу за избавление коллектива от случайных «золотоискателей» и трудности в освоении новых профессий, порой совсем неожиданных. Трактористов, например, среди прибывших в совхоз ребят оказалось в избытке, а строителей — на вес золота. И многие ставропольские механизаторы — в первую очередь это были коммунисты и комсомольцы — примкнули к сформировавшимся с марша строительным бригадам. Одни из них взялись за пилы и топоры, другие пошли в грузчики и землекопы.

А когда директор совхоза Илья Карпович Григорьянц и секретарь партийной организации Михаил Иванович Лукошин завели разговор о производстве самана — надёжного и недорогого в местных условиях строительного материала, то нашлись среди здешних новоселов охотники и до этой малопопулярной, трудоемкой профессии. Ими оказались ленинградские комсомолки, табачницы с фабрики имени Урицкого. Подружки.

Немногим более полугода минуло с того апрельского дня, когда краснодарский тракторист Александр Цоцорин, обнажив в такую торжественную минуту светловолосую голову, прокладывал первую борозду в этой степи, и все ликовали, любуясь глянцево-чёрным, увесистым пластом ароматной от весенних испарин земли. В те дни бригада потомственного белорусского плотника Алексея Ошомки робко, с опаской принималась за установку каркаса первого сборного дома. Расторопные каменщики во главе с опытным старым мастером кладки Иваном Ивановичем Николаевым цементировали фундаменты зданий.

Так было минувшей весной, капризной, притворно-строгой, ветреной. Но ничем не напоминала теперь, в преддверии ноября, о неласковой весне эта, будто в отместку ей, затяжная, прелестная в своей кротости, полная покоя осень с ее потоками света и золотистым сиянием стерни. Так же ничто уже не напоминало сейчас новоселам о былой их бивачной жизни там, где ныне красуется на пригорке заманчивый городок центральной усадьбы совхоза

с его строгими по архитектурному облику общественными зданиями и уютно поблескивающими чистыми окнами жилых домов, крытых шифером.

— ...Словом, теперь мы живем! — завершая затянувшийся наш разговор, говорит Илья Карпович Григорьянц, человек с седой головой и молодыми порывистыми жестами.

— Живем, конечно, лучше, чем весной, но и трудностей еще немало, — напомнил парторг.

— Понимаю... Однако самое трудное — позади, Михаил Иванович. Не так ли? Главное — люди зимовать у нас будут по-человечески. В тепле и не без уюта. Особенно — семейные. А таких у нас, слава богу, добрая половина. Домовитый, скажу вам, подобрался народ. У них и коровы уже свои и домашняя птица.

— А одиночки?

— Молодежь? И эти нехудо устроились. Эти в общежитиях. Их у нас два. Видели? Добротные здания. Капитальные. Из самана. Мы из этого же самана столовую с клубом выстроили, хотя этих объектов в титульных списках и нету. Невероятно, но факт! А вот полюбуйтесь, какие камышовые маты мы научились делать! Два зернохранилища ими уже покрыто. Кровля — красота! На шифер не променяю!

Позднее, когда в окнах домов и на улицах усадьбы весело засиял электрический свет, мы с товарищами заглянули в некоторые из квартир новоселов. Но там было явно не до нас. Везде властвовал тот волнующий беспорядок, что предшествует кануну больших праздников и который хорошо знаком любой только что въехавшей в новую квартиру семье. В одном месте хозяйки заканчивали побелку комнат, в другом — мылись полы, в третьем доштукатуривались печи, в четвертом в полном разгаре шла предпраздничная стряпня. И смущенные хозяева, извиняясь за такое дело, горячо приглашали нас на праздничное новоселье седьмого ноября и не шибко придерживали нас сейчас.

И только в квартире бригадира Степана Шолома все уже было в порядке, и Александра Тихоновна, жена бригадира, развешивала по стенам застекленные в рамках фронтовые фотографии. В молоденькой, миловидной медицинской сестре, снятой на всех этих фотографиях рядом с улыбающимся танкистом, нетрудно было угадать

хозяйку этого дома, а в веселом танкисте — мужа ее, смущенно улыбавшегося и сейчас, Степана Шолома. Снимались они в роскошных от зимнего убранства снегах Подмосковья, среди развалин Кенигсберга и на фоне развернутой панорамы Харбина.

— С первых дней войны вместе. Так уж случилось... — объяснила Александра Тихоновна.

— У них все ордена одинаковые. Ох, и много! — с восторгом и не без тщеславия сказал семилетний сын Шоломов — Славка.

— Ты тут помалкивай! Спать пора. Завтра — в школу, — строго прищипнул бригадир на сына.

Славка прикусил язык и засопел, пересчитывая для блезиру еще пока, видать, не надоевшие ему счетные палочки.

— Он у нас живо что не надо отпрапортует, — сказала мать с ласковой усмешкой, кивая на притворно-равнодушного в этот миг Славку.

— О каких орденах речь?

— Ну, есть у нас с отцом... И это верно — одинаковые. По Красной Звезде у обоих. И медали. За Москву. За Кенигсберг. За победу над Германией. Ну, и над Японией, конечно.

И когда мать говорила об этом. Славка, позабыв про зажатые в руках счетные палочки, не спускал больших серых глаз с ее лица. И лицо мальчика, готовое озариться в любое мгновение жаркой и яркой, как солнце, улыбкой, выглядело строгим, почти сердитым от внимания и любопытства, запечатленного на нем.

...Таким же было лицо у Славки и наутро, во время школьного урока, когда вместе со всеми пятнадцатую первоклассниками — детьми новоселов, покончив с проверкой домашних заданий и устным счетом на палочках, ребятишки слушали народную китайскую сказку про трудолюбивого и любознательного мальчика Юн-Су, которую читала им учительница Мария Александровна Дедова.

Славка сидел на первой парте, в серединке между Лидой Мартынюк — дочерью совхозного кузнеца, и Витей Заворониним — сыном конюха. Витя сидел как полагается — руки на парте, а озорная девочка донимала Славку: то тормозила полу его кителька, то толкала в бок локотком или тупым кончиком ручки. Но Славка, как и

все другие его товарищи, сидел не шевелясь, не обращал внимания на вольности беспокойной своей соседки. Серые, полные восторга и изумления его глаза смотрели на освещенное солнцем спокойное лицо учительницы. Лица слушателей засияли, когда стало известно, что трудолюбивый и любознательный Юн-Су, у которого не было ни тетрадей, ни карандашей, научился писать слова на прибрежном морском песке!..

За окнами залитого солнечным светом школьного класса блистало погожее, присеребрянное инеем осеннее утро. И, как всегда, напряженно, звонко и молодо бился в этом селении пульс обыденной, будничной трудовой жизни. Это ощущалось в веселом перестуке плотничьих топоров, в неистовых напевах электрической пилорамы, в грохоте возвращающихся на усадьбу тракторов, завершивших подъем и обработку целинных земель.

Тихо было в тот ранний утренний час только в школе. Затаив дыхание, посверкивая широко раскрытыми на светлый мир глазами, слушали свою учительницу будущие старожилы этой земли, возделанной их отцами.

Джамбулский зерносовхоз.
Октябрь, 1954 год.

СТАРОЖИЛЫ ПОДНЯТОЙ ЦЕЛИНЫ

Знакомство произошло с полгода тому назад. Было это в августе необычайно сухого и жаркого прошлогоднего лета. И вот при каких, так сказать, обстоятельствах.

Давно, видать, забытая путниками, неясная, как на-мек, полевая дорожка, заманив нас далеко в сторону от шумного Кустанайского тракта, долго затем вольнолюбиво порхала по зарослям дикого вишняка и шиповника, и вдруг, храбро перепорхнув через посеребренный ковылем крутой пригорок, привела к неказистому шалашу. Приютившись под сенью одинокой березы, шалаш с его двухскатной дерновой кровлей походил издали на палатку странствующих в окрестных степях геологов, а скорее всего — на временку, в какой коротают лето вблизи камышных озер и речушек здешние рыбаки.

На отлете от шалаша и в самом деле сушились раскинутые на ракушечных сошках сети. А возле полуприкрытого старенькой плащпалаткой лаза в шалаш сидели на корточках дети и чуть поодаль от них — орленок, привязанный за ногу к колышку тоненькой лыковой бечевой — поводком от сети. Полуоперившийся — в пепельно-сером пушке — птенец, разбросив не по возрасту широкие в разлете крылья, бороздил когтями потрескавшуюся от жары землю и грозно щелкал каленым клювом, как только кто-либо из детей протягивал к нему руку, норовя примирительно коснуться его крыла.

Детей было двое. Загорелый, точно вылитый из бронзы, босоногий крепыш лет девяти в смастеренной из газеты пилотке. И — лицом к лицу перед ним — такая же коричневая вся от загара девочка с забрызганными блестками рыбьей чешуи, не очень заботливо прибранными пшеничными волосами.

То и дело пытаюсь приласкать угрюмого орленка, ребяташки меж тем довольно проворно нанизывали на гибкие ивовые стержни ловко поддетых под жабры златоперых карасей. Работали дружно, молча, почти сердито. И с первого же взгляда на малоуловимую общность их обликов и повадок все же было очевидно, что это были брат и сестра и что сестра была двумя-тремя годами старше брата.

Сдержанно ответив на наши приветствия, ребята продолжали свое дело. Девочка — как только мы разговорились — назвалась Фаиной. Мальчик не очень охотно пробасил:

— Я — Прокопий.

Да, Фаина доводилась родной сестрой несловоохотливому крепышу в газетной пилотке. Сестра, за разговором забыв о работе, очень живо отвечала на наши вопросы. Брат, наоборот, не обращая на нас никакого внимания, с прежним усердием продолжал свое дело. Поддевая ивовым стержнем под жабры увесистых карасей, он то и дело неодобрительно посматривал своими быстрыми, как у сайгачонка, озорными глазами на сестру, не в меру отзвучивую, по его убеждению, на наши расспросы.

— Вот это доложу я вам, рыбаки! — взвешивая на своей широкой, как чаша, ладони отливавшего тусклой позолотой карася, с восторгом сказал шофер Степан Солоха.

— Не только рыбаки, но и охотники! — заметил один из нас, кивая на орленка.

— Так это ж вовсе не мы. Это же все — дедушка. Отдыхает сейчас в шалаше. Ему — зачем не видишь — обратно скоро сети ставить, — затараторила заговорщически-приглушенным голосом Фаина, косясь на шалаш, в котором отдыхал дедушка. — Он этой рыбы страсть сколько за лето переловил. Тыщу народу перекормил. Спасибом числа нету. А Афанасий Михалыч даже приказ с благодарностью ему написал. Дедушка сперва аж не поверил. Да я сводила его в контору и вслух прочитала. Потому что он же у нас ведь ни духу не грамотный.

— А кто это Афанасий Михалыч?

— А Пряхин. Директор наш. Из Урнека. То ли вы не знаете?! А Ивана Петровича знаете?

— Смотря какого...

— Который из Кустаная. Товарищ Храмков Иван Петрович.

— Да. Это — секретарь обкома партии.

— Ну, вот видите... Они с Афанасием Михайловичем на новоселье у нас в совхозе были. Видели такой красивый дом в Урнеке? На улице Мира. Шифером еще крытый. Три комнаты. С палисадником. И с голубыми ставнями. Это наш новый дом. Еще лучше того, который был у нас на Урале...

— Не хвастай! — поддев под бок локотком сестру, строго оговорил ее глуховатым баском Прокопий.

— Была нужда! — надменно скривив пухлые, припекшиеся от солнца губы в сторону брата, откликнулась Фаина. — Там одних гостей было на нашем новоселье — тыща! И все сначала за дедушку по полной рюмке выпили. А Иван Петрович сказал, что такому знаменитому деду мало премию дать — памятник можно в совхозе поставить. И это все ему — за карасей. А карасей здесь в любом озере — ведрами черпай!

— Не плети. И совсем не за твоих карасей деду премию дали. А как самому первому пионеру в Урнеке! — с вызовом поглядев на сестру, сказал Прокопий.

— Здравствуете! Ты что — с печки упал? Да дедушка-то у нас из годов давно вышел. У него справка есть. С печатью. Какой он тебе пионер?!

— Спроси у директора. Он скажет, какой. Вперед всех целинщиков с нами сюда приехал потому что. Кто в Урнеке самый первый палатку поставил? — почти угрожающе спросил Фаину Прокопий.

— Папа — вот кто. И дядя Иван с дядей Петей.

— А дед первый кол забивал на новом месте!

— Ну и что тут такого?

— Погоди, Фаина, — вмешался в спор детей Степан Солоха. — Ты зря тут перечишь брату. Прокопий прав. Директор правильно пионером вашего деда назвал. Пионер — это вроде разведчика на переднем крае, если сказать вам, голубчики, по-фронтовому. А дед ваш, видать, орел! Первый новосел на целине — самый почетный человек теперь в новом совхозе. Так я это дело понимаю.

— Точно, — вполголоса подтвердил Прокопий и торжествующе посмотрел на сестру.

— Ну и пусть... — не поймешь как, — то ли обидчиво, то ли примирительно, — пробормотала себе под нос Фаина.

Потом залюбовавшись своим угрюмым крылатым пленником, снова затараторила с былым оживлением: — Вот вам, пожалуйста, и этого зверенка дедушка же добыл. В Батыевой дуброве орлиное гнездо вызарил. Натерпелся он с этим орленком страсти. Едва от орлицы отбился... И этот такой же вот недотрога. Только и ладит своими когтями в тебя вцепиться. Беда с ним. Ну, ничего. Притерпится. Приручим. Охотником будет. Волков с лисицами и всяких там разных зверей нам станет ловить.

— Перестань, тебе говорят, тараторить. Обратного деда разбудить захотела?! — опять прищелкнул вполголоса на разговорчивую сестру Прокопий.

— Ах, пожалуйста, не ворчи, как старый старик.

— А ты не трещи, как разная там сорока. Тоже мне, охотница с беркутом! Храбрая больно стала. Зато на целине в прошлый год похуже мамы паниковала... — решив-таки, видимо, задеть сестру за живое, угрюмо напомнил ей Прокопий.

Фаина вспыхнула:

— Так уж и похуже мамы!

— Звончее всех в палатке-то голосила...

— Студено было, вот и голосила.

— Студено! А нам с дедом — жарко?!

— Интересно! Вы ж — мужики... Ты бы еще папу к нам приравнял!

— А иди ты... — презрительно отмахнувшись от сестры рукой, пробасил Прокопий. Рывком придвинув к себе поближе раковую корзину с карасями, он с показательным ожесточением продолжал низать на ивовый стержень рыбу, и лицо его обрело притворно-свиное выражение.

Было очевидно, что размолвка между детьми угрожала обрести остроту пылкой ссоры. Поэтому пришлось вторгнуться в разговор и спросить:

— А папа-то где?

— А там. Дома всякие строит, — неопределенно кивнув куда-то в сторону головы, не очень любезно ответил еще не остывший, как видно, Прокопий.

— Где это там?

— Дома у нас. На центральной усадьбе. В Урнеке.

— Ясно. Он у вас плотник?

— Нет. Кузнец, — возразил Прокопий.

— Кузнец дома строит?!

— Ах, не слушайте, пожалуйста, вы его, — сказала с

досадой Фаина.— Он у нас — в дедушку. Чуть что — поперек боронит... И никакой совсем папа наш не кузнец, а строитель. Мастер топора. Прочитайте, пожалуйста, в райгазете!

— А я говорю — кузнец! — вскочив на ноги и весь как бы напружинясь, повысил голос Прокопий. Но тут же, видимо, вспомнив про спящего в шалаше деда, уже полушопотом грозно спросил сестру: — Кто ковал без станка всяких лошадей у нас на Урале?

— Так то на Урале... — почти пропела Фаина, отступая на всякий случай на шаг от брата.

— Пожалуйста. Всех колхозных лошадей с, колена перековал. И здесь. Ты что, не видела? Зажмет любую конскую ногу промеж колен — и пошел гвоздить молотком под копыто!

— Силен! — сказал Степан Солоха, и было неясно, к кому относил он свою похвалу: к отважному ли уральскому кузнецу и строителю или к неробкому его сыну.

— У нас и дед завсегдашний кузнец. Это он от старости лет рыбаком притворился... Он подковы умел в одной руке гнуть, когда молодой был. И папа может подкову согнуть. Пожалуйста. А то — плотник, плотник! — скосив на сестру черные, как ночь, глаза, сказал с усмешкой Прокопий.

— Вот опять зарубил! Да папа и печки умеет всякие класть. Он даже часы все как есть сам починяет. Понятно?

— Я-то все понимаю...

— Может, он у нас сначала печник, а потом плотник? — спросила с лукавой улыбкой Фаина брата.

— Ладно. Замри... Давай рыбу скорей прибирать, пока дед не проснулся, — внезапно смягчившись, завершил перепалку с Фаиной Прокопий. И по-детски бесхитростная, трепетная, как солнечный блик, улыбка вдруг озарила доброе лицо мальчика.

Фаина, глядя на брата, ответила ему такой же непринужденно-доверительной улыбкой. И дети продолжали дружно и споро нанизывать на жидкие стержни заплывших икрой и жиром карасей.

Не совсем уверенный в том, что малоприметная полевая дорожка доведет нас до центральной усадьбы Урнекского зерносовхоза, Степан Солоха попросил ребяташек подсказать, как нам проехать туда наверняка.

— Ого, напрямки вам здесь не проехать. Это кабы в прошлом году! А теперь же у нас ни духу целины не осталось. Весь белый свет перепахан,— зачастила опять Фаина к явному неудовольствию брата, который тоже, как видно, готов был подсказать нам самую близкую и верную дорогу в Урнек.

— То-то и оно, сударыня, что весь белый свет перепахан,— сказал со вздохом Солоха.— Я вот двенадцатый год на обкомовских машинах по этим степям колесю и дорог до прошлого года у добрых людей не спрашивал. А теперь здесь без языка, как в старину говорили, до Киева не пройдешь, не проедешь. Куда ни ткнись — пашня!

— А вы, дядя, развернитесь обратно. Видите вон те три березы на том бугре? — вскочив на ноги и показывая рукой в противоположную сторону, торопливо принялась толковать нам Фаина.— За бугром езжайте межой. С одной стороны пойдут кукурузные поля, с другой — пшеница. Так? Потом попадетя вам слева березовый колок. Ежи называется. Ой, там же и вишни — пропасть! А за Ежами сразу увидите озерцо. Красивое. С лебедями. Там еще тракторная бригада дяди Афони Велина стоит. И от туда уж видны белые домики второго нашего отделения. А со второго — напрямки по столбам — в Урнек.

— Она вам наговорит! — насмешливо кивнув на сестру, сказал Прокопий.— Пожалуйста. Я ж весной с дядей Алешей в кабинке по всем бригадам семена на зису развозил. И маленько получше всяких там девчонок в нашем совхозе дороги знаю!

— А ну, валяй, подскажи тогда ты.

— Так вы ж правильно едете. И вертать никуда вовсе не надо. Так и катайте прямиком аж до самой Риты Гребневой. А от Риты Урнек виден. Пожалуйста.

— А Рита — что у вас за королева? — спросил Солоха.

— Звеньевая наша. Самая лучшая кукурузница потому что. Вот какая вам королева!

— Ясно,— сказал, садясь за руль, Солоха.

Мы послушались Прокопия и, распрощавшись с ребятами, поехали напрямую. Босоногие, загорелые дети, стоя рядышком возле рыбацкого шалаша, долго смотрели нам вслед из-под приставленных ко лбам козырьками ладошек... Все это было похоже на мимолетную встречу

в родимой степной стороне с полузабытым, как давнее сновидение, собственным детством. И было грустно думать о том, что ребятишек этих, может быть, больше никогда уже не придется встретить.

Но мы встретились.

Однажды — это было уже поздней осенью — состоялся сбор пионерской дружины Урнекской средней школы имени А. С. Пушкина. Сбор посвящен был встрече со знатными людьми родного зерносовхоза, созданного на целинных землях Кустанайской области в памятную пору великого народного наступления на целину — весной 1954 года.

В просторном, светлом зрительном зале новою совхозного клуба, где в торжественной обстановке открыт был сбор, собрались некоторые из тех местных людей, чьи имена были известны далеко за пределами этого совхоза. Почетные места на своем торжественном сборе отвели пионеры директору совхоза Афанасию Михайловичу Пряхину и династии плотников Янгельских: Федору Андреевичу Янгельскому с тремя сыновьями — двумя Иванами и Петром. По соседству с бригадиром механизаторов Афанасием Велиным скромно сидела сероглазая девушка Матридия Гребнева — нынешний садовод совхоза, которую все здесь — от директора до ребятишек — зовут просто и ласково Ритой.

Первое слово после торжественного открытия сбора дружины было предоставлено старейшему из почетных гостей — Федору Андреевичу Янгельскому. Встрепенувшись от взрыва дружных рукоплесканий, могучий в плечах старик сердито нахмурил брови. Потом, когда горячие хлопки стихли, он, молодецкато поднявшись с места, строго спросил, окая по-уральски:

— Это про што разговор-то?

Кое-кто из ребят попробовал было засмеяться, но под броским взглядом вожатого тут же умолк.

— Про строительство нашего совхоза, Федор Андреевич, ребятам расскажи. Ну, про то, как новое место по-первинке обживали. Про свою бригаду, например. И так далее... — подсказал старику с извинительной улыбкой Пряхин.

— Ну, нет, Михалыч. Уволь. Из меня говорун худой... — сказал старый бригадир, покосившись при этом на богатырских своих сыновей, словно ища у них защиты.

— Да ты не тушуйся, Андреевич. Ты — своими словами. Коротко. Как, к примеру, на сборке стандартных домов работали, — подбадривал его директор.

— Робыли, понятное дело. Не лежали. Лежать было недосуг. А которые дома и вообще здания поставили — это все и у малых детей на виду. Как-то неладно про это и хвастать. Не обессудьте, — заключил бригадир и сел рядом со своими смущенными сыновьями, вытер тылом ладони крупные капли пота, выступившие на его открытом, изрытом морщинами лбу.

И снова горячая волна рукоплесканий хлынула из зала, и старый плотник тоже в ответ тяжело захлопал в ладоши, улыбаясь и кивая детям завьюженной сединой головой.

Затем говорила Матридия Гребнева. Она начала с дорогих, видать, ее сердцу воспоминаний о своей работе в Москве техником зеленого строительства. Волнуясь, она рассказывала притихшим ребятам о Тверском и Гоголевском бульварах, где ее руками были разбиты в канун поездки на целину роскошные ковровые цветники. Чудесные розы, петунии и ярко-красные канны были посажены ею на этих древних бульварах столицы. Какой это просто сказочный и прекрасный город Москва!.. Только о своей работе в совхозе говорила она скуп, урывчато, скороговоркой. Охотнее рассказывала о подругах-москвичках: Вере Лепилиной и Наде Бельцовой, Тоне Ивановой и Кате Роткиной, Наде Капраловой и Верочке Коньковой.

— Наши девушки на целине многому научились, — говорила с лукавой улыбкой Рита. — Били кирпичи и саманы делали. Рыли траншеи под все фундаменты на улице Мира и дома штукатурили. Клуб вот этот по воскресникам вместе со всеми комсомольцами строили и кукурузу в своем звене не хуже добрых людей вырастили. Ну, потом — руки дошли — плодово-ягодный сад на четырех га посадили. Это — пока. На будущий год мы его развернем пошире... И цветники в нашем парке весной разведем. Цветочных семян я из Москвы привезу, как в отпуск поеду. Придет время — и у нас с вами, ребята, будут скверы не хуже, чем в Москве на Арбате или на Театральной — есть там такие красивые площади! — завершила свою речь Рита, вознагражденная, как и старый плотник, бурным взлетом аплодисментов.

Немногословной была речь и бригадира Афанасия Велина. И говорил он тоже не о себе, а о своих товарищах — членах его тракторной бригады: про Виктора Шинкаренко и Гришу Александрова, Сашу Богданова и Алешу Бойко, Ильгиса Гарифуллина и Зою Божко. Их бригада заняла первое место во Всесоюзном соревновании полеводческих бригад в 1955 году. Бригаде было вручено переходящее Красное Знамя ЦК ВЛКСМ и Министерства совхозов СССР. Все эти ребята были награждены почетными значками «За освоение целинных земель», и их имена занесены в Книгу Почета ЦК ВЛКСМ.

— И первую борозду на целине прокладывали наши ребята и последнюю целинную клетку пахали. Тридцать восемь с половиной тысяч гектаров новой земли поднял наш совхоз за два года. Вот какие, понимаешь, богатыри наши механизаторы! Не люди — орлы! Давайте похлопаем в честь их, дорогие наши друзья и товарищи! — предложил в заключение бригадир пионерам и так же порывисто, как дети, зааплодировал, широко улыбаясь, битком набитому возбужденными ребятами в алых галстуках, полному света и шума залу.

Когда же дошла очередь до директора и с места поднялся невысокий, необыкновенно подвижной и какой-то домашне-будничный человек в примелькавшемся всем сереньком ватничке, дети встретили его не только яростными рукоплесканиями, но и светлыми улыбками на лицах.

Вместе с детьми, глядя на их посветлевшие лица, заулыбались и взрослые. Старый плотник, до того, казалось, сердито посматривавший на Фаину с Прокопием, тоже вдруг рассмеялся. Примостившись прямо на полу перед сценой, Фаина с Прокопием сидели в зрительном зале запросто, как в степи, скрестив подобранные под себя ноги. Не спуская с улыбавшегося директора жарко блестящих глаз, сестра с братом с такой яростью хлопали в ладоши, что этим, должно быть, и развеселили до сих пор хмурого плотника.

— Ну что я скажу вам, ребята? — начал директор. — Золотой вы народ — вот что. Ей-богу! И подумать надо — какая орава! Одних школьников — две с половиной сотни. Да мне и во сне не снилось, что нам на второй год жизни в новом совхозе среднюю школу придется для вас открывать. А вот вы — спасибо вам — заставили!

Фаина с Прокопием опять захлопали в ладоши и засмеялись, а за ними дружно захлопали и засмеялись и все остальные дети.

— А дошколят у нас в совхозе знаете сколько? — продолжал уже в более строгом тоне директор. — Батеньки, целая армия: шестьсот четырнадцать человек! Вот это дело! Вот это богатство! Вот это надежные завтрашние хозяева поднятой нами целины! И это для них и для вас, золотые вы наши ребятишки, подняла ваших отцов и братьев партия на великую битву за покорение одичавшей от безлюдья степи. Это ради вас распахали мы новые земли и посадили фруктовые сады, строим теперь уютные зерновые городки и шоссейные дороги, сооружаем водопроводы и стадионы, открываем новые школы, клубы и радиоузлы...

Напряженная тишина стояла в зале. Не шелухнувшись и, казалось, не дыша, слушали юные старожилы поднятой целины рассказ директора о их будущем. А Прокопий, доверительно положив черную от загара, как у негритенка, руку на хрупкое плечико сестры, так смотрел в доброе, живое лицо Афанасия Михайловича Пряхина, словно уже видел перед собой тот завтрашний день, о котором так просто и хорошо рассказывал ребятишкам директор.

Северный Казахстан.
Февраль, 1956 год.

ЗАРНИЦЫ НАД НИВАМИ

По узкой, прямой, как натянутая струна, меже, недавно превращенной в нетронутую пока проселочную дорогу, шел в вечерний час одинокий путник. Шел не спеша, несуетливой, мерной походкой, видать, привычного к длинным странствиям пешехода, каких немало водилось в былые времена на Руси. То была порода людей любознательных, непоседливых, беспокойных, свято влюбленных в родную землю, в широту настежь распахнутых бескрайних ее просторов, в жаркие краски ранних летних рассветов ее и в мятежные огни закатов, в непраздный, хорошо знающий цену труду и досугу, ее народ.

В неказистых, грубо сработанных башмаках, обутих на босу ногу, в выцветшей от стирки и солнца просторной ситцевой рубаше, перехваченной в поясе узким сыромятным ремнем, с длинной, похожей на посох, палкой в руках походил этот путник внешне, с первого взгляда, не то на старого колхозного пастуха, не то и в самом деле на одного из тех, навсегда ушедших в прошлое странников, что, бывало, бродили из края в край по городам и весям нашей Родины в беспокойных поисках трижды благословенной, не скупой на блага, на радость и дары земли.

Это был рослый, не по годам прямо державшийся, широкий в кости старик. Задубелое от векового загара лицо, обрамленное ковыльной сединой трепещущей на ветру бороды, могло показаться даже моложавым: загар скрадывал глубину застарелых скорбных морщин у глубоко запаавших под дрсмучими седыми бровями глаз. Но и эти усталые глаза старого человека не утратили с годами врожденной зоркости природного степняка, смотрели на мир без старческого равнодушия и печали, с тем тревожно жадным, близким к изумлению радостным любо-

пытством, какое свойственно детям да разве неповторимой юности.

Шагая полумежей-полупроселком, путник по-хозяйски зорко и строго всматривался на ходу в кипящее под вечерним небом безбрежное море нив, смыкавшееся с бесконечно далеким призрачным горизонтом. То темные, как грозовые тучи, то изумрудно-зеленоватые, то нежнопалевые и слегка золотящиеся в лучевых потоках заходящего солнца, вал за валом катились по этому открытому морю хлеба тяжелые атласно-бархатистые волны выметающей колосья пшеницы. Беспреданно меняя под неверным, изменчивым на закате ветром окраску и форму, играя светом и тенью, бежали они летучей чредой и, настигая друг друга, сталкиваясь, кружась в бурном водовороте, бесследно пропадали затем из глаз в зыбком, ходуном ходившем полевом просторе. И путник, любуясь резвой игрой шустрых, мягко шуршавших волн, то радостно кивал, то покачивал с веселым отчаянием обнаженной седой, как лунь, головой, как это делают люди при встрече с завиденным издали памятным сердцу другом, которого не видели много лет...

Нагнав старика, мы пригласили его в машину.

— Благодарствую. Не ездок. В мои годы пеше дело надежнее. При восьмом десятке торопиться нашему брату шибко некуда,— сказал старик, взвешивая на ладони крупный, как бобовый стручок, колос темноусой пшеницы.

— Тем паче ноги-то и побережь бы не грех.

— Смолоду беречь их, резвых в ту пору, не был приучен, добрые люди. А теперь мне такая наука и подавно не впрок.

— И далеко путь держишь?

— Про это особый сказ... Не рукой подать. Одно беда. Вчерашний день порезвее шлось, сегодняшний — вперевалку. А вот завтра — как бы, грешным делом, не расписаться. Что-то коленки стали пошаливать — загудели. И в поясице не та амбиция — покалывает. Ну да ладно. Река Аят рядом. Доплечусь. Там у брода ключ бьет. Не вода — слеза! Освежусь — возьму да и помолодею!

— Про ключ не слыхал. Только Аят твой некорыстная, дед, речушка,— насмешливо заметил знаток здешних мест шофер Михаил Анадский.

— По тебе — речушка-верчушка, по мне — река-ма-

тушка. Она меня полвека с моей оравой поила! — строго оговорил нашего спутника старик.

— Видать, старожил здешний?

— То-то и оно, что не вчера пришлый... Полста годов кряду в этих краях прострадовал. Да вот выходит шабаш — отстрадовался. Пора увольнительную получать. Никуда не денешься. Худа трава из поля вон. Это я, природный пахарь, очень даже хорошо понимаю. Одно беда: помирать — убей — неохота, ребята. Вы поглядите, что в наших степях нынче делается — страсти. Травы — в пояс. В хлеб сунешься — с головой не видать. Давечь наотмашь кинул для пробы в пшеницу свою фуражку, а ее закачало по хлебу, как по волнам. Хлеборобы знают цену такому фокусу. Скажи на милость, вторые сутки плетусь по сплошной пшенице, и ни конца этому царству, ни краю.

— Мы на машине, дед, километров триста с гаком от города Кустаная уже намотали и то концов этим хлебам не увидели. А ты, понимаешь, пешком хотел океан-море вброд перейти. Шутишь с такой арифметикой — пять миллионов гектаров посевов в одной только нашей области! — верный своей привычке разговаривать в незлобно-насмешливом тоне, сказал шофер.

— Шутить хлебом? Я — русский человек. Мужик. Пахарь. Я не только шутить, картузом седой своей головы прикрыть перед нынешним урожаем не смею, — угрюмо проговорил старик. И, не выразив больше душевной готовности к дальнейшему разговору, он, сердито одернув подвешенный к поясу узелок с харчами, собрался от нас уходить.

Стало жалко так скоро расставаться со случайным новым спутником. И мало-помалу мы подговорились к нему коротать недолгую летнюю ночь сообща, на берегу той самой речки, о которой столь уважительно говорил старик.

Отпустив машину вперед, мы прошлись пешком меж хлебами. Смеркалось. Ветер спадал. Все полувнятнее, все тише и тише, дремотно шуршали колосья пшеницы. Самозабвенно, порой доходя до страстного изнеможения, били в хлебах перепела. Остро в сумерках ощущался медово-бражный аромат межевого разнотравья. И от близкой к созреванию, с набрякшими от налива колосьями пшеницы веяло чуть внятным запахом парного молока.

Мы молча добрались со стариком до берега невеликой, прикрывшейся ивняком и осокой степной речушки. Это и был Аят, к которому почти вплотную в этих местах подступали зеленые джунгли дремучей пшеницы. Облюбовав пригожее для ночного привала место, развели костер. И пока кипятился чай в ревниво оберегаемом нашим водителем фронтовым его котелке, старик, лежа навзничь в прибрежной буйной траве, то ли полудремал, то ли, как и мы, внутренне прислушивался к миру ночных шорохов и звуков, которыми полна была в этот поздний час утомленно присмирившая после первородного плодородия целинная степь. Великое торжество брызжущей изобилием, активной, властно преобразовавшей эти степные просторы жизни угадывалось здесь и в ночи. О том говорило многое. И похожий на задумчивый полусшепот шелест подступившей к самой реке весомоколось пшеницы. И частые вспышки автомобильных фар на пролегшем поодаль грейдированном тракте. И бойкий, озорной говорок неутомимо работавшей где-то на правобережье самоходной сенокосилки. И нежный, трепетный звук мандолины, занесенный в поле кротким полуночным ветерком с недалекого бригадного стана. И даже этот старик, не пощадивший своих гудевших ног ради одного, может быть, недолгого ночлега среди буйствующих в пору опыления и цветения хлебов.

Новый наш спутник охотно принял приглашение к хитрому нашему дорожному ужину. Как большинство старых деревенских людей, хорошо знающих цену в поте добытому хлебу, старик относился к еде, да еще под открытым небом в чистом поле, с явным благоговением. Был молчалив, строг, сосредоточен, почти суров. Было видно, что еда была для этого человека венцом трудового дня. А уж он-то потрудился сегодня, отмахав не одну долгую версту под бескрайним целинным небом, можно сказать, на славу! Из уважения к этому новому нашему спутнику мы не посмели затеять на этот раз той веселой, безобидной болтовни, какой обычно спровождались дорожные наши трапезы.

Разговорился с былой душевной охотой старик только после неторопливого ужина. Он назвался Акимом Матвеевичем Старожуком, тут же уточнив и свои года: с апреля нынче шел ему семьдесят третий; более полвека провел он, выходец из бывшей Харьковской губернии, на

кустанайской земле. Переселившись в эти безлюдные, полудикие тогда степи в 1902 году, он вместе с прочими тогдашними новоселами прокладывал первые борозды на здешней вековой целине. Жизнь на новом месте начал с батрачества. Потом — это уже года через два — обзавелся парой волов. Затем при помощи супруги — артелью в три-четыре двора — принялись с грехом пополам распахивать новые земли — по десяatine на двор за лето.

— Так вот и страдал, рассказываю, в своем Увальном до позадыпрошлого лета.— продолжал свой рассказ Аким Матвеевич.— Как бы там не в притирку жилось, а девятерых детей на ноги поднял: четырех сыновей с пятью дочерьми. Девки, правду сказать, удались у меня неусидчивые: спозаранку наперегонки замуж повыскакивали. Ну это — так им и надо! А вот что сынам жить не довелось — горько. Трех — один к одному — война за полтора года смела. Только один большак Иван Акимыч с медалью за город Будапешт невредимым и воротился. Сейчас в автобазе города Кустаная слесарничает. Вот и я при нем второй год существую...

— А до этого?

— Страдал, говорю. В колхозе. Двадцать с гаком отдежурил. Там тоже не один пуд соли съел. пока в люди выбился. Председателей, что ли, выбирали не ко двору. При одном жили через пень в колоду. При другом — завей горе веревочкой! Словом, хватили горького до слез, пока на ноги встали. И на коровенках — дошли — севали. И за трудопалочки — было такое время — поработали. Нынче другой разговор. Нынче и в нашей артели — житье! А при теперешнем урожае их совсем рукой не достать... Я бы и посеял от артельной жизни не отошел. не приberi бог старуху... Хоть в хлебробы я уже не гожусь. а присматривать за молодыми нынешними пахарями не хуже другого ученого агронома, пожалуй, сумел бы!

— В таком догляде — это факт — у нас большая нужда, отец. Целинники — народ молодой, нетерпеливый, беспечный. Земледельцев из них еще воспитывать надо,— сказал один из наших спутников — Николай Цыганок, пропагандист Тарановского райкома партии, сам агроном по образованию.

— То-то и оно, что доглядывать за таким народом в оба надо, не за каждым, правда, за некоторыми,— уточнил старик.— Побывал я на днях в совхозе Белинского.

Внуков — семеро по лавке — ездил своих проведать. Там у меня старший зять на грузовой шоферит. Совхоз молодой Хозяйство — середка-на половинке. Не хуже других, сказывают, на нашей матушке целине и не лучше. Правда, центральная усадьба у них — картину рисуй. Дома деревянные. под шифером, палисаднички, жилым пахнет. А люди пока живут незавидно. Одному — край жениться приспичило, да приютиться по молодому делу негде. Другому — сапоги починить за восемьдесят верст с попутной машиной приходится ехать. Третий — на харчи жалуется. Столовая вроде под боком, да последний аппетит кухарки отбили...

— Ну, а урожай какой у них?

— Урожай, как везде, у них нынче. Поглядишь — голова кружится. Меня зять уважил. По всем их полям в кабине прокатил. Полдня колесил. Двадцать четыре тыщи десятин пшеницы со всех краев оглядели. Такое золото будет — лопатой гребь! По сто пудов вкруговую, — это как пить дать, — с десятины брякнет. А с каких и за двести перевалит.

— Не с десятины, с гектара скажи, — поправил старика пропагандист райкома.

— Пускай станет по-твоему — с гектару. Это — барыбир — все равно, сказать тебе по-казахски... Одно задело там у них старую мою хлебоборбную душу. Не по-хозяйски, абы как, закрайки у пашни при севе были заделаны. Сеялки, видать, варначье, при отворотах и переездах не выключали. Вот и дует теперь пшеница и на межах, и на дорогах, и в чистом поле, и в открытой степи. Разве это порядок?!

— Непорядок, отец, — согласился пропагандист.

— То-то же. Я по этому делу аж у самого директора в конторе был. Товарищ Кукареко его фамилия. Федор Кононыч. Боевой, видать, мужик, на войне был. Хват. По сей день при орденах и медалях в будни ходит... Я — оратор известно какой: без политики возьми да с ходу ему про свою досаду и брякни. А он — в амбицию. Мы, мол, Красное Знамя как первейшие передовики в награду за скорейший сев от райвластей получили. Нам его лично сам секретарь Тарановского райкома партии Дмитрий Иванович Бёрлин публично на сабантуе вручил. А ты, дескать, старый репей, в государственное дело наше вяжешься! Спасибо, погодился главный их агроном. Этот —

без медалей. Потиху. Пообиходнее. В годах. Видно, вкус в земле понимает. Иван Леонтьевич Милецков его зовут.

— Милецкий,— поправил пропагандист.

— Ну, ладно, Милецкий... Этот не стал прикрывать греха. Без оговорок уважил мою досаду. Признал собственный недогляд. Недоделки, мол, все наши на виду. Худо заделывали на участках при севе концы. Тут мы — неряхи. Намотаем на ус. Даем слово — напрок такой безобразии, отец, на наших полях не увидишь! Ладно, думаю. Это другой разговор. Доплетусь, жив буду, и напрок в эту пору до вас, если разве ноги не подведут, поглядеть на честную вашу работу.

— Ты вроде, дед, добровольного инспектора по качеству обработки целины, что ли? — спросил его насмешливо наш водитель.

— Там хоть горшком назови, только в печь не суй,— отвечал на сей раз старик шуткой на шутку.— Я вот и в Карабалыкском районе на попутной машине с племянником успел побывать. И там есть родня. Внучка, Зинкой зовут, после десятого класса высшее образование по слесарному делу в Новотроицком матаесе проходит. То же посмотреть на ее край была охота. Да дело опять же вышло не в Зинке — она сама собой... Катим по тракту, видим—полуспелую рожь широкозахваткой на корм валят. Стой, машина! Здравствуйте! Чьи такие поля? «Второй большевистской весны», говорят. Колхоз такой есть. Что же вы, варнаки, делаете? Что, мол, приказано. Рожь на корм валим. Директива, дескать, из города Кустаная была спущена. Я вскипел. Подштанники с вашего председателя на этой меже спустить за такое дело надо, вот это резон! Тыщи пудов зерна погублено. И солома не впрок, как проволочка. Какой же тут корм? Ведь для этого, на худой конец, ее десять дён назад, дурачье, косить надо было! И это — по нынешним временам, когда травы вокруг по пояс — неспорный факт. В такую пору ретивым хозяевам на три года впрок сеном запастись можно. Убери его вовремя, не сено — чай, что ни копна — пуд меду!

Тяжко вздохнув, старик умолк. Чувствовалось, что и теперь ему было горько вспоминать загубленную рожь равнодушными к небывалому урожаю людьми.

Прикорнув кто как сумел у чуть мерцавшего в ночи костра, долго отмалчивались в полубабыты, снова сопротивляясь дремоте, и мы. Ночь была теплой и темной от

грозных в своем безмолвии грозовых туч, закрывших одну половину неба. От близкой речушки тянуло свежаком, горьким ароматом ивняковой коры, сыростью. Какие-то неустойчивые полуночники-птахи ни на минуту не унимались, продолжали возбужденную возню в прибрежных тальниках и, точно играя в прятки, поддразнивали вкрадчиво озорным писком друг друга. Где-то далеко-далеко, высекая бирюзовый кремневый огонь, то и дело вспыхивали над сонной зыбью хлебов трепетные зарницы. И это, наверное, про них сказал, как сквозь сон, старик:

— Хорошо играют — к наливу!

— А причем тут налив? — также сонным голосом спросил шофер.

— При том самом. Много будешь знать — состаришься скоро.

Помолчали. Глухо, словно взрыв на большой глубине под водой, пророкотал в отдалении гром. И старик, как бы думая вслух, сказал:

— Вчерась радио говорило, будто сорок тыщ народу на уборку в наши края приедет. Видимо-невидимо, со всей России!

— Не сорок, а целых сто, — опять, точно спросонок, откликнулся пропагандист.

— Одних грузовых автомашин к комбайнам по нынешнему зерну, учтите, шестнадцать тысяч надо. Я лично эту урожайную арифметику назубок зазубрил, — прозвучал дремотный голос водителя.

— Пять миллионов сто тысяч гектаров хлебов в одной Кустанайской области — это лет шесть тому назад посевная площадь всей Казахской республики, — сказал райкомовский пропагандист.

— А пять миллионов тонн хлеба — это сто тысяч 50-тонных вагонов зерна, — уточнил водитель.

— При чем тут пять твоих миллионов тонн, если урожай в области по сто пудов с га вкруговую? — придиричиво спросил пропагандист.

— Так это ж я к примеру, чудака-человек, говорил. Для счета. Если, дескать, в степи эти сто тысяч вагонов — в один эшелон, то растянется он почти на 1 500 километров. Теперь понял, дед, что такое пять миллионов? — спросил старика шофер с усмешкой.

Старик промолчал. И только потом, спустя какое-то время, сказал в тоне прежнего раздумья вслух:

— В грамотеях нынче у нас нехватки нету. А вот — простое дело — указок написать некому.

— Каких указок? — спросил, зевая, пропагандист.

— Подорожных. На столбах с дощечками, чтобы те же ваши тыщи шоферов, нездешних людей, в степях у нас не блудили, попусту горючего не палили, дорогое время в страдную пору на расспросы дороги не тратили.

Пропагандист смолчал. И все мы, наверное, притворившись спящими, опять испытали в эту минуту чувство невольного смущения и неловкости, приняв резонные слова старика как бы за личный упрек в равнодушии, невнимании нашем к нездешним людям, десятками тысяч съезжавшимся на жатву целинных хлебов...

Было уже далеко за полночь, когда, наконец, все мы забылись недолгим, но крепким на воздухе сном. А проснувшись на солнцевосходе, мы, к взаимному нашему изумлению, не увидели уже возле себя вчерашнего старика.

— Куда же чуть свет мог он деться?

— А вон он! Смотрите, опять межой меж хлебов куда-то ходко подался, — обрадованно крикнул пропагандист, указывая на противоположный берег кузившейся легким дымком речушки.

И среди заштилевшего, щедро залитого золотыми потоками света моря хлебов, покрывшего бывшие целинные земли, мы увидели человека с палкой в руках, похожей на посох. Твердо ступая прошедшими немалую дорогу ногами, несуетливой, достойной походкой древнего пахаря и хозяина этой земли шел он по ней среди царства золотящихся под утренним солнцем нив, зорко, строго и властно поглядывая на плоды трудового подвига армии своих внуков.

Кустанайская область.

ТРЕТЬЯ ВЕСНА

Что и говорить, затяжной и на редкость неласковой была в Казахстане нынешняя зима. Бурно отпраздновав свое раннее вторжение в край былых целинных просторов обильными снегопадами в ноябре, она отсалютовала приходу нового, 1956 года, артиллерийской пальбой с грохотом рвущихся на озерах льдов в морозные декабрьские ночи.

Наглухо замуравов подвесным, спрессованным лютой стужей снегом пашни поднятой целины, она с яростным усердием заметала с первых дней ноября и до последних чисел марта все пути и дороги.

В феврале низовые метели, перемежаясь со штормовыми, кипящими от мятежных ветров снегопадами, бушевали, не утихая неделями. В такой день над степью, как над нелюдимым студеным морем в шторм, нависла такая свинцовая полумгла, что люди и в полдень зажигали огни. И туго приходилось отважным водителям грузового автотранспорта и проворным трактористам-целинщикам, занятым в ту пору перебросками семенного зерна и горючего с пристанционных баз к центральным усадьбам зерносовхозов. Воля и мужество новоселов граничили с героизмом, каждый рейс — с подвигом, труд — с вдохновением.

Суровую, благородную школу жизни прошли молодые сыны России и Украины, Белоруссии и Молдавии на поднятой ими целине. Не очень гостеприимно встретили древние степи непоседливо шумных, озорных, расторопных пришельцев, по-хозяйски и с ходу принявшихся за устройство новой жизни. И немало испытали они, повзрослев, возмужав и окрепнув за минувшее двухлетие на упругом степном казахстанском ветру. Вот и ушла уже в прошлое

неповторимая, овеянная нежным дымком романтики, лихорадочная, бурная и капризная весна памятного целинщикам 1954 года. Позади осталась малоуютная бивачная жизнь на апрельском снегу в тесных походных палатках. Уже позади все былые лишения, обиды и беды той героической, трижды прекрасной поры.

Не все из залетных в эти степи нездешних орлят прижились в краю бывшего ковыльного царства, поднялись на крыло. Но те, кто остался в отважном краю, и поныне вправе величаться познавшими гордую радость высотных полетов степными орлами! Им есть чем гордиться теперь. Это их непраздными, золотыми руками были воздвигнуты в полудиких степях жилые дома и строгие корпуса хозяйственных зданий, смонтированы поселковые радиоузлы и построены в неурочное время клубы, заложены фруктово-ягодные сады и разбиты декоративные парки.

Мастера на все руки, они на ходу обучались технике сборки стандартных домов и арматурному делу, мастерству бетоноукладчиков, освоению новых мощных машин. За два года они построили в Казахстане 337 степных городков — новых зерносовхозов.

Незавидными выглядели в зимнюю пору эти затерявшиеся в заснеженном степном океане городки новоселов, доступные всем ветрам, потонувшие в зыбучих снегах; походили они в ту пору на одинокие малообжитые островки зимовщиков Арктики, раскиданные в малоприветливом, в труднодоступном суровом краю.

Но это только с первого взгляда, со стороны.

Среди снежного безмолвия ключом била напряженная, полная трудовых забот и тревог, радостей и печалей, будничная жизнь. Творчески беспокойную жизнь физически ощущаешь в каждом из степных селений во всех многогранных ее проявлениях. В четком сердцебиении отремонтированных тракторных моторов и в азартно-запальчивом рокоте токарных станков в цехах механических мастерских. В бойком постукивании газогенераторов усадебных электростанций и в веселом, легком переплясе кузнечных молотов. В грохоте сортировок, обрабатывающих семенное зерно, и в потоке светлых, трепетных звуков фортепьянного концерта Чайковского, хлынувших из уличных радиорупоров...

Это днем.

Но и в бесконечно долгие зимние вечера новоселам

было не до уныния, не до праздной скуки. Одни из механизаторов, урывая каждый свободный час, торопились разделаться до весны со сдачей техминимума. Другие, посещая вечернюю среднюю школу, старались заслужить право на аттестат зрелости — не велика беда, что несколько, может быть, и запоздалый! Третьим — хоть разорвись: идти к восьми вечера то ли в клуб на генеральную репетицию «Власти тьмы», то ли на сыгровку струнного оркестра! В клубе по вечерам — битком.

Кружков самодеятельности — счету нет. Что ни день, то новые таланты! А комната для репетиций одна, и молодым дарованиям приходится каждый вечер отвоевывать ее чуть ли не в драку. Маловат клуб. Но тут уж винить молодым новоселам некого. Как почти во всех целинных зерносовхозах, строили они его сами — в воскресники, по храбро заброшенному артельному проекту. И здание вышло на славу. Без особых украшательств внутри и без излишней парадности по фасаду. Зато шлакобетонным стенам его веку не будет. И свету в окнах — залейся. Одна беда — тесновато. Но есть слух... что типовой проект совхозных клубов уже получен. Дирекция говорит, что дело теперь за немногим — за деньгами. А деньги — за урожаем.

Урожай!

Старожилы здешних мест — потомственные хлеборобы кустанайских степей и мастера земледелия Северного Казахстана — в один голос твердят, что виды на урожай в этом году отменные. За это, по их словам, говорят многие приметы. И самые бесспорные из них — налицо. Это — прошлогодняя осень с ее запоздалыми обильными ливнями, вдоволь напоившими влагой опаленную летними суховеями землю, и необыкновенно щедрая на снегопады нынешняя зима. Снега и впрямь лежали в степях небывалые: куда ни ступи — в пояс!

С жадным, живым любопытством, прислушиваясь при случае к каждому слову старых людей, охотно твердивших об этих добрых приметах, суливших дождливое, залитое потоками тепла и света лето, молодые новоселы знали меж тем, что дело тут не только в одних, видимо, достойных уважения верных народных приметах. Молодых земледельцев в канун третьей весны на целине окрыляло и радовало другое: право на грядущий нынешний урожай завоеванный ими ценой огромного напряжения и фи

ческих и душевных сил в двухлетней битве за торжество новой жизни на обновленной земле.

Подняв и обработав за два года 18 миллионов гектаров под посевы нынешнего года, новоселы не сидели сложа руки зимой в ожидании очевидного по всем приметам полновесного урожая. Жаркая битва за него продолжалась на покрытых снегами целинных пашнях и в цехах машинно-тракторных мастерских, семенных лабораториях и под крышами совхозных зернохранилищ, на курсах трактористов и в молодежных агрокружках. В конце марта завершилась трудоемкая работа механизаторов по задержанию снегов на 15 миллионах гектаров. Весь громадный тракторный парк со всеми сложными посевными агрегатами был уже приведен в боевую готовность, и огромная, превосходно оснащенная совершенной техникой земледелия, армия покорителей целины заняла исходные рубежи перед решающим штурмом.

Совсем недавно — это было всего три года тому назад, в канун великого народного наступления на целину. — вся посевная площадь Казахстана не превышала и 10 миллионов гектаров. А нынешней весной в Казахстане будет посеяно 27 миллионов гектаров. Из них 23 миллиона — зерновыми культурами и в том числе 18 миллионов гектаров — пшеницей. Республика намерена вырастить нынче примерно полтора миллиарда пудов зерна и сдать в государственные закрома не менее 600 миллионов пудов высокосортной пшеницы. Таким образом, уже в этом году Казахстан выполнит задание по производству зерна, намеченное на конец шестой пятилетки.

Таковы масштабы нынешних полевых работ на весеннем севе в воскрешенных к жизни степях республики, ставшей крупнейшей житницей на востоке нашего Отечества.

Однако, кроме этой гигантской работы на севе, механизаторы зерносовхозов и МТС Казахстана должны будут распашать 1,5 миллиона гектаров новых целинных земель и поднять свыше 20 миллионов гектаров зяби под яровой клин будущего года. А это значит, что республика при введении севооборотов и обработке паров не сократит посевов зерновых культур и в последующие годы.

Вот почему с особым душевным волнением, с затаенной радостью ждали прихода нынешней весны внешне спокойные старожилы и по-юношески нетерпеливые новоселы.

Все было давным-давно наचेку, наготове. И машины. И люди.

Зима закончилась по календарю. Южные районы республики начали дружный сев на зависть северянам в начале апреля. А в степях Кустаная, на целинных пашнях Северного Казахстана, Кокчетавской, Акмолинской и Карагандинской областей то совсем по-весеннему жарко начинало заигрывать с оробелой, покорно присмирившей зимою ослепительно-яркое солнце, то, глядишь, опять поднимала седую, дряхлую голову вьюга, и ручьи, оборвав озорной свой лепет, замирали, скрываясь под снегом.

И только во второй половине апреля зима, приняв последний неравный бой с горячими потоками ветра и света, свернула свои растрепанные знамена, уходя наутек с несовременной ее почтенному возрасту прытью...

Потемневшие на поднятой целине снега, превращаясь в кисельное месиво, задымились над степью. С ревом ринулась — вал за валом — в овраги и балки полая ледяная вода. И свирепый северный ветер, сатанея все больше и больше от ярости, принялся за расправу над озерными льдами. Будто подрывая их толком, он играючи раскидывал огромные голубые льдины в кипящие разводья.

— Ну, как — тронулся, братцы, ледок? — окликнул двух крепышей-трактористов, залюбовавшихся ледоходом, не слышно приблизившийся к ним с тылу пожилой подвижной человек в старомодных очках — директор Ждановского зерносовхоза Дмитрий Андреевич Скрипник.

— Тронулся, Дмитрий Андреевич. Дает жизни! — живо откликнулся один из трактористов — Семен Семенов.

— Едва, понимаешь, дождался. Прямо все из терпения вышли, — сказал со смущенной улыбкой другой тракторист — Владимир Гурьев.

Это были одни из лучших трактористов-целинщиков Ждановского зерносовхоза, хорошо известные не только в Северном Казахстане, но и во всей республике. Работая посменно на одном тракторе «С-80», они подняли в минувшем году 3 200 гектаров целины, сэкономив при этом свыше 2,5 тысяч килограммов горючего, и оба были награждены почетными значками «За освоение целинных земель».

Делегат XX съезда партии Дмитрий Андреевич Скрипник — человек, тоже отлично известный в республике

держась со своими знаменитыми трактористами на равной ноге, говорил, любуясь вместе с ними богатырской работой ветра над разбитыми льдами озера:

— Вот так-то, ребяташки, дожили мы с вами до третьей весны на целине. Поздравляю... Не знаю, как у вас, а у меня, говоря между нами, кошки на душе нет-нет да и поскребут коготками. Все-таки посеять лвадцать с лишним тысяч гектаров за восемь суток — задача на все четыре действия!

— Решим, Дмитрий Андреевич! — живо отозвался Семен Семенов.

— Не говори «топ»... — заметил напарнику Владимир Гурьев.

— Вот именно, Сеня! — поддержал тракториста директор. — Положим, ни народ, ни машины не подведут — какие могут быть речи! А вот весна — бабушка надвое сказала. Она и нынче с фокусами. Только и поглядывай в оба, как бы удила не закусил!

— Объездим, — сказал не привыкший, видимо, унывать Семен Семенов.

Бросив короткий внимательный взгляд на улыбающуюся, по-юношески открытое лицо Семена, директор сказал:

— Нет. Силен ты у нас все-таки, Семен. Вот бы мне твои двадцать годов. Да такую грудь — колесом. А?

И они — все втроем — засмеялись, закуривая «Беломор» из полусмятой директорской пачки.

Через два дня бригадирам всех тракторных бригад был оглашен приказ директора о выходе тракторных отрядов на боронование распаханной целины. И тотчас же заведенные тракторы, лязгнув чуть прихваченными легким налетом ржавчины гусеницами, рванулись в настежь распахнутый, залитый солнцем огромный степной простор, как застоявшиеся, почуявшие волю кони.

Семен Семенов, вырвавшись на своем «С-80» вперед колонны, щурясь от жаркого, бьющего в глаза солнца, искоса временами поглядывал на стоящего в стороне Дмитрия Андреевича Скрипника, и хитровато-наивная улыбка то и дело слегка трогала пухлые, по-вешнему обветренные его губы.

Апрель, 1956 год.

ПОДВИГ НАРОДА

В целинном краю умолк шум жатвы.

Великое народное наступление на древние северо-казахстанские, акмолинские и кустанайские степи — золотое дно Казахстана — завершилось победой. И ветераны этого беспрецедентного в истории мирового земледелия сражения за хлеб вправе ныне гордиться трудом своим равным подвигу, и мужеством, граничащим с героизмом. Озираясь с высот этого штурмом взятого рубежа на пройденный путь, они с особой остротой в эти дни ощущают все пережитое за три последних, уже ушедших в прошлое, полуполюгендарных года.

Пройдут еще многие и многие годы, но никогда не забудут пионеры освоения новых земель первой целинной весны 1954 года, ее обжигающих снежных бурь в марте под Кустанаем и косых апрельских дождей вперемежку со снегопадом в акмолинских степях, ее шквальных майских ветров в штормовые дни пахоты и не повешенному студеных ночей, проведенных новоселами под кровлей разбитых в открытой степи походных палаток...

Теперь — многое позади. И сложное чувство тревожной радости, светлых душевных порывов, минутных колебаний и робости, охватившее молодых людей в те памятные дни перед дальней дорогой в неведомый край. И веселая, озорная, близкая к удали, по-фронтовому дружная походная жизнь в эшелонах, стремительно мчавшихся в далекие от Москвы и Киева, Минска и Приазовья кустанайские и северо-казахстанские степи. Никогда не забыть молодым новоселам обжитого нынче целинного края и глубоко запавших в их душу первых встреч с гостеприимными старожилками этой небогатой в ту пору людьми глухой степной стороны.

Коренные степняки встречали отважных посланцев России и Украины, Белоруссии и Прибалтики веселой разноголосицей самодеятельных духовых оркестров, испеченными в честь целинников пышными пшеничными караваемы, и казашки — застенчивые дочери степей — приветственно махали русоволосым русским парням своими смуглыми трепетными руками. На площадях заходистых доселе степных городков и тихих, затерянных в глубинной степи райцентров звучали жаркие речи ораторов на стихийно возникавших летучих митингах. И полотнища трепещущих на ветру знамен и приветственных транспарантов пылали вокруг, подобно кострам, волнуя юные сердца новоселов и согревая душу. Было очень шумно, суетно, весело.

Но вот отгремели бравурные марши. Замер восторженный рокот приветственных рукоплесканий. Непоседливые, расторопные парни с рюкзаками за плечами и юные спутницы их — неробкие заводские девчата в стеганых ватничках, поеживаясь от стужи, хмуро и настороженно стали присматриваться к зыбкой от поэмки малоприветливой, нелюдимой степи. Нет, не очень любезно и ласково встречала она поначалу этих нездешних залетных орлят. И морозы держались под Кустанаем тогда не мартовские. И снежок поскрипывал и хрустел под подошвами керзовых сапог на улицах Кокчетава не по-всшнему. И метели трубили и выли в ту пору вокруг города Атбасара, как в декабре...

Между тем самые суровые испытания душевной стойкости, воли и мужества молодых новоселов поджидали их впереди. И строгую, благородную школу жизни прошли они впоследствии там — на переднем крае первого тура битвы за освоение вековой целинной земли. Заняв в марте 1954 года исходные рубежи для штурма, молодая гвардия целинников, не теряя времени, с ходу принялась за-сучив рукава за устройство новой жизни на обновляемой ими земле. Едва разбив в открытой степи на снегу брезентовые палатки, молодые ленинградские токари с Выборгской стороны тут же переквалифицировались в плотников, на ходу осваивая технику сборки стандартных домов и одновременно обучаясь арматурному делу. А юные работницы Красной Пресни — ткачихи «Трехгорки», вчерашние мастерицы московских кондитерских фабрик, продава-
щицы цветов из столичных киосков, тоже не мешкая,

храбро взялись за освоение профессий бетоноукладчиц и штукатуров, маляров и мастериц по производству **камышитовых матов** и самана.

И вот итог.

Это их неспрздными руками были воздвигнуты в полудиких от векового безлюдья степях Казахстана 337 уже прочно обжитых теперь, местами отлично благоустроенных степных городков — центральных усадеб новых, широко известных в нашей стране зерносовхозов.

И не только хлебом обогатила страну нашу поднятая целина. Вместе с тучными низами, покрывшими нынешним летом бывшие ковыльные ее степи, взрастила она и молодое племя мастеров передового земледелия — гвардию полеводов и механизаторов горячо влюбленных в нелегкий свой труд на обновленной ими земле. Люди эти, навсегда осевшие на возделанной их руками земле, — самое неоценимое богатство целинного края. Они — слава и честь ее. Они — трижды прекрасное ее будущее!

Пусть не все из нездешних дерзких орлят, прижившись в краях векового целинного царства, поднялись на крыло, познав гордую радость высотных полетов. Но тех из них, у кого не дрогнули молодые упругие крылья на суровом казахстанском ветру, кого не обескуражило бытовое неустройство на первых порах и бивачная жизнь в малоудобных, тесноватых палатках, кого не устрасила весенняя стужа и не смутил тропический зной прошлогоднего суховейного лета, — этих стойких, упрямых детей народа никогда не забудет благодарная Родина. Достойные самобытных ярких поэм об их подвиге крылатых народных песен об их героизме, эпических повествований об их вдохновенном труде, они многократно прославлены будут и ныне, и в будущем, и не одним добрым словом помянут их наши потомки — будущие старожилы поднятой их дедами и отцами, потонувшей в цветущих садах и пашнях целинной земли.

Целина стала историей, ковыльные степи — пашнями, полевые палаточные биваки новоселов — уютно обжитыми, заманчивыми поселками. Ушло в прошлое многое. И героическая, подернутая легкой дымкой романтики, неповторимая первая весна на целине. И горечь воспоминаний о прошлогодней засухе. Позади и все бывшие обиды, лишения и беды той незабываемой поры. Улыбкой да незлобивой шуткой вспоминают при случае целинники

минувшую зиму с ее ревущими по целым неделям выюгами и сорокапятиградусными морозами. Было дело, трудновато приходилось в пору навесных снегопадов и метельной сумятицы отважным водителям грузовых автомашин и бывалым, выдавшим виды трактористам, занятым переброской семян, продовольствия и строительных материалов с пристанционных баз на центральные усадьбы зерносовхозов, раскиданных в глубинных степях порою за сотни километров от ближайших железнодорожных станций.

Но и эта, даже на диво здешним степным старожилам, жестокая зима не только чинила одни беды и горечи взятым ею в переплет новоселам. Нет, она порой и приободряла, окрыляла, радовала их глубиной рано павших на поднятую целину, крепко спрессованных затем лютыми морозами, снегов. А это, по единодушному утверждению старожилков, было одной из самых благих и верных примет — предвестниц большого грядущего урожая.

Взрыхлив богатырскими тракторными плугами миллионы гектаров целинной земли, по-хозяйски разработав ее под весенний посев, полеводы и механизаторы Казахстана не сидели минувшей зимой в ожидании грядущего урожая с праздно скрещенными на груди руками. Нет, яростные бои за изобилие, за нынешнее осеннее торжество продолжались всю минувшую зиму. Их вели механизаторы и в открытой степи на занесенных снегами целинных пашнях, и в цехах холодных, зачастую кое-как оборудованных на скорую руку машинно-тракторных мастерских. Было и такое, когда текущий ремонт тракторов и прицепных орудий безупречно проводили люди среди лютой зимы на свирепом ветру, под открытым небом. И это ли нельзя назвать подвигом! А шоферы грузовиков, перебросив за зиму из далеких глубин в свои совхозы тысячи тонн семенного зерна, тоже были, как есть и поныне, ветеранами этой битвы. Легендарными были их зимние рейсы с неоднократными вынужденными ночевками автоколонн в открытой степи, обьятой метелью.

Уже в конце марта механизаторы, завершив трудоемкую работу по снегозадержанию на миллионах гектаров целинной пашни, привели в боевую готовность громадный тракторный парк со всеми его сложными посевными агрегатами. И вся армия штурмовиков целины приготовилась

к решающей битве за хлеб. По гигантским масштабам полевых работ, по предельному напряжению человеческих сил ветеранов этого посевного штурма, по четкому взаимодействию всех производственных соединений, механических орудий и агрегатов, по всему волевому, активно-му, творческому горению и деянию, по всему этому единому душевному порыву людей к борьбе и победе весенний сев на целине этого года достоин сравнения с крылатым, стремительным, как атака в развернутом строю, блестяще выигранным сражением. И сражение это, завершенное на целинных землях республики в течение одной десятидневки, блеснуло самой яркой звездой в созвездии прочих добрых примет и предзнаменований — предвестниц щедрого, налитого, весомого, золотого нынешнего урожая!

Урожай на поднятой целине!

О нем мечтало не одно поколение природных русских пахарей и украинских земледельцев, некогда осевших в этом полупустынном в ту пору краю. И утомленные трудовой вахтой целинники, заснув в часы недолгих передышек в бригадной палатке или на меже, не раз видели его в тревожно-ярких снах.

И едва перевалило на вторую половину нынешнее лето и трепетные июльские зарницы замерцали над морем хлебов в ночи, как небывалый в этих краях урожай поднялся во весь богатырский свой рост над пустынной в прошлом и безлюдной некогда степью. Наяву он был прекрасней былых прадедовских мечтаний. И в степях вместо мертвой зяби пепельных ковылей ходуном ходило, колыхалось теперь живое золотое море пшеницы. На сотни, на тысячи верст разлилось оно в границах бывшего целинного царства, и ветер гнал тугие, упругие волны пропитанной ароматом наливного, прогретого солнцем зерна пшеницы, и сердце сжималось при взгляде на это брызжащее золотыми искрами изобилие, на этот преисполненный торжествующей жизнью великий простор.

Жатва была для народа венцом трудового напряжения. Жатва на целине стала ареной народного подвига, полем чести детей народа, полем их доблести и славы. Вот почему на клич нашей партии откликнулись тысячи и тысячи жарких сердец крылатой, легкой на взлет юности, и страна снарядила своих детей в помощь поколению победителей целины.

В битве за казахстанский миллиард плечом к плечу, локоть к локтю с молодыми хозяевами целинного края сражались студенческая молодежь страны и завтрашняя гвардия рабочего класса — ученики ремесленных училищ, комсомолы крупнейших промышленных предприятий и молодые работницы ткацких фабрик, шоферы городских автобаз и вновь вставшие за штурвалы, вернувшиеся к былой своей профессии комбайнеров известные ныне хозяйственные руководители или инженеры-механизаторы. В ряды штурмовой этой армии мирной страды на целине влились добровольные ударные отряды молодых людей Венгрии и Болгарии. Чехословакии и Румынии. Дети разных народов, люди единой, во многом схожей судьбы. они на равных правах с детьми нашей Родины так же дружно, яростно и самозабвенно дрались на переднем крае этой великой народной битвы за весомый и зримый целинный хлеб.

Теперь, когда в целинном краю умолкнул шум жатвы, миллиард пудов казахстанского зерна хлынув с полевых токов, доверху затопил государственные закрома, разошлись с полей по усадьбам последние комбайны, виндруюэры и лафетные жатки. Отзвучали прощальные речи и дружные хоровые песни на шумных проводах добровольцев, покинувших полевые станы ради учебы в университетах или привычного труда в заводских цехах.

Тишина.

Неслышным, мягким, вкрадчивым шагом бредет по целинному краю поздняя осень. На большой пологблочной высоте, над присмиревшими, утомленными первородным плодородием полями и пашнями пролетают последние стаи покидающих до весны этот край журавлей и казарок. И только люди, навсегда теперь сроднившиеся с обжитым, ими воскрешенным к жизни простором, никогда теперь не покинут этого поля народного подвига — кладовой изобилия!

Октябрь, 1956 год.

ЗАРЕВО НАД СТЕПЯМИ

Записки писателя

I

Ранней солнечной осенью 1955 года я вновь побывал в Темир-Тау. Как и в предыдущие мои поездки в эти северные широты Казахской республики, ехали мы из Караганды по превосходной, похожей на автостраду, идеально прямой и ровной дороге. Но с особым на этот раз, все возрастающим, все обостряющимся с каждой новой минутой душевным волнением присматривался теперь я к этим хорошо знакомым местам. Всё та же, по-прежнему суровая и прекрасная в своем великом безмолвии, родная, близкая сердцу степь простиралась вокруг. Всё те же строгие, тихие птицы, уютно подобранные свои крылья, как бы дремали на придорожных холмах. Всё те же гигантские железные мачты высоковольтной линии, сопутствуя нам, шагали сбочь нашей дороги, сверкая на ярком утреннем солнце гирляндами фарфоровых изоляторов и золотистым отливом бронзовых проводов.

Погожее, богатое красками утро вставало над степью. Высокое, умиротворяющее голубое небо с редкими облаками покоилось над этим простором. Все здесь дышало покоем. Все полно было неповторимого очарования и непередаваемой прелести этих то нежно-голубоватых, то светло-палевых оттенков высокого утреннего неба и шафранно-золотистой окраски окрестной степи.

Тянуло горьковатым запахом полыни.

Невесомые нити искрящейся в солнечных лучах паутины неслышно оседали на траву. Остановив посреди дороги машину, мы почти физически ощущали в этот час

удивительную, почти неправдоподобную тишину. И были понятны слова Льва Толстого о том, что он слышал, как растет трава в поле. При такой тишине и при таком покое в природе, казалось, можно было расслышать даже сердцебиение птицы, бесшумно опускавшейся на соседний придорожный курган.

Не миновало и часа, как оставили мы позади Караганду с суровым ее пейзажем угля и дыма, конусных терриконов и эстакад. А сейчас вот смотришь на эту безлюдную, замкнутую невысокими сопками древнюю степь и на мгновение думаешь: не за тридевять ли земель очутился ты вдруг от индустриальных узлов и стальных магистралей твоей просторной Родины?!

...И вот снова в пути. Машина мчится по кремнистой дороге в распахнутый перед нами степной простор. Вправо от нас, где-то далеко-далеко, струился зыбкий, прозрачно колеблющийся шлейф дыма — там шел поезд. Мы видели контурные очертания бесконечно длинного железнодорожного состава из платформ и товарных вагонов, и до нас иногда доносился короткий и требовательный звук паровозного гудка. Со стремительной скоростью промчался над нами красавец «ИЛ» — скоростной пассажирский самолет Московско-Алма-Атинской авиатрассы. Весело поблескивая под солнцем серебристым алюминиевым оперением, самолет шел, купаясь в потоках света; и глухой, ритмично-певучий рокот торжествующе звучал над степью из заоблачной высоты.

Так выглядела на подступах к юному городу металлургов и энергетиков карагандинская степь в час раннего утра.

Второй час пути.

Дорога взлетает на гребень сопки. И вдруг — как это бывает в песне или сказке — широко распахнулась панорама, мгновенно изменившая облик степи. Гигантские трубы заводов и провода линий, уходящих в степной простор, и строгие линии многочисленных корпусов первенца черной металлургии Казахстана — Казахстанского металлургического завода. Словно на гигантском киноэкране, проплывает общим планом юный город нашей республики на берегу никому неведомой в прошлом, ничем неприметной, спокойной и медлительной речки Нуры.

Темир-Тау — вот имя этого нового города: Железная гора.

У юного города много патриотов, начиная от первого секретаря горкома партии Василия Васильевича Шепелева и кончая лучшим кочегаром Гази Рахимжановым.

Немало в этом городе и достопримечательностей. Так, например, металлурги в один голос утверждают, что бесспорно гордостью города является, разумеется, металлургический завод.

Между тем гидрогеолог Георгий Григорьевич Колесов заявляет, что самым значительным по своей технической конструкции и в то же время самым красивым сооружением в молодом промышленном городе является гидроузел — краса и гордость не только Темир-Тау, но и всей Карагандинской степи.

— А к тому же, если угодно знать, то и история нашего города начинается, в сущности, с гидроузла,— авторитетно заключает Георгий Григорьевич Колесов.

— Ну, насчет истории города, батенька, прежде всего надобно спросить нас, строителей,— говорит главный инженер Металлургстроя Григорий Алексеевич Гарбер.— Ведь город-то наш, как известно, начал строиться в суровые дни войны, когда мы начали закладку металлургического завода.

Инженер Григорий Алексеевич Гарбер прав. Город начал строиться бурными темпами одновременно с разворотом строительных работ на площадке металлургического завода. Однако нельзя не согласиться с гидрогеологом Колесовым, ибо только благодаря созданию грандиозного искусственного водохранилища мыслимо было развернуть здесь строительство новых промышленных объектов.

Прибыв двадцать лет тому назад в эти глухие тогда, необжитые, полудикие степи, гидрогеолог Колесов в течение трех с лишним лет производил здесь с экспедицией Ленинградского гидрогеологического института комплексные изыскания для подготовки к сооружению плотины. Когда же цикл изысканий был завершен и началось строительство гидросооружений, Колесов изъявил желание остаться на стройке в качестве гидролога-контролера на укладке плотины, а дождавшись торжественного дня окон-

чания строительства, руководил первым ее водоспуском.

На строительство гидроузла государство затратило миллионы рублей. Под руководством прибывших с Днепророзгэса опытейших специалистов по борьбе с водной стихией был прорублен в одной из громадных прибрежных скал канал, и перехваченная бетонной перемычкой Нура, хлынув в дуга, затопила семьдесят пять квадратных километров. Так возникло около семи лет тому назад знаменитое озеро.

Гидрогеолог Георгий Григорьевич Колесов говорит как художник об этом гигантском искусственном водоеме со сложным комплексом всех его сооружений.

— Двести пятьдесят миллионов кубометров воды в хранилище — это, доложу вам, не шутка! — говорит он, не спуская своих серых, пытливо прищуренных глаз с голубого зеркала водоема. — Вы представляете, ведь воды нашего озера используются не только для бытовых и промышленных нужд двух городов — огромной Караганды и Темир-Тау, — но и для ирригации окрестных колхозов. Ежегодно, в случае нужды, поливаем до пяти тысяч гектаров колхозных полей и огородов. Я уж не говорю о подсобных хозяйствах и молодых садах промышленных предприятий Темир-Тау. Через двенадцатикилометровый магистральный канал мы снабжаем водой колхозы Оскарковского и Тельмановского районов. Прошу Вас учесть, что это пока самое большое искусственное водохранилище в Центральном Казахстане!

На секунду умолкнув, гидрогеолог о чем-то подумал, а затем еще горячий и взволнованный продолжал:

— Мы с нашей службой водного хозяйства занимаемся сейчас не только эксплуатацией гидротехнических сооружений, но и разведением рыбы. Ведь глубина водоема местами доходит до двадцати метров — есть где разгуляться любой породе рыб! У нас сейчас уже водятся тут в изобилии и окуни, и язи, и щуки. Нынешним летом работала на нашем озере экспедиция Казахской Академии наук. Зоологи изучали возможности разведения в этом водоеме новых пород рыб. А мы пока пустили в наши воды сазана и зеркального карпа на собственный, так сказать, страх и риск.

В поздний час погожего августовского вечера стояли мы с гидрогеологом на железобетонной дамбе, наглухо

перемкнувшей старое русло Нуры, и долго молча смотрели на залитый электрическим светом город и на гигантские, неясно маячившие в сумраке вечера заводские трубы.

III

В суровые и грозные дни третьего года Отечественной войны началось строительство металлургического завода в Темир-Тау. Со всех концов стекались к берегам Нуры инженеры и землекопы, прорабы и арматурщики, плотники и электрики, каменщики и конструкторы. Здесь были кургайджинские пастухи и уральские каменотесы, рыбаки Балхаша и колхозники Северного Казахстана, кряжистые сибиряки и подвижные, словоохотливые южане из Донбасса. Сюда пришли люди с большим производственным опытом и новички, впервые увидевшие леса новостройки.

В каменных карьерах и котлованах дерзко врубались в породу проворные мастера, и рядом с ними непривычно орудовали кайлами и лопатами подростки. Молодые джигиты из-под Каркаралинска учились у арматурщиков Криворожья искусству сложного переплета железных кружев. Строитель Днепрогэса Герасим Кубрак раскрывал производственные секреты бетонирования перед колхозниками, чабанами и гуртоправами — Абу Имангалиевым и Касымом Туралиным, впервые ставшими рядом с прославленным украинским мастером на укладку бетона. Старые инженеры, люди широкого технического кругозора и огромного производственного опыта, приобретенного на сооружениях металлургических гигантов юга Украины, решали теперь в Темир-Тау сложные формулы алгебры расчетов металлических конструкций. Под их руководством работали и молодые специалисты.

Трудностей на первых порах было немало. Даже много видевший на своем веку главный инженер строительства Григорий Алексеевич Гарбер признавался потом, что такого физического и интеллектуального напряжения, какое суждено было ему испытать в разгар строительства на Темир-Тау, пожалуй, не приходилось испытывать ни на одном из многочисленных строителств в прошлом. Впрочем, всему этому главный инженер находит очень простое объяснение:

— Война, батенька,— говорит он, вздыхая.— Война. И потом иные трудности местного порядка. Казалось бы, простая штука — деревянная балка! Простая и общедоступная. Без нее не обходится ни одно строительство. А мы, представьте себе, лишены были этой балки. Я — в Москву: дайте мне строительного леса! А мне отвечают: нет и не будет. Коротко и ясно. Что ж, прикажете остановить строительство? Нет, такого вопроса ни один из моих инженеров не ставил. Всем нам было ясно, что надобно срочно изыскать какие-то заменители...

Однако изыскать эти заменители было не так-то просто. И не одну бессонную ночь провел за чертежами, техническими расчетами и математическими выкладками молодой инженер Николай Иванович Медведков, прежде чем пришел к выводу, что деревянные конструкции на междуэтажных перекрытиях вполне можно заменить... обыкновенным кирпичом!

И вот впервые в практике промышленного строительства применили новый метод.

При сооружении громадного трехэтажного корпуса мартеновского цеха деревянные конструкции междуэтажных и чердачных перекрытий заменили кирпичными сводами. Двухметровые пролеты этих сводов, толщиной в четверть кирпича, опираются на железобетонные балки. Такой крайне оригинальный способ перекрытий блестяще оправдал себя теперь в эксплуатации и получил затем широкое применение в процессе дальнейшего промышленного и бытового строительства на заводе.

Главный инженер строительства Гарбер, строивший в свое время Харьковский турбогенераторный, Криворожский, Макеевский и Днепропетровский металлургические заводы, обобщая свой производственный и жизненный опыт, говорил:

— Опыт, конечно, для нашего брата многое значит. Многое, но не всё. В течение двадцати лет я построил немало крупных промышленных объектов. И вот что любопытно: приступая к строительству нового объекта, я испытывал каждый раз такое волнение, какое впервые — думал, что раз навсегда — пережил, когда мне доверили строить Харьковский турбогенераторный завод. Это в первых. Во-вторых, на каждом новом строительстве передо мной возникал комплекс таких технических и организационных проблем, какие не приходилось решать

на предыдущих стройках. Вот почему я иногда эгоистически думаю, что русская пословица «Век живи, век учись» никакой иной профессии столь не касается, сколько нашей...

Судя по всему внешнему облику главного инженера — по его глубоким, не по возрасту резким морщинам на лбу, по его манере прикрывать во время разговора на секунду глаза, как это делают много думающие люди, и, наконец, по тому глубоко искреннему тону, каким он рассказал о себе, — судя по всему этому, решать ему трудных задач за всю его долгую творческую деятельность строителя пришлось немало...

Строительство завода началось с осени 1943 года. Точнее сказать, не строительство, а подготовка к нему. Ведь для того, чтобы приступить к сооружению основных промышленных объектов, надо было прежде всего создать целый комплекс подсобных предприятий и одновременно подготовить значительные кадры квалифицированных строителей из прибывающих на новостройку добровольцев. Это во-первых. Во-вторых, в адрес несуществующего еще завода прибыло сложнейшее оборудование прокатного и мартеновского цехов, эвакуированное с демонтированных заводов Юга.

Оборудование это было некомплектным, и монтаж его можно было осуществить только при условии изготовления на месте недостающих, крайне ответственных и сложных по своей конструкции и технологии деталей. И выход в таком случае был один: в очень жесткие сроки построить большой механический завод со сталелитейным, кузнечным, электроремонтным и чугунолитейным цехами. Только с пуском такого завода мыслимо было приступить к монтажу прокатного и мартеновского цехов металлургического завода.

В знойные июльские дни сорок третьего года строители разбивали свои палатки среди пустынных сопот Темир-Тау. Перед ними простиралось поле, поросшее редкой и чахлой степной полынью. Это и была строительная площадка металлургического завода.

Окаймленная с трех сторон невысокими сопками, четвертой своей стороной она примыкала к берегу Нуринского водоема.

Вода — это пока было все, что имели под руками строители металлургического завода. Не было ни бетона, ни леса, ни арматуры, ни кирпича. А ведь на сооружение только одного гигантского корпуса прокатного цеха площадью в 16 тысяч 800 квадратных метров требовалось около трех миллионов штук кирпича. Достаточно сказать, что для перевозки такого количества кирпича потребовались бы сотни железнодорожных платформ. Это годовая производительность крупного механизированного завода!

Таким образом выходило, что одновременно со строительством большого механического завода надо было приступить и к строительству кирпичного завода. А для того, чтобы уложить еще несколько тысяч кубических метров бетона на основных объектах строительства, требовалось немалое количество цемента, о транспортировке которого откуда-то издалека в дни военной страды нечего было и думать. И выход был найден путем изготовления необходимого количества цемента местными средствами.

Словом, вокруг основного объекта строительства — металлургического завода, предстояло построить несколько промышленных предприятий, включая сюда разработку песчаных и каменных карьеров. И все это надо было связать с площадкой основного промышленного строительства узкоколейной и нормальной линиями железнодорожных путей.

Такова была программа промышленного строительства. Но надо было подумать и о строительстве бытовом — общежитиях для рабочих и жилых домах для инженерно-технических работников стройки. А это требовало колоссальных затрат остродефицитных материалов — кирпича и леса. Один мощный кирпичный завод с пуском его в эксплуатацию едва мог удовлетворить потребность в кирпиче основных промышленных объектов.

И строители должны были решить еще одну проблему — проблему заменителей кирпича. Оказалось, что в Темир-Тау, помимо первосортной глины, немало еще одного превосходного строительного материала — шлака, при соединении которого с известковым раствором можно было получить отличные блоки для кладки стен. Порасчитав, инженеры пришли к выводу: производство таких шлакоблоков на месте значительно ускорит бытовое строи-

тельство и удешевит его. Опыт показал, что шлакоблочные стены жилых домов обладают меньшей теплопроводностью, чем кирпичные. Решено было построить еще один, не предусмотренный программой завод: завод по производству шлакоблоков с годовой производительностью три миллиона штук в год.

И вот ни днем ни ночью, ни в июльскую жару и ни в январскую стужу ни на минуту не умолкала теперь среди сопок Темир-Тау железная музыка электролебедок и монтирующихся конструкций.

Все выше поднимались одетые в строительные леса стены цехов металлургического завода. Вставляли над сопками и над бескрайней окрестной степью стройные и величественные заводские трубы. С каждым днем ясней выступали контуры будущего города. Уже проглядывали кое-где сквозь деревянные кружева лесов приветливые фасады многоэтажных жилых домов и сверкающих белизной уютных коттеджей.

V

Карагандинская зима!

На долгие годы останется она в памяти строителей металлургического завода. Ветряная и дождливая осень сорок четвертого года закончилась ранним снегопадом. Затем около трех недель стояла удивительно мягкая, необычная и подозрительная для этих широт погода. Словно это было где-то в средней полосе России. Стало как будто теплей и уютней. С утра падал мягкий, тихий снежок. А в полдень даже пригревало, как в марте.

В такую пору дружно, споро и весело кипела работа на строительной заводской площадке. Строителей подбадривали и возбуждали погожие дни этой спокойной и теплой ранней зимы. Всех радовали теперь уже освобождающиеся от лесов стены первого промышленного корпуса новостройки — мартеновского цеха.

Еще больше волновало всех приближавшееся к завершению строительство первой мартеновской печи. Бригада каменщиков под руководством Укена Турмагамбетова работала в эти дни с особым подъемом и воодушевлением, выкладывая огнеупорным кирпичом под печи. Плотники во главе со своим распорядительным и требовательным

бригадиром Иваном Долгушевым уже устанавливали строительные конструкции под потолочным перекрытием цеха, а столяры торопились со сборкой оконных рам и дверных коробок.

В эти дни, как и всегда, главный инженер Григорий Алексеевич Гарбер почти не покидал строительной площадки.

Переходя от одной бригады к другой, главный инженер задерживался на лишние одну-две минуты около землекопов. Он не мог налюбоваться их проворной работой. Ребята рыли траншеи для водопроводной сети. Им предстояло прорыть в общей сложности около десяти километров для того, чтобы дать нуринскую воду не только заводским корпусам, но и в квартиры рабочих.

Несмотря на довольно уже глубокий снежный покров и ночные подмораживания, грунт был еще по-летнему рыхлым и податливым. И здоровые, проворные, ловкие и жадные на физический труд люди орудовали лопатами, кайлами и ломами с богатырской непринужденностью, удалью и почти озорством. Скинув с плеч ватники, они не чуяли стужи в пылу азартной и жаркой работы.

Греха таить нечего, не очень красно жилось тогда строителям металлургического завода. Тесно было в переполненных бараках и общежитиях инженерно-технических кадров. Далеко не всегда можно было похвалиться плотным обедом или сытным завтраком.

Строительство не имело в то время такого богатого подсобного хозяйства, какое имеет сейчас. Но несмотря на все бытовые невзгоды, лишения и неурядицы, люди этого боевого соединения держались в строю, как солдаты.

И вот однажды главный инженер был разбужен под утро странным, ошеломляющим гулом.

Было около девяти часов утра, но в комнате стоял полумрак, не совсем обычный для этого часа. Инженер, взглянув в мутное, словно затянутое густым клубящимся дымом окно, понял, что бушевал снежный ураган небывалой силы.

Да, это был ураган!

Поднятые штормовым ветром гигантские смерчи сухого и жесткого, как песок, снега, кружась и смешиваясь, мчались с бешеной скоростью по безбрежному степному простору. От сатанинского воя и свиста вьюжной сумятицы в ушах стоял гул, точно многочисленные колокола би-

ли в набат в степном просторе. Человек, застигнутый такой кутерьмой не только в открытой степи, но даже среди знакомой улицы, терял всякую ориентировку и рисковал заблудиться в двух шагах от собственного жилища.

Трое суток бесновались вокруг новостройки снежные смерчи этой неслыханной вьюги. Три дня висела над степью, над строительной площадкой завода эта зыбкая белая мгла.

Рвались провода и рассыпались на мачтах изоляторы. Рушились средства связи. Ходуном ходили под ударами ветра подвесные строительные леса особой конструкции, грозя оборваться и рухнуть с высоких стен мартеновского корпуса. Немыслимо было ничего расслышать в этом вертепе ветров — ни сигнальной сирены, надрывно ревущей на электростанции, ни человеческого крика о помощи.

Только трое суток спустя ураган прекратился так же внезапно и неожиданно, как и начался. Он завершился под утро тишиной и свирепым сорокаградусным морозом.

Так угарно и бурно отпраздновала карагандинская зима свое вступление на царство в этих степных широтах.

VI

А морозы стояли теперь такие, что по ночам с канонадным гулом лопались льды на Нуринском водохранилище и звенела, как бубен, растрескавшаяся земля.

Застывал бетон.

Каменщики мучились с замерзающим на морозе известковым раствором. Руки мастеровых людей — бетоноукладчиков и арматурщиков — коченели даже в надежных шерстяных рукавицах. Землекопы с огромным напряжением врубались теперь в окаменевший, словно скрепленный цементным раствором, грунт.

Близились сроки ввода в эксплуатацию мартеновского цеха и запуска первой мартеновской печи. Всем руководящим работникам строительства было ясно, что без дерзкого вмешательства технической мысли в этот жесткий режим природы нельзя рассчитывать на успех дела.

И вот снова острый рационализаторский ум технической интеллигенции, природная смекалка простых рабочих, весь арсенал производственного опыта — все мобилизовано на решение новых сложных задач.

Ни на каких строительных участках не отражаются столь пагубно свирепые сибирские морозы, как на рытье траншей и котлованов, на кладке кирпичных стен, на бетонных и железобетонных работах. Обычно в строительной практике в зимних условиях над рабочими местами, как правило, сооружаются временные помещения — тепляки.

— Но мы не могли пойти на такую роскошь, — признается заместитель главного инженера Константин Дмитриевич Голубев. — Для этого у нас не было ни лишних рабочих рук, ни строительного материала, ни времени...

Поэтому пришлось искать другой выход.

И выход был найден.

Константин Дмитриевич Голубев совместно с некоторыми другими инженерами, ранее работавшими на строительстве уральских заводов, вспомнил об опытах электропрогрева почвы. Впрочем, не только почвы. Один из инженеров подсказал, что можно наладить электропрогрев всех бетонных и железобетонных конструкций. А в таком случае с успехом можно обойтись и без тепляков.

— И мы обошлись без них, — подтверждает главный инженер Григорий Алексеевич Гарбер. — Обошлись без тепляков, сэкономив на этом сотни тысяч рублей. А главное — выиграли время. Время!

— Как же именно?

— А делалось это так, — поясняет Григорий Алексеевич. — По соседству с рабочими местами мы устанавливали трансформаторы. Затем через электрокабель производили прогрев бетонных и железобетонных конструкций.

Надо прямо сказать: не примени мы в предыдущую и минувшую зимы прогрев почвы, нам бы не справиться с громадным объемом земляных работ. Вы представляете, сколько надо затратить землекопу мускульной энергии для того, чтобы вынуть при сорокаградусном морозе один кубометр грунта? И притом — какого грунта! Местная земля, скованная морозом, — кремень: ударишь ломом — искры летят...

В конце осени сорок четвертого года строители сдали в эксплуатацию полный комплекс подсобных промышленных предприятий. К этому времени работали уже на полную мощность кирпичный и шлакоблоковый заводы.

Одновременно введен в действие крупный механиче-

ский завод с многочисленными цехами по цветному, чугунному и электростальному литью. Здесь изготавливались сложные технические детали к некомплектному оборудованию мартеновского и прокатного цехов.

Работали мастерские по изготовлению основных узлов деревянных конструкций — оконных переплетов, дверных коробок, потолочных щитов.

Введены были в эксплуатацию к этому времени и мастерские по капитальному и среднему ремонту строительных механизмов. С открытых на Нуре каменных и песчаных карьеров начал поступать по железнодорожной ветке на строительную заводскую площадку щебень, камень, песок.

Словом, база для широкого разворота строительства основных промышленных объектов была теперь налицо, и руководителям новостройки дышалось уже, можно сказать, легче...

VII

Во второй половине лета сорок четвертого года началось строительство мартеновского цеха с пятью его печами и громадным трехэтажным бытовым корпусом, в котором должны были разместиться пищеблок и души, заводские лаборатории и конторы начальников цехов. Уже в канун нового сорок шестого года строительство завершило, цех сдали металлургам в эксплуатацию.

А в утро Нового года бригада бетоноукладчиков Даку Абдиева стала на стахановскую вахту.

Морозный и мглистый январский день. Неяркое солнце — в дыму поземки. Мороз был такой сухой и жесткий, что трудно дышать, разговаривать. Впрочем, не до разговоров. В такую пору — знай разворачивайся.

Ребята Даку Абдиева, приучившись понимать своего бригадира с полуслова, работают без суеты, проворно, решительно, четко, слаженно. Никто из них не заметил даже, как минул в жарком и спором деле этот недолгий январский день и строительную площадку озарили яркие рефлекторы. В железных лесах новостройки завела свои вечерние песни готовая к ночному разгулу вьюга.

Вот прозвучал сигнал, извещающий о конце рабочего дня. А спустя несколько минут на участке промышлен-

ного строительства все уже знали о победе бригады Даку Абдиева, и инструктор стахановских методов труда, старый мастер каменной кладки Укен Турмагамбетов горячо пожал руку молодому бригадиру Абдиеву.

Вместо двенадцати квадратных метров кладки по норме бригада Даку Абдиева уложила втрое больше — тридцать шесть!

Триста процентов! Это был рекорд!

VIII

По ночам снова лопались с орудийным грохотом льды на Нуринском водохранилище и рвалась от морозов земля. Снова снежные ураганы над новостройкой завода и города металлургов забивали снегами траншеи, обрывали провода и угрожающе раскачивали под арматурщиками и каменщиками подвесные строительные леса.

А трудовой пульс строительства бился теперь еще напряженней, чем прежде. В январские дни сорок пятого года начался второй тур развернутой битвы за казахстанскую сталь.

Бригады каменщиков, бетонщиков и арматурщиков приступили к строительству гигантского корпуса прокатного цеха — красы и гордости Казахстанского металлургического завода.

Все выше поднимались обтянутые арматурной сетью лесов стены громадного корпуса цеха. А там, внутри этого грандиозного каменного сооружения, ни на минуту не затихала железная музыка монтажников. Под аккомпанемент пневматических молотов звучали неумолчные напевы электросварки и автогена.

Могучий паровой кран, двигаясь взад и вперед по железнодорожному полотну, проложенному внутри цеха, легко поднимал громоздкие восьмитонные стальные конструкции и бережно устанавливал их на железобетонные основания. Шел сложный монтаж прокатного стана четырехэта. под открытым небом, на морозе, на сквозящем через неотделанные дверные и оконные проемы ветру.

На монтаж стана рядом со старыми, опытными мастерами стали и молодые подмастерья, вчерашние выпускники ремесленных училищ и школ фабрично-заводского ученичества. Это были целые бригады любознательных,

озорных и шустрых ребят. Опытные монтажники на первых порах косились на этих юрких и шумных ребяташек. А некоторые старые мастера ворчали:

— Ну и пополнение в нашем полку, товарищи, один смех и грех чисто...

— С такими подмастерьями только в бирюльки играть!

— Факт.

— Вот и попробуй с этим рабочим классом досрочно закончить монтаж! Скандал, понимаешь, один у нас может получиться с такими помощниками, а не стахановская работа...

Однако, поворчав между собою, мастера не выдали своего недовольствия ребяташкам. Ведь каждому было известно, что рассчитывать на иные кадры в те дни было немыслимо, приходилось мириться с этой оравой безусых монтажников.

— Ну-с, орлы! — крикнул появившимся в цеху ребяташкам бородатый кряжистый Федор Егорович Завалов. — Стало быть, монтажники?

— Так точно. Ими называемся... — отпартовал повоенному самый маленький ростом, но самый бойкий на вид Алеша Павлов.

— Ого, храбрый ты на словах!

— Не из робких...

— Вижу... А вот каков на деле — посмотрю.

— Это правильно, — живо и весело согласился Алеша. — Заранее хвастать не стану. А придет наше время — убедитесь фактически.

— То-то... В таком разе я вам вот что скажу, монтажники! — сделав ударение на последнем слове, но без тени усмешки или иронии, проговорил старый мастер, обращаясь уже теперь ко всем ребятам. — Назвались, говорится, груздями — марш в кузов! Знаете такую русскую пословицу?

— Знаем! Известно... — хором ответили ребята.

— А знаете — еще лучше... Тогда и лясы нам зря точить с вами нечего. Одно скажу: кто из вас прилежность в деле покажет — тому и слава и похвала налицо. А за худую работу, лодырей и неуков — вон из цеху!.. И потом: в рабочее время не озоровать. Вы уже есть теперь рабочий класс. Не малые баловни. Ясно?

— Вполне...

— Не маленькие...

— Понимаем.— откликнулось несколько задорных юношеских голосов.

Тогда, немного помолчав, мастер проговорил еще более серьезно и строго:

— А затем такое еще у меня к вам, ребята, прошение... Нам, монтажникам, прокатный стан срочно надо на ноги ставить. Мартен уже на ходу. Сталь варится. Пора и о прокате заводу думать. Мы без вас тут твердое слово товарищу Сталину по телеграфному проводу дали. Заверили: закончим монтаж стана четыреста досрочно... И вот к вам какое мое прошение: давайте, ребята, единой рабочей грудью совместно с нами за это слово стоять.

— Правильно!

— Точно!

— Все, как один! — дружно ответили ребята.

— Тогда и речь моя кончена. Расходишь, рабочий класс, по местам. За дело! — скомандовал старый мастер.

И ребята горячо, со свойственным им азартом, взялись за работу.

Вскоре все убедились, что с освоением монтажной техники справлялись ребята неплохо и день ото дня работали лучше. Получив отличную производственную практику на строительстве первой мартеновской печи, они не проявляли уже теперь былой растерянности и ученической робости даже на сборке самых сложных узлов прокатного агрегата. С профессиональной хваткой и смелостью опытных мастеров работали они на монтаже линии обжима, а в темпах и высоком классе монтажных работ некоторые из новичков не отставали от людей большой технической зрелости — хозяев производственного процесса.

Монтаж стана четыреста явился превосходной практической школой обогащения молодежи. Юные монтажники настолько быстро и хорошо освоили технологию производственного процесса, что руководство монтажными работами вскоре согласилось с комсомольской организацией строительства на создание самостоятельных комсомольско-молодежных бригад.

Так возникли прославившиеся впоследствии бригады Диордиева, Кашковского и Иванова. Эти бригады в течение года изо дня в день выполняли двойные нормы на монтаже прокатного оборудования. А имена бригадиров и молодых стахановцев Алеши Павлова, Ахмета Мамедо-

ва, Клина Бурунова и многих других не сходили с доски почета.

Молодым арматурщикам и монтажникам, слесарям и бетонщикам хотелось стать такими хозяевами производственного процесса, какими чувствовали себя на своих рабочих местах старшие их товарищи. Разве не похотяйски вел себя за своим станком слесарь ремонтного блока Иван Бирюков? Ведь это он, в совершенстве овладев технологией холодной обработки металла, довел норму расточки подшипников для рольгангов прокатного стана до рекордной цифры — 800 процентов за смену!

Так два поколения строителей, взаимно поддерживая друг друга, стойко и мужественно выдержали все испытания, через которые суждено им было пройти за годы войны вместе со всем героическим и бессмертным советским народом.

В конце мая сорок шестого года строительство прокатного цеха было закончено.

IX

С утра двадцать шестого мая 1946 года в громадном пролете прокатного цеха собрались строители и монтажники завода. Все они хотели быть свидетелями ввода в действие стана четырехста.

По-праздничному принарядившиеся, необычайно возбужденные, но в то же самое время и внутренне собранные люди стояли шпалерами вдоль путей обработки проката. Затаив дыхание, все ждали торжественной минуты запуска в прокат первой болванки стали, сваренной молодым сталеваром Алтынбеком Дарибаевым — первым сталеваром Казахстана — в первой казахстанской мартеновской печи!

Рядом со строгим, как всегда, но словно помолодевшим сейчас монтажником Федором Егоровичем Заваловым стояли юные его помощники, друзья Саядилъ Органбаев и Алеша Павлов.

И вот, когда в четверть десятого был включен, наконец, по команде начальника цеха рубильник и возник грозный, стремительно нарастающий гул, Алеша Павлов, крепко стиснув руку старого монтажника, торжественно закричал:

— Ур-ра! Пошла-а! По-о-ехала-а!

А минуту спустя все присутствующие увидели, как стан, пришедший в движение, принял в свою стальную пасть раскаленную в методической печи стальную болванку и, пропустив ее через вал обжима, выдал вальцовщикам первую пятиметровую балку. Следом за первой вылетела вторая. Затем — третья, четвертая, пятая!..

Девятнадцатилетние казахские вальцовщики Алымбек Уйсинбаев и Жакен Койшигулов ловкими и стремительными движениями вооруженных огромными клещами рук перехватывали гибкие и стройные тела.

Не далее как два года тому назад эти молодые люди были колхозными пастухами в северо-казахстанских степях. Суровую и благородную школу прошли они на Урале — родине русской черной металлургии. Там обучались они сложному и трудному искусству у потомственных русских металлургов Магнитки, Тагильского и Серовского заводов.

В те дни, когда Казахский металлургический завод оживал только на ватмане в чертежах и проектах, сотни казахских юношей были отправлены на крупнейшие заводы страны для освоения профессии металлургов. Это была трудолюбивая и любознательная колхозная молодежь, впервые покинувшая пределы своих скотоводческих и сельскохозяйственных районов. Ни один из этих семнадцатилетних ребят никогда не видел большого завода. И немногим из них удалось до этого побывать даже в своем областном городе.

В процессе долгой учебы понадобилось много терпения, ума и смелости, чтобы вырасти в таких отважных вальцовщиков и прокатчиков, какими они выглядели теперь, орудуя около стана четырехста на родном своем Казахском металлургическом заводе.

Стан, снабженный стремительно движущимся конвейером шлепперов и рольгангов, подающих раскаленные болванки к прокату, работал отлично. Отлично орудовали около этой могучей машины и молодые хозяева — первые казахские мастера проката.

— Ну как, товарищ Бакст, — обратился к директору Казахского металлургического завода секретарь Темир-Тауского горкома партии Василий Васильевич Шепелев, — гарантируешь выполнение годовой программы?

— С таким оборудованием и с таким боевым народом — да, безусловно! — ответил директор, не сводя глаз с прокатчика Жакана Койшигулова.

Не только директору, всем приятно было смотреть на этого смуглолицего сына казахских степей, который смело и уверенно нес свою первую трудовую вахту у первого в Казахстане прокатного стана!

Х

Инженер Евгений Иванович Шевцов познакомил меня с лучшим казахстанским сталеваром.

— Алтынбек Дарибаев, — рекомендует он очень скромного, почти застенчивого юношу.

В отлично сшитом сером костюме, в сорочке светлого тона с полурасстегнутым воротником, молодой человек скорее всего был похож на десятиклассника или на студента.

Никак не вязался весь его внешний облик с нашими представлениями о сталеваре.

Профессия сталевара — одна из сложных и тонких профессий в черной металлургии. Как правило, на старейших металлургических заводах хозяевами мартеновских и доменных печей до сих пор являлись пожилые, умудренные производственным и жизненным опытом мастера. И, как правило, любовь к этому тяжелому, отважному, творческому труду передавалась такими мастерами из рода в род, из поколения в поколение, по наследству.

Недаром же история русской металлургии насчитывает немало фамильных династий прославленных металлургов.

Сталеварение, как и выплавка чугуна, — искусство.

Знаменитый русский металлург академик М. А. Павлов, посвятивший полвека своей научной деятельности изучению процессов сталеварения и выплавки чугуна, в своих превосходных «Воспоминаниях металлурга» пишет, что даже и теперь, полвека спустя, ему «хотя в мартеновской печи и все видно, но не все еще ясно». Вот почему нередко бывает так, что при самом строжайшем соблюдении всех технологических правил сталеварения одна плавка проходит удачно, а другая — с

капризами, с браком, с выходом на некоторое время из строя мартеновской печи.

Все это хорошо знают старые сталевары. И у каждого из них есть свои методы и свои приемы изучения режима мартеновской печи, явившиеся результатом их большого производственного опыта и того особого чувства, которое развивается в мастере с годами. Хороший, опытный сталевар не только видит, что делается в мартене, но «чувствует и слышит» дыхание печи, безошибочно определяя, когда сталь «доходит».

Но одно дело — старый мастер, а перед нами стоял девятнадцатилетний юноша Алтынбек Дарибаев, имя которого с гордостью произносят сейчас на Казахском металлургическом заводе как имя талантливого мастера сталеварения.

Как же мог этот скромный и как будто не совсем расторопный на вид юноша овладеть столь высоким и сложным искусством?

— Учился,— скромно и скупко отвечает Алтынбек Дарибаев.

— Где же?

— На Урале. В Ревде.

— Старейший завод?

— О да! — оживленно восклицает молодой металлург. — Старейший завод. С большими, хорошими производственными традициями. Мастера там замечательные. Мировые. У таких людей нельзя было не научиться...

— Как вы попали туда?

— Мне повезло. В сорок четвертом году я был командирован в числе пятисот казахстанских ребят на заводы Урала и Кузбасса для изучения сталелитейного дела и проката.

— Вы хотели стать металлургом?

— Я заканчивал в Шаульдерском районе, Южно-Казахстанской области, десятилетку и не знал еще толком, какую мне избрать профессию... Случай помог. В Ревде я впервые в жизни увидел металлургический завод. И, скрывать не стану, не мог побороть в себе первое время чувство страха перед мартеновской печью. Да, я боялся ее огня. Смешно теперь вспомнить об этом, но это было так. У меня ноги подкосились, когда я увидел первую плавку. Когда из мартена забила струя расплавленного металла, я с перепугу спрятался за завалочную

машину. Потом меня поразила храбрость разлильщиков, и я тут же подумал, что если они не боятся, то не буду бояться и я...

— Вот так просто и решили?

— Да. Просто решил. Но не так-то просто это выходило затем на деле...— признается все с той же смущенной улыбкой Алтынбек Дарибаев.— На Ревдинском заводе меня поставили вторым дублером по заправке мартеновской печи. Заправка производилась механическим способом — завалочной машиной. Обязанности мои поэтому были несложные: помочь дублеру открыть вовремя люк перед заправкой мартена, а затем, когда заправка заканчивалась, закрыть его. Но на первых порах для меня и эти обязанности были большим испытанием. Ведь не так-то легко и просто без навыка подбежать к открытому люку мартена, если в печи бушует море огня при температуре в тысячу семьсот градусов!..

— Ну, тут вы уж не очень робели?

— Нет, трусил я тут еще долго, если говорить правду... Трусил, но вида уже никому не подавал. А потом и сам не заметил, как чувство страха у меня постепенно исчезло. И смешно сейчас вспоминать и говорить о нем...

— И долго вы были вторым подручным дублера?

— Восемь месяцев,— совсем уже другим, деловитым и строгим тоном солидного и уверенного в себе человека заговорил молодой сталевар.— За это время я не только привык к мартену, но и полюбил его. В этом мне помогло мое увлечение химией. В десятилетке я любил химию. Поэтому мне легче было разобраться в технологическом процессе сталелитейного дела. Я понимал, какой химический процесс происходит на моих глазах в мартеновской печи, заправленной железным ломом, доломитом и магнезитом. Научился я и уходу за печью. А в умелом уходе за печью — секрет сталевара.

— Да, да. Именно в этом секрет — в уходе за печью,— подтверждает слова Алтынбека инженер Евгений Иванович Шевцов.— Ведь при малейшем недосмотре сталевара всю плавку можно опустить в под, а это — катастрофа. Печь может на недели, а то и на месяцы выйти из строя. Немало бывает таких аварий и у знаменитых, талантливых сталеваров. Но нашего Алтынбека от подобных катастроф и аварий бог избавил.

— Не бог, а Алексей Михайлович Решетников!— полу-

шутя, полусерьезно поправил Алтынбек инженера.

— А это кто такой?

— О, это золотой человек! Золотое сердце! Золотые руки!— с явным волнением заговорил Алтынбек.— Алексей Михайлович Решетников — потомственный сталевар Ревдинского завода. Он ведет свою родословную от прадеда, работавшего на знаменитых демидовских заводах Урала. И я горжусь тем, что этот старый русский мастер сталелитейного дела был моим учителем. На всю жизнь сохраняю я в душе благодарность к этому замечательному сталевару и человеку! Это не мастер — кудесник! Пятьдесят три года проработал он у мартеновских печей. Этот человек учил меня не только видеть, но «слушать и чувствовать печь». Я учился у него понимать язык закипающего в мартене металла и безошибочно определять время плавки. Я понимаю, мне далеко еще до высокого мастерства старейшего ревдинского сталевара. Ведь он, хоть и полуграмотный человек, а профессор своего дела! Я же — пока только его ученик...— скромно говорит Алтынбек Дарибаев.

Да, это был одаренный ученик талантливого потомственного металлурга!

Вернувшись из Ревды на Казахский металлургический завод, Алтынбек Дарибаев скоро зарекомендовал себя способным металлургом. Проработав сравнительно недолгое время подручным сталевара, он занимает место его первого дублера. А в июне сорок шестого года приказом дирекции завода Алтынбек назначается на ответственный пост сталевара.

В историю молодой казахской металлургии имя Алтынбека Дарибаева входит как имя первого сталевара.

Между тем полтора года тому назад судьба пущенной в эксплуатацию первой мартеновской печи глубоко волновала и тревожила начальника мартеновского цеха Евгения Ивановича Шевцова. Ведь к моменту ввода в действие первого мартена на заводе не было ни опытных сталеваров, ни сифонщиков, ни разлильщиков, ни канавщиков — мастеров ведущих профессий в металлургии. Правда, начали возвращаться с заводов Урала восемнадцатилетние казахские юноши, прошедшие там недолгую производственную практику и учебу. Сумели ли, однако, эти колхозные ребята освоить квалификацию мартеновцев в столь небывало короткий срок? В надежные ли руки вру-

чили строители и монтажники эту первую мартеновскую печь?

Но тут на помощь молодому заводу пришел Наркомат черной металлургии. По приказу Наркомата для практического инструктажа юных казахских металлургов в Темир-Тау прибывает с разных концов страны несколько отличных мастеров сталелитейного дела. Сталевары Иван Прядко и Николай Набоков приезжают из Белорецка. Из Петровск-Забайкальска прибывают на завод лучшие мартеновцы — Митрофан Федорович Аверьянов, Иван Павлович Филимонов, Илья Авксентьевич Разумов. Из города юности — Комсомольска — на помощь молодым сталеварам Казахстана прибывает прославленный сталевар Приамурья Никанор Фомич Гусев.

Первая плавка, проведенная под руководством специалистов, прибывших с других заводов, прошла удачно. Но вот настали трудовые заводские будни по выдаче заказной стали. Мартеновский цех должен был теперь, не допуская аварий, выдержать плановые коэффициенты по расходу мазута, чугуна, магнетита и других материалов. И вот тут-то, в процессе своего производственного роста и становления мастерства, познали молодые казахские металлурги немало трудностей, горьких неудач и суровых испытаний.

Теперь греха таить нечего, бывали на первых порах у начинающих сталеваров и такие черные дни, когда, например, расход мазута на одну тонну выплавленной стали доходил временами до двух тонн. А мартеновская печь то и дело требовала ремонта подины, что порождало простой, большой перерасход магнетитового порошка, а стало быть, и невыполнение плана по выплавке стали...

Между тем по тому, как тяжело переживали эти свои неудачи, и по тому, как горячо и самоотверженно трудились в цеху молодые казахские металлурги, можно было уже надеяться, что все эти неизбежные, в конце концов, трудности роста и становления технической зрелости сталеваров будут успешно преодолены.

— Мы верили в творческие возможности наших молодых сталеваров и разлильщиков. И мы не ошиблись в этом, — сказал мне парторг ЦК ВКП(б) на Казахском металлургическом заводе тов. Исаканов.

Надо заметить, что дирекция завода сразу же встала на правильный путь решительного и смелого выдвижения

молодых казахских металлургов на руководящие посты в производстве. Все должности бригадиров и рабочих ведущих профессий, начиная от сталеваров и кончая канавщиками, были распределены между казахской молодежью. Бывший подручный, а затем дублер сталевара Алтынбек Дарибаев становится первым сталеваром Казахстана. Сверстник Алтынбека Дарибаева Абдрахман Турганов занимает пост мастера литейного пролета. Их товарищи по производственной учебе на Урале — комсомольцы Мажит Сарсенбаев, Нургали Ниязбеков. Утей Имбаев и многие другие выдвигаются дирекцией завода на ответственные посты машинистов электрокранов и других обслуживающих цеховых механизмов. Этот смелый шаг дирекции завода был дальновидным и умным мероприятием. Молодые казахские металлурги, окрыленные оказанным им доверием, решили доказать на деле свое желание и умение работать.

И они доказали это!

XI

Теперь, на шестом году эксплуатации мартеновских печей и прокатных станов, Казахский металлургический завод добился огромных успехов в освоении высот социалистического производства. Особенно плодотворным в работе завода был четвертый год послевоенной пятилетки. В минувшем 1949 году заводской коллектив не только досрочно завершил годовую программу по выпуску проката и стали, но и значительно перевыполнил ее.

Напряженная творческая работа молодых казахских сталеваров и прокатчиков сказалась на улучшении технико-экономических показателей завода. Применение более совершенных процессов плавки стали, сокращение нормативов расхода материалов, топлива и электроэнергии, переход всех заводских цехов на хозяйственный расчет и многие другие мероприятия, успешно проведенные на заводе, — все это обеспечило молодому промышленному предприятию в 1949 году около десяти миллионов рублей сверхплановых накоплений.

За последние два года на заводе нашли широкое применение скоростные плавки стали. Инициаторами этих скоростных плавков явились передовые сталевары Алтынбек Дарибаев, Искандер Валеев, Абу Абалдуллаев и некото-

рые другие их друзья и товарищи по профессии. Особенно высоких производственных показателей добились сталевары смен Алтынбека Дарибаева и Афанасия Соснина. Обе смены этих замечательных мастеров еще в начале 1949 года выполнили пятилетние задания по производству стали и сэкономили по полтора миллиона рублей каждый.

Внедрение скоростных плавок на Казахском металлургическом заводе позволило резко увеличить сейчас съем стали с одного квадратного метра пода печи и перекрыть проектную мощностью мартеновских печей.

Борьба за выполнение обязательств, принятых металлургами Темир-Тау в социалистическом соревновании, потребовала огромного напряжения творческих сил всего заводского коллектива, горячо взявшегося за усовершенствование производственных процессов.

В прокатном цехе завода улучшена конструкция сводов нагревательных печей. После установки вентиляторов высокого давления производительность нагревательных печей повысилась на восемнадцать-двадцать процентов и полнее стал загружаться нагретыми болванками прокатный стан. Вследствие ускорения процесса нагрева металла количество его проходов через обжимные клетки прокатного агрегата уменьшилось. И теперь бригады лучших прокатчиков — Жакана Койшигулова и Николая Каныгина — катают за смену свыше четырехсот слитков стали. Могучие челюсти прокатного агрегата, схватив добела раскаленный слиток стали, сжимают его со страшной силой и вытягивают в шестидесятиметровый огненный жгут.

Проектная мощность прокатных агрегатов сейчас здесь значительно перекрыта. Талантливые инженеры-новаторы товарищи Андреященко, Дюмин, Малыков, Бесчастный, используя богатейший производственный опыт стахановцев, много сделали оригинальных и смелых шагов в области усовершенствования прокатного оборудования. Так, например, по инициативе этих инженеров на методической печи введена специальная сигнализация. Намного сокращено, как указывалось выше, количество проходов горячих слитков на линиях обжима.

Изменена калибровка обжимных валов. На обжимной клетки установлены направляющие гребешки, благодаря чему резко облегчился труд вальцовщиков и столь же резко снизился теперь выход брака.

Весь инженерно-технический коллектив завода рабо-

тает сейчас в тесном творческом контакте с передовыми рабочими, мастерами скоростных плавок и проката. Введение почасового графика работы прокатного цеха сказалось на повышении производительности труда. Повысилась ответственность каждого прокатчика за строжайшее соблюдение технологии. А это привело к тому, что весь коллектив рабочих прокатного цеха теперь стал стахановским.

Ежедневно на заводе проводятся так называемые оперативки — селекторные совещания. На этих летучих оперативных совещаниях с начальниками мартеновского, прокатного, механического, литейного, электроремонтного и других цехов директор завода т. Бакст подводит итоги суточной работы завода. В конце октября 1949 года директор завода, заслушав по селектору короткие деловые отчеты начальников цехов, в заключение сказал:

— А теперь могу вас порадовать, друзья, неплохими вестями. По счетам наших плановиков и экономистов, наш завод выдал уже проката и стали гораздо больше того, сколько было запланировано. Неплохая победа, товарищи?!

— Еще бы!

— Есть чем гордиться!

— Молодцы у нас сталевары!

— А прокатчики — настоящие богатыри! — зазвучали наперебой в селекторе возбужденные и взволнованные голоса начальников цехов.

— Это правильно, товарищи. Богатыри у нас прокатчики и сталевары. Богатыри! — подтвердил столь же возбужденный и радостный директор.

А через мгновение эти крылатые вести облетели уже все заводские цеха и все жилые квартиры юного города металлургов. На досках показателей социалистического соревнования, в боевых листках-молниях металлурги читали и пересчитывали цифры и факты крупных побед всего заводского коллектива. То и дело там и тут звучали одни и те же разговоры:

— Слышал, прокатчики отличились сегодня?

— Это смена Петра Чекалова?

— Конечно, он со своими орлами-вальцовщиками.

— У него ребята — один к одному. Как черти, ловко работают у него Касым Нурбеков и Толебай Сатыбалдиев. Посмотреть на них любо!

— А Нахреддин Убайдуллаев тоже не отстанет от своего молодого учителя — Алтынбека. Он вчера также снял стали с одного квадратного метра больше, чем ему полагается.

— Классная работа — ничего не скажешь.

— Вот именно.

— Научились ребята работать. Молодые, а и другим старым нашим мастерам пить дадут! — сказал, с восхищением прищелкнув языком, потомственный сталевар Федор Петрович Терехов, прибывший на Казахский металлургический завод с Кузнецкого гиганта черной металлургии.

Творческая мысль инженерно-технической интеллигенции и передовых рабочих-новаторов производства направлена на дальнейшее улучшение и усовершенствование технологического процесса.

Изо дня в день повышается в заводских цехах культура производства. Изо дня в день увеличивается количество скоростных тяжеловесных плавок стали и количество сверхплановой выдачи проката. Изо дня в день молодые казахские металлурги повышают свою сложную квалификацию в кружках научного инженерно-технического общества. Сталевары и прокатчики, литейщики и электрики охотно обмениваются друг с другом опытом внедрения передовых методов в производство. В большой заводской библиотеке никогда не залеживаются новинки технической литературы: они ходят по рукам талантливых мастеров и подмастерьев — патриотов родного завода. Сталевары Искандер Валиев и Алтынбек Дарибаев ведут оживленную дружескую переписку со знатными сталеварами Узбекского металлургического завода — Максимом Харченко и Гафуром Гилязетдиновым.

Коллектив этих двух молодых металлургических заводов — Казахского и Узбекского — соревнуются. Почти ежедневно приходят в адрес металлургов Темир-Тау письма из города Беговата — нового промышленного центра Узбекской республики. Недавно начальник смены сталеваров Казахского металлургического завода Афанасий Соснин сообщил начальнику смены сталеваров Узбекского завода Гафуру Гилязетдинову, что его смена выполнила пятилетнее задание по уровню выплавки стали и что многие сталевары Темир-Тау перекрывают теперь плановые показатели 1950 года.

Но есть чем порадовать казахских друзей и узбекским

сталеварам. В одном из последних своих писем к Искандеру Валиеву Гафур Гилязетдинов сообщает, что сталевары его смены перешли на одновременное обслуживание двух мартеновских печей и успешно осваивают их мощности.

Недавно на Узбекском металлургическом заводе в городе Беговате побывала делегация казахских металлургов. А узбекские сталевары затем приезжали в Темир-Тау. Длительная деловая переписка друзей завершилась живым, непосредственным творческим общением новаторов социалистической индустрии и принесла немалую пользу тому и другому заводу.

На товарищеской встрече молодых металлургов двух братских республик Алтынбек Дарибаев сказал:

— Мы молоды с вами, товарищи, как молоды оба наших завода. А у всякой молодости есть одно золотое качество — будущее. Наше будущее — коммунизм. Мы, вчерашние казахские пастухи, и вы, бывшие узбекские садоводы, научились у русских металлургов большому и почетному искусству — сталелитейному делу. Мы по праву гордимся и дорожим любимой нашей профессией. Но нам еще многому надо учиться у русских мастеров-сталеваров. И я верю: мы научимся, не посрамим чести родных нам заводов! Русская отечественная металлургия знавала в прошлом и знает сейчас немало славных династий прославленных мастеров сталеварного дела. Мы, молодые металлурги первенцев черной металлургии Казахстана и Узбекистана, являемся родоначальниками будущих и наших фамильных династий мастеров черной металлургии коммунизма! — заключил Алтынбек Дарибаев свою речь под дружные, горячие аплодисменты металлургов двух братских народов.

Прощаясь с металлургами Темир-Тау, узбекский сталевар Гафур Гилязетдинов спросил у Алтынбека:

— А как насчет одновременного обслуживания одной сменой двух мартенов?

— Не беспокойся, Гафур, этим вашим опытом мы, конечно, воспользуемся. Об этом у меня уже был душевный разговор с ребятами моей смены. Все за, — ответил Алтынбек Дарибаев.

Нахреддин Убайдуллаев в свою очередь напомнил узбекским друзьям о внедрении скоростных плавок.

— Здесь вы продолжаете пока от нас отставать, доро-

гие товарищи. Скоростные плавки на нашем заводе стали теперь уже правилом. А у вас они пока — исключение.

— Это правильно. Тут нам придется держать равнение на вас,— согласился первый узбекский сталевар с самым молодым сталеваром Казахского металлургического завода.

А спустя около двух недель после отъезда узбекских металлургов в Темир-Тау получено было коллективное письмо сталеваров смены Гафура Гилязетдинова, адресованное Нахреддину Убайдуллаеву. В этом письме узбекские сталевары писали:

«Дорогие друзья!

Рады сообщить вам, что после возвращения нашей делегации из Темир-Тау большинство сталеваров Узбекского металлургического завода перешло на скоростные тяжеловесные плавки. Мы широко воспользовались стахановским опытом ваших передовых сталеваров и добились уже неплохих результатов. Путем наращивания разливочного ковша мы теперь, как правило, увеличиваем вес каждой плавки от пятнадцати до двадцати процентов. Наши сталевары Гафур Гилязетдинов и Максим Харченко варят сталь за семь часов при большой экономии мазута. Пишите нам, дорогие товарищи, о своем житье-бытье, про свои стахановские дела и про свой завод. А мы с ответами не задержимся».

В ответ на это письмо узбекских друзей темиртауские сталевары в своем письме писали металлургам Беговата:

«Очень порадовали вы всех нас своими успехами, дорогие соседи. Похоже на то, что если кто-нибудь из наших ребят чуть заезвается, вы, пожалуй, и обставить можете нас по скоростным и тяжеловесным плавкам. Ну что же, это хорошо. Придется тогда поздравить вас как победителей в нашем соревновании. Но мы стараемся, как говорится, лицом в грязь не ударить и знамя свое из рук не выпускать. Спасибо и вам, дорогие друзья, за совет, за науку насчет одновременного обслуживания двух мартеновских печей. После отъезда вашей делегации в Беговат мы тоже дремать тут не стали. Первыми застрельщиками в этом деле были у нас Алтынбек Дарибаев и Афанасий Соснин. Оба они уже провели несколько односменных обслуживаний двух мартенов. Первый блин не был комом.

Сталь в той и другой печи была сварена за семь часов, а с каждого квадратного метра пода обеих печей было, как всегда, снято стали на двадцать процентов больше против нормы. Сейчас вслед за Алтынбеком и Афанасием Сосниным начинают переходить на односменное обслуживание двух мартенов и другие сталевары Темир-Тау».

В этой замечательной переписке молодых металлургов двух первенцев черной металлургии Казахской и Узбекской республик раскрываются новые черты и душевные качества рядовых советских людей — строителей коммунизма. В этой творческой дружбе казахских и узбекских сталеваров, прошедших отличную школу на крупнейших гигантах нашей отечественной металлургии, отражается наша сегодняшняя социалистическая действительность и завтрашний день коммунистических отношений людей к своему благородному, светлому, радостному труду. В строках этих писем, написанных трудолюбивыми руками вчерашних пастухов и мирабов, ныне мастеров высокого класса по выплавке и прокату стали, ощущается взволнованное, горячее дыхание подлинных советских патриотов, кристальная чистота изумительных их душ, трепетный, теплый свет их крылатых сердец, преданных Родине, партии и всегда готовых на новые трудовые подвиги во имя прославления социалистического отечества, во имя торжества коммунизма в нашей стране.

Алтынбек Дарибаев, Афанасий Соснин, Нахреддин Убайдуллаев, Еркен Марашев, Петр Чекалов и десятки, сотни других металлургов Темир-Тау — все они своим творческим отношением к труду являют яркий пример высокой сознательности. Своим трудом у будущих мартенов и у грохочущих в заводских цехах прокатных агрегатов они учат дерзать и творить в работе. Это — герои нашей социалистической промышленности. Это — богатыри молодой казахской металлургии. Это — бойцы послевоенной пятилетки. Это — новаторы, смело ломающие давно устаревшие технические нормы и прокладывающие новые пути в технологии производства.

ХII

Чувство нового и чувство товарищеского локтя объединяет с передовыми рабочими металлургического завода и его техническую интеллигенцию — талантливых инже-

неров и одаренных техников — командиров производства. В любое время можно увидеть в жарком мартеновском цехе высокую подвижную фигуру начальника цеха инженера Евгения Ивановича Шевцова. Впрочем, он меньше всего похож здесь на начальника в обычном понимании этого слова. По внешнему облику, по повадкам, по разговору, по манере держаться Евгений Иванович ничем как будто не отличается от рядовых сталеваров. Он живет одними интересами с ними.

— Как бы блестяще не был образован в техническом отношении инженер-металлург, но если он утратит кровную связь с рабочим коллективом, — грош цена его блестящему образованию, — резонно замечает Евгений Иванович.

И это неоспоримо. Только опираясь на стахановскую трудовую практику передового рабочего коллектива, сможет талантливый инженер с наибольшей полнотой раскрыть свое техническое дарование.

ХІІІ

Среди рабочих ведущих профессий завода — девяносто пять процентов казахской молодежи. Это девятнадцатилетние молодые люди — сталевары и разлишники, прокатчики и вальцовщики, электромеханики и машинисты внутрицеховых агрегатов. И только благодаря самоотверженному труду, мастерскому освоению своих профессий и высокому уровню технической зрелости этих молодых людей завод достиг высоких показателей в производстве проката и стали.

Первое поколение молодых казахских металлургов роднит почти одинаковая у всех у них биография. И достаточно рассказать о любом из них, чтобы дать представление о многих.

Комсомолец Алтынбек Дарибаев. Он влюблен в свою сложную профессию, влюблен в свой завод. В глазах его горит огонек юношеского задора. Он почтительно встает, когда в кабинет входит директор завода с инженером Шевцовым. Он многим интересуется: атомной энергией и принципом устройства ракетных двигателей, новинками казахской и русской литературы и итогами футбольного сезона в Алма-Ате. Он расспрашивает о том, как можно

ему заочно изучать английский язык и как пишутся книги...

Но совсем другим человеком выглядит Алтынбек Дарибаев в рабочей спецовке, на своем рабочем месте в цеху. Тут уж ему не до разговоров. Весь внутренне собранный, строгий и сосредоточенный, стоит он около мартена и, не спуская глаз, наблюдает сквозь небольшое окошечко в стене печи за кипящей в ее утробе сталью. Чуть позади его, в тех же напряженных и сосредоточенных позах стоят его дублеры и подручные. А вокруг печи, подобно часовым на торжественном карауле, выстроились разлившики, канавщики, сифонщики. Все внимание этих молодых металлургов сосредоточено сейчас на их непосредственном начальнике, комсомольце Баймане Турганове — мастере разливочного полета. Сам мастер не спускает глаз со сталевара Алтынбека Дарибаева.

В цеху стоит глухой, напряженно вибрирующий гул. Это гудит мартеновская печь. Это поет закипающая сталь. Веселые, злые, ослепительно яркие пузырьки начинают все выше и выше подпрыгивать над расплавленной, грозно и бурно колеблющейся внутри печи массой металла.

Приближается самая волнующая, самая ответственная минута, когда сталевар взлетом своей руки подаст безмолвную команду дублерам, подручным, канавщикам и разлищикам приготовиться к выпуску плавки.

Напряжение нарастает с каждой секундой. Глухой, вибрирующий гул мартена начинает стремительно возрастать, достигая предельной силы.

И вот рука сталевара взлетает вверх. И по одному этому призывному и властному жесту Алтынбека Дарибаева мгновенно приходят в движение десятки людей.

Вооруженный огромной металлической штангой, мастер разливочного цеха Байман Турганов стремительно бросается к мартену и прямым, сильным ударом штанги пробивает «летку» — окошко над огнеупорным желобом.

Этот удар требует от мастера не только большой физической силы, но и огромного профессионального навыка, стремительной, почти автоматической реакции в тот момент, когда расплавленная лава металла, прорвавшись сквозь пробитое в мартене отверстие, хлынет наружу. Мастеру надо успеть с артистической ловкостью увернуться из-под огненного фонтана лавы.

Байман Турганов проделывает эту операцию класси-

чески. Нельзя не залюбоваться в эту минуту атлетической силой этого юноши, его решимостью и отвагой.

Пробив дорогу металлу, Байман Турганов отскакивает в сторону. Он делает это на какую-то, быть может, долю секунды прежде того мгновения, когда мощная струя стали начинает бить из мартена, осыпая его каскадом ослепительных искр.

Поэма огня!

Кипящая лава металла растекается по изложницам и затем, со временем остывая в них, превращается в готовые для проката стальные болванки.

Разлив стали по изложницам продолжается всего несколько минут.

И пока бригада разливщиков Баймана Турганова хозяйничает с изложницами, сталевар Алтынбек Дарибаев стоит у открытого люка печи и внимательно приглядывается к обнаженной ее подине, нет ли в ней изъяна. Но все в полном порядке! Сталь выдана высокого качества и вовремя! Печь не нуждается в заправке порогов. Можно дать команду дублеру о подготовке завалочной машины к новой заправке.

И Алтынбек Дарибаев дает такую команду.

Когда дублеры и подручные приступают к загрузке мартена железным ломом, Алтынбек отходит в сторону и наблюдает.

XIV

Зимним вечером, собравшись на квартире Алтынбека Дарибаева, молодые сталевары горячо и взволнованно обсуждают жгучий вопрос о снижении себестоимости тонны стали. Всем им известно, что пятилетний план предусматривает это снижение на семнадцать с половиной процентов. Но не всем еще ясно, что нужно сделать для того, чтобы добиться такого производственного эффекта.

И парторг Искандер Исаканов, мимоходом заглянув на квартиру знатного сталевара, незаметно включается в беседу. Отлично разбираясь в технологии производства, он обстоятельно, толково и просто рассказывает молодым металлургам о том, что снижение себестоимости стали может быть достигнуто только благодаря повышению производительности труда и уменьшению расхода мазута — этого драгоценнейшего в металлургии топлива.

И в итоге этой товарищеской встречи сталеваров в гостеприимном доме Алтынбека Дарибаева молодые металлурги начинают понимать, какую роль играют они в достижениях всего заводского коллектива.

Коммунисты занимают ведущие роли среди металлургов.

Большую помощь в благородной и многогранной работе по идейному воспитанию заводских рабочих оказывают партийной организации комсомольцы. На заводе около семидесяти комсомольско-молодежных бригад, и все они перевыполняют производственные задания.

— Важным резервом увеличения выпуска стали являются скоростные плавки, — рассказывает бригадир сталеваров И. Голубев. — Коллектив третьей мартеновской печи, на которой я работаю, накопил некоторый опыт скоростного сталеварения. За последнее время восемьдесят процентов плавков у нас — скоростные.

Борьба за скоростную плавку начинается с приема смены. Успех плавки определяется, прежде всего, строгой производственной дисциплиной и слаженностью в работе бригады. Еще до начала смены я знакомлюсь с обстановкой: как работает печь, каково состояние свода, стен, насадок. Выясняю, на каком этапе находится плавка, какова марка стали, достаточно ли материалов. Затем решаю, как вести плавку, расставляю подручных. Каждый член бригады получает задание.

У мартенов сталевары производят целую цепь последовательных операций: выпускают готовую сталь, заправляют печь, заваливают в нее металлолом и другие материалы, плавят и доводят металл до нужного состояния, когда анализы показывают его готовность к выдаче.

— Есть много возможностей сократить сроки этих процессов. Мы стараемся совмещать операции, — говорит И. Голубев, — не допускать перерывов между ними. Не ожидая, пока весь металл выйдет из печи, уже во время выпуска стали производим заправку откосов и задней стенки. Дробленый доломит набрасываем тонким слоем, так как толстослойная наброска затягивает заправку и приводит к перерасходу материалов. Заканчивается этот процесс к тому времени, когда металл и шлак сойдут с ванны. Благодаря совмещению выпуска и заправки обе эти операции занимают у нас немного времени — экономим до восьми и больше минут. Стараемся, чтобы печь не ус-

пела остыть к завалке. Всегда помним важное правило работы скоростников: не упускать тепло, не остужать печь. В начале загрузки руды и известняка поддерживаем интенсивную тепловую нагрузку. Это способствует ускорению плавки. Известняк заваливаем на прогретый железный лом, располагая его ближе к задней стенке и откосам печи, в самых горячих местах, ровным слоем; от этого он лучше прогревается и раньше разлагается. Специального же прогрева известняка и металлической шихты не проводим. При завалке легковесного лома особое внимание обращаем на то, чтобы он не прикрывал тяжеловесный лом, не затруднял его плавление.

Строго следим за тепловым режимом печи. Всякие нарушения в этом деле неизбежно сокращают срок ее службы. Завалочной машиной разравниваем шихту, что обеспечивает более свободный проход пламени. Причиной преждевременного износа свода печи зачастую является «вихрастый» факел, который «лижет» и разрушает свод. Поэтому мы стараемся держать плоский, настильный факел, не достигающий свода. Чтобы обеспечить быструю доводку, добиваемся хорошего нагрева металла к концу плавления. Доводку начинаем только на горячем металле. Это обеспечивает хороший сход шлака и интенсивность кипения.

Показатели у нашей бригады неплохие. Большинство плавок выдается на пятнадцать-сорок минут раньше установленного графика. В 1954 году мы сварили около ста скоростных плавок, выдав дополнительно к заданию семьсот двадцать восемь тонн стали. С начала нынешнего года на счету бригады сотни тонн сверхпланового металла.

В целях широкого распространения передового опыта в мартеновском цехе обобщены приемы работы мастеров скоростного сталеварения. На этой основе совершенствуются методы работы всех металлургов. Теперь все сталевары готовят печи к последующей плавке до выпуска металла из мартена. В результате время, необходимое на заправку печи, сократилось почти вдвое. Внедрена единая технология завалки печи шихтой. Более интенсивный график теплового режима позволяет каждую восьмую плавку вести на сэкономленном топливе. Еще в начале декабря коллектив цеха достиг уровня производительности труда, запланированного на конец пятой пятилетки.

— Что мешает нам работать еще лучше?—спрашивает И. Голубев. Тут же отвечает:— Простой печей — одна из тех преград, которые встают на пути скоростного сталеварения. Бывают пережоги свода печей, выход их из строя из-за недоброкачественного ремонта. Нередки перебои в обеспечении металлоломом, различными материалами. А ведь каждая минута простоя печи — это сотни килограммов стали. Неблагополучно у нас и с качеством стали. Все еще велик брак на разливочной канаве. Порой вторые сорта стали доходят до пяти процентов.

Многие сталевары завода путем неустанного совершенствования методов работы доказали, что скоростные плавки может давать каждый мартеновец, если он знает и любит свое дело, если работа в цехе идет ритмично. К этому и стремится весь коллектив завода.

Заслуженной и громкой славой овеяны многие имена молодых бригадиров и членов этих бригад. Имя знаменитой комсомолки Зои Дурничиной знает многотысячный заводской коллектив Темир-Тау. Эта юная и отважная девушка, в совершенстве овладев тремя профессиями, выполняет производственное задание на триста процентов за смену. Молодые рабочие из бригады комсомольца Федя Степурина заняли третье место во всесоюзном соревновании комсомольско-молодежных бригад и за самоотверженную работу получили Почетную грамоту Центрального Комитета ВЛКСМ. А каждый из членов бригады, которой руководит комсомолец Иван Диордиев, дает, как правило, свыше двух норм за смену, и в надежных руках держат эти ребята переходящее Красное знамя, завоеванное ими.

И не только в самом Темир-Тау, но и далеко за пределами его шумит слава о знаменитой мотористке металлургического завода Валентине Шелест и станочнице Анне Рожковой, об арматурщике Николае Полякове и сварщике Иване Никитине. В ногу с жизнью, в ногу с передовыми людьми завода — коммунистами — идут эти юноши и девушки.

— В личном примере коммуниста, в его самоотверженном труде,— говорит Искандер Исаканов,— кроется сила и действенность воспитания. За годы строительства нашего завода здесь воспитали несколько тысяч строителей и эксплуатационников высшей квалификации. И большая роль в этом воспитании принадлежит коммунистам.

Впереди — решение технических задач бытового строительства самого юного индустриального города республики.

Вольно и молодо раскинулись строгие кварталы Темир-Тау на берегу гигантского Нуринского водохранилища.

Сейчас уже металлурги получили свыше сорока тысяч квадратных метров жилой площади в новых, отлично оборудованных коттеджах и многоквартирных домах. Превосходный летний кинотеатр, построенный в городском парке Темир-Тау, мог бы быть украшением любого столичного парка. Четыре великолепных школы-десятилетки подарили строители детям юного города. Свыше четырех тысяч школьников начинают теперь каждый учебный год в новых, полных света, тепла и воздуха классах, где пахнет мелом и масляной краской и солнечные блики отражаются в полированных крышках парт.

Черты этого нового города металлургов сказываются во многом. Их видишь в строгой планировке асфальтирующихся улиц, в ослепительной белизне домов, в свежей зелени молодого городского парка, в простоте и изяществе многоэтажных жилых домов и в изобилии электрического света, щедро залившего заводские цеха, жилые дома и улицы. И в звуках заводских сирен, в грохоте прокатных станов, в ровном и мощном гуле турбогенераторов и мартеновских печей звучит над карагандинской степью великая индустриальная симфония нового промышленного очага Казахстана.

По вечерам в просторной четырехкомнатной квартире Алтынбека Дарибаева нередко собираются теперь друзья — сталевары и прокатчики, электрики и литейщики с родного завода. Большинство из них — сверстники Алтынбека, товарищи не только по совместной работе в цехах, но и по совместной учебе на старейших металлургических заводах Южного Урала. Частые гости Алтынбека Дарибаева — сталевары Искандер Валеев, Нахреддин Убайдуллаев и Еркен Марашев, прокатчики — Нурбек Телебаев и Жакан Сатыбалдиев. Это люди одного поколения, одной судьбы. Все они воспитанники комсомола, а теперь — члены Коммунистической партии.

Собираясь вместе в часы досуга, эти по-юношески озорные молодые люди представляют довольно шумную, веселую компанию.

Народу в квартире Алтынбека собирается иной раз

немало. Но у гостеприимного хозяина и приветливой, расторопной молодой его хозяйки места хватает для всех, и ни один из зашедших на огонек друзей не скучает в этой уютной квартире. Одни играют в шашки и шахматы. Другие развлекаются состязанием в виртуозной игре на домбре. Третьи возятся с превосходным девятиламповым радиоприемником.

А чаще всего молодые друзья, собравшись в кружок в одной из уютных комнат хозяина, коротают время за душевным разговором о родном заводе. Стоит только одному из них заикнуться о технологии выплавки стали или проката, как тотчас же, слово за слово, в беседу включаются все присутствующие.

Так было и в этот праздничный вечер, когда мы, приглашенные Алтынбеком, сидели в кругу его друзей за чашкой чая и мирно болтали о том, о сем.

Яркий электрический свет, смягченный голубым шелковым абажуром, озарял большой круглый стол, накрытый ослепительно белой скатертью и в изобилии заставленный угощениями. Весело пофыркивал кипящий самовар. Из настроенного на алма-атинскую волну радиоприемника лилась негромкая трепетная и светлая мелодия «Казахского вальса» — пела народная артистка Союза ССР Куляш Байсеитова.

Разговор на этот раз зашел между молодыми сталеварами о книге академика М. Павлова «Воспоминания металлурга».

— Замечательный старик! Замечательная книга! — сказал Алтынбек Дарибаев. — Я всю ночь просидел — читал не отрываясь.

— Очень интересная книга. Мы все ее должны прочитать, — оживленно откликнулся Искандер Валеев.

— Правильно пишет старик, что сталеварение — это искусство, — продолжал Алтынбек Дарибаев. — А всякое искусство, кроме трудовых навыков и профессионального мастерства, требует вдохновения. Вот почему знаменитые русские сталевары, как пишет Павлов, умели и умеют «слушать» мартены и домны — по звукам кипящей стали определять качество и время плавки.

— Это правильно сказано — «слушать печь!» — сказал Нахреддин Убайдуллаев. — Я не читал книги академика Павлова, но сам давно замечаю, что можно по слуху оп-

ределить, когда «доходит» металл и как начинает петь каждая плавка в печи мартена.

Кто-то из ребят незло пошутил по адресу Нахреддина Убайдуллаева, припомнив об одной неудавшейся его плавке.

— Теперь все ясно, Нахреддин. Выходит, что слух у тебя неважный. Помнишь, как ты запоролся на двадцать второй твоей плавке?!

— Да, был грех...— признался со смущенной улыбкой сталевар.— Запоролся. «Сыграл в козла». Мне, конечно, еще далеко до таких мастеров, как, скажем, глава знаменитой династии русских металлургов почтенный Иван Григорьевич Коробов. Это же — бог, а не мастер! Но не помучишься — ничему не научишься, как говорится в одной хорошей русской поговорке. Придет время, и я, может быть, научусь так же слушать мартен, как слушает его знаменитый русский сталевар.

— Правильно. Придет время, и мы заслужим право назвать себя обер-мастерами! — поддержал бывшего своего подручного Алтынбек Дарибаев.

До глубокой ночи засиделись мы в этот вечер с друзьями Алтынбека Дарибаева. Многие говорили здесь о высоком уровне материальной и духовной жизни обитателей этой квартиры. И строгий порядок со вкусом обставленных комнат. И этажерка, битком набитая книгами, где рядом с объемистыми трудами по технологии стали стояли сочинения классиков марксизма-ленинизма и одномомники Пушкина и Чехова, Горького и Льва Толстого, и новинки советской художественной литературы — произведения современных русских и казахских писателей.

Когда между друзьями Алтынбека зашла речь о благоустройстве родного города, сталевар Еркен Марашев сказал:

— Наш город растет, как в сказке, — не по дням, а по часам. Теперь уже даже как-то не верится, что всего четыре года тому назад здесь еще не было ни улиц, ни тротуаров, ни асфальтированных мостовых, ни красивых многоэтажных домов. А сейчас и городской парк культуры разросся — залюбуешься. И десять новых школьных зданий — одно краше другого. И света на городских площадках и улицах — море.

— Город красив сейчас — не похаять. Но еще краше и лучше он будет в будущем, — сказал Алтынбек Дариба-

ев.— Недавно мне довелось принять участие в обсуждении генерального проекта города Темир-Тау. Не город будет — сказка, дорогие друзья! Один Дворец культуры металлургов чего стоит! А Дом Советов! А Дом техники! А здание Центральной городской библиотеки! А стадион! А трамвайные и троллейбусные линии!

— Тоже нашел чем восхищаться — трамваем! — полусерьезно заметил Искандер Валеев.

— А почему бы не восхищаться? Трамвай для нашего города — большое дело.

— Может быть... Но я предпочитаю собственный автомобиль. На первый случай — «Москвич», а потом — «Победу».

— Против собственного автомобиля никто из нас возражать, конечно, не станет. Мы с вами будем, допустим, ездить на завод на собственных машинах. Но найдутся и такие скромные люди у нас в Темир-Тау, которых пока вполне будет устраивать и трамвай, — рассудительно закончил Алтынбек Дарибаев.

Разговор о приобретении собственных автомобилей увлек всех гостей Алтынбека, и они со свойственным юности пылким воображением вновь хором заговорили, заспорили об экономичности «Москвича» и о комфортабельности «Победы». Искандер Валиев начал разговор о строительстве общественных гаражей для индивидуальных автомобилей рабочих завода.

— Давайте напишем коллективное заявление председателю городского совета товарищу Мухамедьярову, — предложил Искандер. — В самом деле, пора поднять и такой важный вопрос, как постройка общественных гаражей. Ведь в таком гараже легче будет организовать уход за автомобилем.

— Это правильно, Искандер, — согласился с ним Алтынбек Дарибаев. — Вопрос очень актуальный. Но, помоему, нам надо поставить его в первую очередь перед дирекцией нашего завода.

— Конечно, перед дирекцией. Алтынбек. Пусть товарищ Бакст позаботится о своих рабочих — владельцах автомобилей, — с живостью отозвалось несколько участников этой беседы.

Нурбек Тюлебаев усомнился — не рановато ли говорить об общественных гаражах, если машина еще далеко не у каждого? Но на него ополчились все хором:

— Мы живем не только сегодняшним днем.

— Правильно. Никогда не следует забывать и ●
завтра.

-- Вот именно. Главное — думать о будущем.

...Было уже около трех часов ночи, когда мы с друзьями Алтынбека Дарибаева покинули его полную тепла и света гостеприимную квартиру. В сопровождении хозяина мы вышли на залитую электрическим светом, пустынную и непривычно тихую в этот глухой полуночный час, городскую улицу.

Город спал. Тихо было на его площадках, на проспектах, скверах, бульварах и улицах. Только где-то поодаль слышался глухой вибрирующий грохот и гул. Это гудела кипящая сталь в огнеупорных утробах мартенов и лязгали циклопические челюсти прокатных агрегатов. Сжимая стальными зубами раскаленные слитки металла, прокатные станы выбрасывали огненные жгуты готовой стали самых разнообразных профилей.

Нет, ни днем, ни глубокой ночью ни на минуту не замирает звонкий, четкий пульс напряженной трудовой жизни этого молодого промышленного очага Казахской республики — первенца ее черной металлургии.

Мириады ярко мерцающих в ночи золотых электрических огней, сливаясь со звездами, озаряют многоэтажные жилые дома и гигантские заводские корпуса, просторные городские площади и аллеи молодых парков и скверов Темир-Тау.

Мы шли с друзьями Алтынбека Дарибаева по центральной городской улице, любясь монументальными фасадами многоэтажных жилых домов и общественных зданий, строгой планировкой городских кварталов и чистотой залитых асфальтом и обсаженных молодыми деревцами улиц.

Вдруг один из наших спутников — это был сталевар Искандер Валеев — крикнул:

— Смотрите, смотрите, какое зарево! Это смена Соснина жизни дает. Плавку начали.

— Рановато начали,— заметил кто-то из спутников.

— Скоростная!— сказал с гордостью Искандер и, взглянув на ручные часы, добавил:— Как всегда, жмут на час сорок пять минут раньше срока. Молодцы соснинцы! Джигиты. Орлы... Орлы!

Мы остановились среди улицы, заглядевшись на голу-

боватые вспышки огня, запылавшего над корпусом мартеновского цеха. Мерцая в ночном небе то нежно-золотистыми, то багрово-пурпурными, то аметистовыми отблесками и брызгами искр, гигантское огненное зарево, стремительно разрастаясь, вдруг забушевало над заводом, ярко озарив его дымящиеся трубы и корпуса. Было что-то победное, торжественное в этой озорной игре огненных красок, в неистовом их сиянии в ночи; и мы, стоя среди пустынной ночной улицы, не в силах были оторвать восхищенных взоров от этого волшебного, ослепительного блеска кипящей стали, отраженным огнем которой светилось над ночным городом металлургов высокое звездное небо.

В ДАЛЕКОЙ НАШЕЙ СТАНИЦЕ...

Поэзия русской зимы!

Вот она раскрывается за моим окном в это яркое февральское утро во всем своем ослепительном блеске и неповторимом великолепии. Она в алмазном сиянии искромётных снегов. В тонком, нежном кружеве инея на ветвях, в одиночестве пригорюнившейся у прясёл юной березки. В зыбких, трепетных стуйках сиреневого дымка над трубами заснеженных хат. В голубом огне льдов, наглухо заковавших в прозрачную броню беспокойную воду большого станичного озера...

Там, по ту сторону этого озера, неприметно смыкаясь с чуть намеченным горизонтом, лежит надёжно прикрытая полуметровым снежным покровом безмолвная степь с акварельными набросками небрежно раскиданных по гигантскому её полотну берёзовых рощиц и перелесков. Степь зимою — как море: не один раз на дню меняет свою окраску. Розовая от восхода, она обретает к полудню то матово-голубой, то изумрудный оттенок и фиолетово-синими красками начинает играть на исходе недолгого январского дня, радуя, томя и тревожа душу поэтической прелестью зимнего вечера.

А потом неслышно прокрадется в эти просторы, прикрываясь дремотными крыльями синих сумерек, осторожная, чуткая к каждому звуку и шороху, зоркая, как волчица, зимняя ночь. Нет, ни с чем не сравнишь, пожалуй, волшебного её очарования! Червонное золото звезд, отражённых снегами, жемчужные ожерелья и хрустальные сережки деревьев в тихом зимнем саду...

О нынешней зиме старые люди в нашей станице говорят с удивлением и уважением:

— Ну, хороша-а! Ну, и бедовая, матушка!

Они, потомственные земледельцы, всегда оценивают явления природы со своей, глубоко земной, практической точки зрения. Вековой опыт их предков, в поте лица добывавших хлеб свой на древней этой земле, научил и этих, горячо влюблённых в свой труд людей, бойко и бегло читать живой календарь природы. Вот почему многие из них — одни, руководствуясь многолетними личными записями, другие — завидной памятью — часто почти безошибочно могут судить по минувшей осени о грядущей весне, а по наступившей зиме — о будущем лете. Больше того, разработав свою систему расчетов, основанную на долголетнем опыте наблюдений времён года, некоторые из этих людей довольно точно могут определить в декабре, скажем, периодичность и характер майских дождей, а в январе — погоду июня. Не берусь судить, сколь часто совпадают предсказания наших «синоптиков» с научно-обоснованными прогнозами службы погоды и кто из них чаще оказывается ближе к истине...

Прошлогодня осень, по мнению наших старых мастеров земледелия, была на редкость хорошей. Почти полтора месяца кряду лили и лили, как из ведра, дожди. Дороги — ни пройти, ни проехать. И далекая наша станица, отброшенная на сто шестьдесят километров от областного центра и за восемьдесят — от ближайшей железнодорожной станции, в течение целого месяца была, в сущности, отрезана от «большой земли», если не брать в расчет телеграфно-телефонной связи с любым пунктом Советского Союза.

— Вот дает жизни погодка! Чорт знает что! — пушили ненастную осень застрявшие в пути водители груженных зерном автомашин.

— Благодать — не осень! Вдоволь насытится нынче мать-сыра земля влагой для прока, — говорили, радуясь затяжным, бурным осенним дождям, старые хлеборобы. И вот те же противоречивые речи звучат в народе и о нынешней зиме. Необычно ранняя — даже и для Северного Казахстана — и не в меру суровая, с неслыханно обильными снегопадами и сорокаградусными морозами в первой половине ноября, с неистовыми декабрьскими вьюгами, с хрупкой январской тишиной в поседевших от стужи лесах, она лишила спокойного сна по ночам колхозных животноводов, но зато окрылила земледельцев обилием добрых примет, сулящих немало благ тружени-

кам мирных пашен: и раннюю дружную весну и теплые грозные дожди — на первые всходы, и щедрые росы — к наливу хлебов, и погожее лето...

При безветрии в первые зимние дни снег, выпавший в изобилии и затем спрессованный арктическими морозами, лег на поля ровным, плотным, весомым, как литая броня, слоем метровой толщины. И штормовые декабрьские ветры уже не страшны были для озимых посевов, для паров и зяби, надежно прикрытых этой снежной броней.

Вот так одних прижимает, допекает, тревожит новыми хлопотами и заботами, других веселит, ободряет и радует нынешняя зима с ее крутым, мятежным нравом, с ее грозными метелями в конце декабря и такими морозами в январе, при которых, потрескивая, рвались на части льды по озерам и воробы, говорят, замерзали на лету...

— Сильна! — говорят, поминая крепким русским словом эту зиму, неунывающие шоферы станичной автороты.

Уж им-то достается нынче на шестидесятикилометровой трассе от нашей станицы до Петропавловска.

В яркие зимние ночи и в полутёмные от метелей дни отважно «газуют» колонны заиндевелых грузовиков по неверной, переметённой сугробами, изрытой и перерытой ухабами траншейной дороге. Они везут в город дары земледельцев и скотоводов, маслоделов и охотников: литое, как плавленное золото, зерно пшеницы и заплывшие жиром мясные туши, бочата высокосортного сливочного масла с маркой «экстра» и тюки тонкорунной шерсти, шкуры нашей лесостепной пушнины и штабеля спрессованного в брикеты полуфабрикатного табака.

И город не остается в долгу. Он расплачивается за деревенский хлеб и сырье отменными промышленными товарами и первоклассными сельскохозяйственными машинами.

Многим богат и славен, может быть, и не очень приметный издали лесостепной наш район с неяркой красотой его пейзажей, во многом напоминающих и Подмоскovie и среднюю полосу России; с самобытной прелестью буйно заросших шиповником и дикой вишней светлых березовых его рощ; с лазурным сиянием безмятежных в безветрие, никем не считанных его озер, отражающих летучие облака в знойные летние полдни...

Богаты мы хлебом и нетронутой еще целиной. Богаты

прижившимися в наших местах таежными красавцами-лосями и стаями диких коз — грациозных и благородных творений природы. Не бедны осторожным пушным зверем и пернатой дичью. У нас — косяки русско-рысистых коней и стада коров высокопродуктивной породы. Мы гордимся своей сельскохозяйственной техникой и черноземом плодородных колхозных пашен. Но самое главное наше богатство — в трудолюбивом народе, вскормленном родной землей!

У нас в районе четыре машинно-тракторных станции и три крупных совхоза с двухтысячной армией механизаторов. В авангарде этой армии — люди того «широкого профиля», о которых говорил Никита Сергеевич Хрущев на Сентябрьском пленуме. Это — гвардия сельской технической интеллигенции. Одаренные природной смекалкой, живым воображением и любознательностью, эти люди с их творчески-страстным отношением к труду выросли за последние годы из рядовых трактористов в механиков-универсалов. Они могут стоять за штурвалом комбайнов и мастерски управлять самоходной сенокосилкой, заменить в случае нужды токаря в машинно-тракторных мастерских или шофера на колхозном грузовичке. Они — слесари и электросварщики, знатоки технологии холодной или горячей обработки металла, бойкие электрики и смышленные мотористы. Большинство этих людей столь разностороннего профессионального навыка работают в старейших наших МТС со дня их организации по два с лишним десятилетия.

Двухтысячная армия механизаторов нашего района, возглавленная сейчас приехавшими к нам из городов высокообразованными инженерами и агрономами, — это ли не великая сила?! Но большому кораблю — большое и плавание! Только одной целины, например, предстоит здесь поднять в этом году около шестидесяти тысяч гектаров, и пятнадцать тысяч из них — под яровые нынешнего весеннего сева. Задача не из легких. Впереди — жаркая битва хорошо технически оснащенной армии хлебобобов за стопудовый урожай, за покорение веками нетронутой лемехами степи, за превращение седых ее ковыльных равнин в жаркое золото дремучих нив...

Исход этой битвы предрешают сейчас механизаторы МТС и колхозные кузнецы, слушатели агрокружков и придиричвые агрономы, непоседливые бригадиры полевод-

ческих бригад и все рядовые труженики необычно оживленной в эти январские дни, суетливой, шумной, веселой деревни.

Ко многому присмотрелся я, многое запомнил, сберег в душе за последние полтора десятилетия, почти безвыездно проведенных в родной станице. Был я в своё время свидетелем и величайших социальных сдвигов и грозных классовых схваток в годы зарождения и становления первых колхозов в этих близких сердцу местах. Это была незабываемая героическая пора в жизни деревни, о которой и теперь нельзя вспомнить без светлого, трепетного волнения. Это были дни, когда наша партия настежь распахнула перед крестьянством ворота в широкий простор, полный великих чаяний и свершений. И простор этот и радовал и пугал тревожно-изумлённую и полурастерянную в те дни деревню...

Как начинающий тогда литератор, я почел за свой долг откликнуться на события, глубоко потрясшие вековой, привычный уклад с детства знакомой мне сельской жизни. И, волнуясь, боясь остаться в хвосте у бурного потока событий, торопливой, неопытной рукой попытался запечатлеть их в моей «Ненависти» — книжке (как бы ни была она слаба и наивна по нынешним моим понятиям!), которой суждено было стать известным этапом в творческой моей судьбе.

С тех пор много воды утекло. И ничем уже не напоминают современные наши села навсегда ушедшую в прошлое деревню старой Руси. Большой, сложный, нелегкий путь прошла эта деревня.

Прожив немалоое время в центре крупнейшего в Северном Казахстане зернового района, активно вторгаясь — волей или неволей — в повседневные общественные интересы сельской жизни, я не мог, разумеется, не замечать этих великих перемен и в жизни колхозной деревни и в судьбах людей. И невесело признаваться в том, что эти очевидные всем жизненные явления не находили художественного отображения в новых моих книгах, которые, будто, положено мне давно уж написать...

Что ж, теперь, когда я вновь обрел счастливую жажду к бессонной, нервной, радостной и мучительной работе и рукопись нового моего романа о современниках лежит уже немалой стопою на моем столе, мне легче говорить о том затянувшемся творческом кризисе, который с такой

беспощадной прямоотой и правдивостью большого художника описал Александр Твардовский в своей превосходной поэме «За далью даль». И не я ли в числе прочих пережил такое время!

«Когда был всеми шумно встречен,
Самим Фадеевым отмечен,
Пшеном в избытке обеспечен,
Друзьями в классики намечен,
Уже почти увековечен,
И хватать писать — пропал запал.
Пропал запал! По всем приметам,
Твой гордый день вступил в права.
Все — звоном, запахом и цветом —
Тебе нехороши слова»...

Нет, не в укор и не в оправдание себе привожу я удивительные эти строки, а в подтверждение той горькой правды, которую высказал за многих из нас большой поэт, в свидетельство того незavidного душевного состояния, в котором пребывал долгое время и я... Всё, кажется, было дано. И яркая жизнь твоих современников во всех ее многогранных проявлениях, которую наблюдал и изучал ты не урывками, не по так называемым творческим командировкам Союза писателей. И в каком-никаком даровании, как будто, не было тебе прямого отказа. И некоторый литературный опыт, кажется, был налицо. И не было только самого главного: новой книжки твоей о сегодняшнем дне деревни, которую ты, надо думать, знаешь и любишь... Так пусть же будет трижды блажен тот из моих собратьев (да простит мне читатель эту старинную форму выражения!), кому суждено снова вернуться в строй нашей советской литературы и не терять уже больше ни ноги, ни чувства локтя на трудном марше...

Я помню мартовские дни 1930 года, когда была обнародована знаменитая статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов». О том, что тогда творилось в деревне, лучше не рассказывать, чем это сделал первоклассный наш современный русский писатель М. А. Шолохов в «Поднятой целине». Но можно смело сказать, что политическое значение сентябрьских событий 1953 года — явление столь же эпохиальное в истории колхозной деревни, каким был год великого перелома.

Решения Сентябрьского пленума Центрального Комитета нашей партии были восприняты в деревне как боевой клич. И как тогда, в марте 1930 года, чи-

тались и перечитывались в каждой колхозной семье почти **заученные** наизусть программные документы Пленума. И привычное слово **п а р т и я** звучало в народных устах как девиз трудовых подвигов во имя всеобщего мира на земле и благополучия советских людей.

Говорят, Сентябрьский пленум открыл перед тружениками колхозной деревни новые горизонты. Но он открыл и громадные резервы животворных творческих сил в великом нашем народе. Скажу не для красного слова: никогда прежде не работали с такой душевной охотой, так дружно, так шумно и весело деревенские люди — на ремонте ли трактора в мастерских МТС, на снегозадержании ли.

Не потому ли и меня, быть может, вдруг какая-то неотразимо властная сила толкнула к активному вторжению в эту полную новизной жизнь! Я вернулся к творческой работе, по которой вдоволь натосковался.

И если писатель, начав новую книгу о своих современниках, тем самым активно вторгается в жизнь, то и сама жизнь не менее активно начинает тотчас же вторгаться в его работу. Литератор, постоянно живущий в деревне, слышит здесь за такого же своего районщика, как, скажем, уполминзаг или председатель райпотребсоюза — людей уважаемых в районе и более, кстати заметить, доступных критике со стороны рядовых деревенских людей, чем иное руководящее районное начальство... За мной, например, прочно закрепился тут титул «районного писателя». Так величают меня и на собраниях, когда избирают в президиумы... Вполне понятны и требования ко мне со стороны моих земляков: поскольку тебя почитают за своего районного литератора, ты обязан с честью оправдывать это звание: болеть душой за свой район и отражать в своих книгах его жизнь.

Об этом не раз заводили со мной прямой разговор и председатели колхозов и рядовые колхозники. На это же нередко намекало мне и районное начальство. Разница только в характере этих разговоров и намеков. Простой народ, как правило, советует обратить внимание на те или иные отрицательные жизненные явления, начальство же, оперируя сводками, рекомендует «выпячивать» (к сожалению, бытует в богатом русском языке столь несуразное слово!) достижения в экономике и культуре района...

Не всегда в таких случаях приходится говорить всякие умные книжные слова о природе обобщений, о законах объективного отражения жизни в искусстве, о том, что писатель, дескать, не простой летописец и не фотограф...

Выслушав однажды такое книжное мое объяснение, Савва Григорьевич Калугин — один из старейших колхозных вожаков в нашем районе, председатель передовой сельхозартели имени Ворошилова, — сказал мне на это:

— Ты мне воду на киселе, Петрович, не разводи... Не хочешь нас в книге отразить — не отражай, дело хозяйское. Спорить не стану, мы, может быть, в общем и целом до отражения еще и не доросли. Зато фруктовый сад у нас — сам просится в книгу. Ты только сумей его описать!

А сад в этом некогда захудалом казачьем поселке Усердном и в самом деле — чудо! Первый и пока единственный колхозный фруктовый сад в нашем районе. Старожилы поселка, знавшие прежде о яблоках, грушах и сливах только понаслышке, впервые получили в прошлом году на трудодни по несколько килограммов собственных фруктов. А колхозу он дал четыреста двадцать тысяч рублей дохода. И это в год первого плодоношения!

Любуясь в минувшую осень прелестными юными яблонами этого сада, щедро унизанными плодами, багровотемными гроздьями бухарских и владимирских его вишен, рдевших под солнцем, как вороха жарких углей, подернутых пеплом, дыша сладким и тонким его ароматом, столь непривычным и странным среди милых сердцу горьких запахов осенней степи, я думал как раз о том, что хорошо бы донести когда-нибудь до читателя всю новизну и красоту этих ощущений.

И прав был Савва Григорьевич Калугин. Сад действительно просился на полотно или в книгу, столько было поэтической свежести, торжества жизни в его возмужалых, окрылившихся деревцах, неподвластных теперь уже ни весенним заморозкам, ни лютым в этих краях зимним стужам!

Да только ли этим садом красно нынче привольное и веселое село Усердное с его опрятными улицами, освещенными по ночам электричеством, с его новым красивым клубом, мощным радиоузлом и семилетней школой?!

Есть такие уютные села у нас в районе... Но вот в чем беда: этого не скажешь про районный наш центр — станицу Пресновскую. Утратила с некоторых пор наша

саница былую славу благоустроенного культурного центра.

Наша саница — одно из самых старейших, так называемых линейных, русских поселений не только в Северном Казахстане, но и в Западной Сибири. В 1952 году она могла бы скромно отметить свое двухсотлетие. Могла бы, если бы нынешние хозяева района проявили интерес к ее во многом примечательному прошлому, более деятельно и активно жили бы сегодняшним ее днем и выказывали какую-то заботу о ее будущем.

К слову сказать, Пресновка — родина известного ученого, отважного путешественника и исследователя внутренней Азии, Монголии, Джунгарии, Китая и восточной части Тибета — Григория Николаевича Потанина. Один из крупнейших современных ученых, старейший академик В. А. Обручев в своей монографии, посвященной жизни и деятельности знаменитого нашего земляка¹, уделил немало места описанию дореволюционной Пресновки.

Старожилы нашей саницы ревниво хранят память о знаменитом своем земляке. Около года тому назад сельские депутаты на одной из сессий Пресновского сельисполкома подняли вопрос о сооружении в санице бронзового бюста Г. Н. Потанина. Но хорошая эта инициатива саничных патриотов, не встретив поддержки у руководителей района, не получила практического разрешения. Больше того, единственный портрет Потанина, нарисованный местным художником, учителем А. Гагиным, валяется где-то за книжными шкафами в учительской комнате Пресновской средней школы!

Странное безразличие нынешних хозяев нашего района к памяти выдающегося ученого, уроженца Пресновки, становится понятным в свете других фактов. Вот они.

В канун Отечественной войны саница за одно лето обогатилась хорошим типовым зданием районного Дома культуры, тепловой электростанцией и отлично оборудованным летним театром, спортивным городком, читальней, рестораном, танцевальной площадкой и различными аттракционами, парком культуры и отдыха. В строительстве всех этих замечательных очагов культуры принимало деятельное участие не только все население ста-

¹ Академик В. А. Обручев. Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность, изд. Академии наук СССР, 1947.

ницы, но и колхозная молодежь ближних к райцентру сел.

Скоро ключом закипела творческая энергия в драматических и хоровых, музыкальных и хореографических коллективах художественной самодеятельности станицы. Одни за другим шли спектакли классических и современных советских пьес, поставленные на сцене Дома культуры местными артистами во главе с их старейшим руководителем, бесспорно одаренным режиссером, связистом Иваном Андриановичем Тарановым. Частые постановки пьес чередовались с концертами, с тематическими вечерами и увлекательными лекциями. И ярко освещенный по вечерам, со вкусом обставленный, уютный Дом культуры ломился от зрителей.

Многолюдно, шумно и весело бывало в летнюю пору в чудесном станичном парке, где играл в погожие вечера духовой оркестр...

Так было.

И вот как стало. Четвертый год печально безмолвствует заброшенный, разгороженный, обреченный на верную гибель парк. Только и живности в летнюю пору в нем, что телята, мирно пасущиеся по заглохшим аллеям, да лошади, спасающиеся от овода и жары в тени его пышных кленов. Чья-то варварская злая рука поднялась на чету тридцатилетних светлых берез, что некогда встречали у входа в парк толпы веселой молодежи. Теперь от этих застенчивых северянок остались одни зверски обезображенные неверными ударами топора пеньки с обледевшими каплями сока в зарубках да несмелыми намеками на побег у самых корней, прочно уцепившихся за животворную землю... Поодаль от них пока еще красуется хоровод более юных березок, словно выскочивших из парка к кому-то навстречу. Но похоже, что и перед этими невинными созданиями не дрогнет в разбойничьей руке топор, начавший уже палаческую расправу.

Я все ждал, не дрогнет ли сердце при взгляде на гибнущий парк у руководителей нашего района? Оказывается, не такое сердце у председателя пресновского райисполкома Анатолия Арефьевича Макарова или у секретаря райкома Александра Васильевича Долженко, чтобы трепетать из-за «пустяков», перед какими-то там загубленными березками. Пристало ли руководящим товарищам района впадать в такие сентименты!

К тому же Макаров и Долженко могут нам тотчас же

в голос возразить, что парк культуры и отдыха в Пресновке все-таки есть. Так именуют они скромный школьный садик, обнесенный невзрачной изгородью с убогими воротцами, и оборудованный... пивным ларьком! Впрочем, пива там не бывает. Но водки — залейся! А так как никаких намеков на культурный отдых в этом «парке» нет — тут и присесть-то не на что! — то одни из посетителей в охотку, другие — от смертной скуки, послонявшись по скучному садику, становятся в очередь к унылому ларьку...

И не удивительно, что оказённый, превращенный в питейную забегаловку школьный сад, став с недавних пор запретным в летнюю пору для ребятишек, утратил былую свежесть и чистоту. Без воинственной мальчишеской беготни по аллеям, без молодецкого свиста и перекличек детей в зарослях старых акаций, без их смеха и пионерских напевов, без горького плача обиженного сверстником малыша томится он нынче в тихой скуке с весны до осени...

А по соседству с этим «питейным райсадом» возвышается на центральной станичной площади знаменитый Пресновский Дом культуры. Знаменитый — без всяких кавычек... О нем частенько упоминалось с похвалой в областной и республиканской печати, и похвала эта в прошлом была вполне им заслужена! А в одном из последних киножурналов Алма-Атинской киностудии, посвященном итоговому концерту республиканского смотра сельской художественной самодеятельности, этот, в сущности, скромный наш клуб назван даже «Дворцом культуры»! Это так, видно, польстило руководителям Пресновского района, что они, посмотрев киножурнал, незамедлительно приняли на бюро райкома решение о переименовании клуба в «Дворец культуры», попутно предупредив в конце этого же поспешного решения директора «дворца» Петра Федоровича Батырева о том, что, если он и отныне не покончит с пьянством в служебное время, то будет в конце концов отстранен от высокой должности...

О пресновском Доме культуры, если угодно, имеется даже «специальная литература». Так, в конце прошлого года Казгосиздат выпустил в свет произведение Е. Ивановой — сотрудницы республиканского Дома народного творчества, написанное, как явствует из текста, со слов все того же директора нашего Дома культуры П. Ф. Ба-

тырева. Если верить на слово авторам этого бойкого и, мягко говоря, малоправдивого сочинения, то можно подумать, что пресновский Дом культуры — явление из ряда вон выходящее. С каким блеском поставлено дело в этом образцовом во всех отношениях культурно-просветительном очаге! Тут и бурная деятельность драмкружковцев с их частыми постановками новых спектаклей и с углубленной творческой работой самодеятельных актеров над ролями чуть ли не по системе К. С. Станиславского. Тут и еженедельные «четверги» молодежи. И так называемые тематические вечера. Встречи с механизаторами МТС и мастерами высоких урожаев. И «дни сельской интеллигенции». И активная деятельность лекторской группы. Не забыты даже кружки кройки и шитья и любителей автототоспорта...

Так картинно выглядит наш Дом культуры в бойком сочинении Е. Ивановой и её, видать, щедрого на воображение соавтора П. Батырева. Открываем карты. Все это — сущие вымыслы! Ничего похожего на это здесь нет и в помине. В прошлом — другой разговор. Все, или почти все, это было. Но это было давно, и мало кто точно помнит сейчас в станице, когда это было: десять или пятнадцать лет назад... Авторы, между прочим, утверждают: «В помещении Дворца культуры тепло и уютно». Но и это — неправда. И чудовищно холодно. И неуютно. Наоборот, неопрятно, неряшливо и постыло, как на каком-нибудь захудалом постоялом дворе, что водился на Руси в допотопное время... И ни одного спектакля за зиму не увидели нынче станичники. И ни один кружок не работает. Да и работать-то им негде, потому что подсобные комнаты Дома культуры, предназначенные для занятий кружков, заняты... аппаратом работников районного отдела культуры.

Цитируя самого себя в вышеупомянутом сочинении, П. Батырев заявляет: «Можно смело сказать, что мы не выполнили бы и десятой доли той работы, если бы не опирались на актив, на людей, которые искренне, горячо заинтересованы в своем Доме культуры». На самом деле давно растерян тот актив людей с душой и талантом, творческой деятельности которого и обязан был в прошлом своей славой Дом культуры. Старый актив растеряли, а нового не смогли сколотить из талантливой молодежи, которой немало в станице.

Вот как лихо и гладко пишут о сельской жизни иные залетные авторы-верхогляды!

Но во стократ хуже, когда недостатков не замечают хозяева района и сочиняют гладкие решения, в которых за трескучими дежурными фразами с «холодным нарезом» нет ни жизненной правды, ни конкретных задач. Именно к таким формальным отпискам от живой жизни относится, в частности, и решение бюро Пресновского райкома партии о работе местного Дома культуры, и разве только ради злой шутки уместно было заводить речь о переименовании его во дворец...

Недавно приглашенный в гости к одному из колхозников местной сельхозартели имени Сталина, я встретил там механизаторов МТС и колхозных шоферов, бригадиров и рядовых колхозников. В числе гостей были и оба наших председателя — колхоза и сельисполкома. Председатель колхоза Михаил Гордеевич Михайлов и председатель сельисполкома Сергей Родионович Савинков — оба коренные пресновцы. Ну, слово за слово, зашел разговор и о моей работе. И гости стали наперебой говорить о том, что, по их мнению, я обязан буду отразить в первую очередь в новом своем романе. И весь разговор в основном свелся к судьбе родной нам всем нашей станицы.

— Прямо не узнаю я бывшей Пресновки, товарищи, — сказал демобилизованный сержант, сын хозяина.

— Еще бы узнал! Ведь только за последние два года свыше двухсот новых домов отбрыкали. А дома-то приметил какие? Деревянные. То пятистенки. То крестовые. Одни крыты тесом, другие — жостью, да еще и оцинкованной. Любо-дорого посмотреть, как зажил народ! — воскликнул, даже крикнув от удовольствия, председатель сельисполкома.

— Дома — это да. Строится у нас и живет народ правильно. Такое дело надо отразить в книжке... — поддержал его председатель колхоза.

Но тут, заметно оживившись, гости, перебивая один другого, заговорили:

— Хорошее — слов нет — отражай. Ну, и самокритику наводить не тушуйся.

— Вот именно. Так надо и записать: не стало, мол, у нас в Пресновке с некоторой поры былого порядку.

— Не станица — старорежимный аул с виду какой-то:

ни улиц теперь в ней толком не разберешь, ни переулков не угадаешь.

— И то правда. Да разве это дело — восьмерым хозяевам в одном квартале селиться?

— Кварталы позагустили — это еще пусть, полбеда. А вот две полувековых наших площади позастроили — картина совсем уже никуда не годна.

— А сад какой гибнет — сердце разрывается...

— Да и в райклуб не заходил бы...

— Новый наш колхозный клуб выглядит куда веселее.

— Еще бы! В нем по крайней мере тепло...

— Стой, ребята! Как бы мне про главную нашу обиду не забыть, — прозвучал высокий голос старика-хозяина. — Я про наше станичное озеро говорю. Подумать надо, три года кряду рыбу садили — и все прахом. А какой окунь до войны водился, помните?

— И не вспоминай, сват. Не бери мою рыбацкую душу...

— Снявши голову, по волосам не плачут... Какая же тебе рыба выживет в нашем озере, когда его третий год авторота отработанным автолом срамит, райбаня — помоями, промартель — вонючую воду из пимокатного цеха туда же спускает...

— Вот я и говорю: прямо подменили как будто за эти годы станицу — не узнаешь, — сказал демобилизованный сержант.

— Не станицу — хозяев, скажи.

— Что-то их не шибко заметно, хозяев-то...

— А это кто браток тебе?! — сказал сержант, указывая на смущенно и растерянно заулыбавшегося при этом председателя сельисполкома Сергея Родионовича Савинкова.

Все засмеялись, обратившись к смутившемуся председателю, выжидая, что он скажет на эту критику.

Но тут я почту за свой долг вступить за председателя нашего сельисполкома и сказать за него вот что. Сергей Родионович Савинков — один из лучших председателей сельсоветов нашего района, и совет, десятый год возглавляемый им, считается одним из передовых в районе. Как председатель. Савинков, при деятельном участии депутатов совета, сделал немало в прошлом для благоустройства родной станицы. Но вот задача: этот толковый,

распорядительный человек, поставленный по воле народа во главе местной власти, чувствует себя с некоторых пор связанным по рукам и ногам. И такое же ощущение часто испытывают вместе с председателем совета и его депутаты.

В чем дело?

На этот вопрос пусть ответят факты. После двух опустошительных пожаров, дотла уничтожавших Пресновку в 1891 и 1910 годах, приговором тогдашнего станичного общества был утвержден единый план застройки станицы. Сообразно с этим общественным приговором в четко запланированных квартальных квадратах дозволено было ставить не более четырех домов. Став в начале 30-х годов центром крупного зернового района, станица бурно росла и застраивалась. Были построены десятки общественных и сотни жилых домов, но никогда не нарушался при этом строгий порядок застройки жилых кварталов, утвержденный полвека тому назад разумным приговором станичного общества. Благодаря этой строгой планировке кварталов и улиц большая станица выглядела опрятной, собранной и уютной.

Но с появлением в нашем районе новых хозяев не замедлили сказаться и новые «порядки». За одно минувшее лето с великодушного дозволения председателя райисполкома Анатолия Арефьевича Макарова были застроены две площади, оберегаемые от застроек в течение полувека станичниками. На одной из них в центре станицы сооружены громадные оптовые склады райпотребсоюза, забитые теперь строительными лесоматериалами и различными промышленными товарами.

Напрасно местный совет, его председатель и все сельские депутаты бурно протестовали против застройки площадей да к тому же еще оптовыми складами огнеопасных материалов — все их решения и протесты ни к чему не привели. Застроенная площадь стеснила некогда хорошо оборудованный стараниями сельисполкома колхозный рынок.

— А куда же мы с рынком теперь, Анатолий Арефьевич? — взмолился председатель сельисполкома.

— Выселяйтесь, если тесно...

— Куда же прикажете?

— А на любую окраину...

— Помилуйте! Мы должны все-таки заботиться об удобствах населения.

— Все, Савинков. Разговор окончен. Я своих решений отменять не привык,— коротко и ясно заявил Анатолий Арефьевич, не привыкший, видимо, считаться ни с решениями сессий депутатов местного совета, ни с мнением многотысячного населения станицы.

Такая же чехарда началась в станице и с постройкой новых домов. Селиться стали теперь кому как бог на душу положит, не признавая планировки кварталов и улиц — и все это опять-таки с личного дозволения Анатолия Арефьевича Макарова. Он неизменно накладывал свое вето на любое решение сессии сельсовета, законно пытавшейся вмешаться в вопросы благоустройства станицы.

Вздумалось, например, бухгалтеру местного отделения Госбанка Овсову втиснуть свой новый дом в середину застроенного квартала — и втиснул, несмотря на запретное предупреждение сельского совета. Тогда этот вопрос был поднят депутатами на очередной сессии совета, и она приняла специальное решение, категорически запретив Овсову селиться в недозволенном месте. Неробкий бухгалтер бросился за надежной защитой в райисполком. И тотчас же оттуда телефонный звонок в сельсовет. Звонил на этот раз заместитель председателя райисполкома Стаценко.

— Передайте там вашим депутатам, что мы отменили их решение. Ясно?! — коротко сказал он секретарю совета и повесил трубку.

Да, ясно. «Мы» — это Анатолий Арефьевич Макаров. И там, где был Анатолий Арефьевич, депутаты местного совета умолкали. Неясно тут только вот что: кто будет в ответе перед жителями станицы в случае повторения стихийного лиха, подобного тому, какое дважды постигло ее в течение последнего полувека!

Не одно решение за последние три года было принято сельисполкомом о прекращении сброса промышленных нечистот в станичное озеро. Этот великолепный естественный водоем с изумрудным свечением некогда прозрачной и чистой воды кишмя кишел в прошлом жирными, увесистыми окунями и совершенно необыкновенными по окраске и вкусу серебристыми карасями. Вся станица, бывало, зимой промышляла подледным ловом, а летом — сетями, бреднями, мордами, удочками, и рыба не шла на убыль. А теперь не осталось в нашем чудесном озере, кажется, ни одного живого малька. Попытки вновь развести карася

или окуня ни к чему не приводили: рыбадохла. Стало очевидно, что произошли какие-то погубные для живых организмов изменения в химическом составе воды, и это теперь нетрудно уже определить не только по ее иному привкусу, но и по пепельно-серому, мутноватому цвету.

Непонятно, как могут у нас иные руководители совмещать столь нетерпимое равнодушие к жизненно-важным вопросам культуры и быта трудового народа со своими пламенными речами об историческом значении решений Сентябрьского пленума Центрального Комитета нашей партии! Худо, когда слово расходится с делом!

Март, 1954 год.

ДОРОГА НА ЦЕЛИНУ

В скором поезде Караганда—Москва, остановившемся на станции Петропавловск, оказалось всего семь свободных мест, и те—мягкие. Суровый старик в дублевой сибирской борчатке, похожий на Льва Толстого, стоявший первым у билетной кассы, рассердился и стал пенять хорошенькой юной кассирше:

— Тридцать пять рублей? Это за сорок-то верст?! Креста на тебе, матушка, вижу, нету!

— Странные ваши слова,— отвечала, укоризненно покачивая головою, притворно-строгая кассирша.— Поезд скорый. Вагон, повторяю, мягкий. Это — во-первых. Во-вторых, тариф-то не я же ведь устанавливаю.

— Ну, мы тоже ишо пока не миллионеры — колхозными деньгами по таким тарифам сорить. Я оттуда за семь с полтиной прибыл, барышня!

— Правильно. С семьдесят четвертым. С пассажирским. В бесплацкартном вагоне. То есть в сидячем. Точно, семь пятьдесят,— подтвердила кассирша.

— Вагон был — куды с добром — чистая горница. И цена божеская. Не по целковому же с версты!

В нетерпеливой пассажирской очереди, вдруг пришедшей в движение, заворчали на замешкавшегося около кассы строптивого старика. Бравый парень в пепельно-сером ватнике, с вещевым мешком за плечами, стоявший вторым от кассы, сказал, слегка коснувшись рукою плеча старика:

— Ты, отец, не рядись. Вечером же пятьсот-веселый идет. Там за трояк со свистом доедешь. Куда торопишься? Тебе ведь, небось, не целину поднимать!

— Я свое отподымал, внук...— угрюмо проговорил старик, и из-под дремучих седых бровей его сверкнули на парня еще ясные глаза.

— Тогда посторонись маленько, папаша.

— А у тебя горит?

— Горит, батя.

— Орел! — полуудивленно, полунасмешливо сказал старик и посторонился, уступая место у кассы.

— Так как, братва, насчет мягкого? Рисуем? — коротко спросил парень стоявших в затылок за ним пятерых спутников.

Те переглянулись. Это были ребята — один к одному. Все в одинаковых стеганках, щегольски перехваченных в поясе армейскими ремнями, все в новых кирзовых сапогах, в лихо заломленных набекрень шапках-ушанках. У всех одинаковые вещевые мешки за плечами. Один из ребят держал в руках патефон. Другой — самый юный из спутников — красовался в очереди со старенькой шести-струнной балалайкой под мышкой.

Парень с патефоном заговорщически перешепнулся с соседом:

— Может, один-то перегон и на-ура проскочим? А?

— Можно бы и на-ура, только, если на ревизора напоремся, у меня лично денег на штраф не хватит, — сказал парень с балалайкой под мышкой.

Мимолетное колебание — и все весело крикнули парню у кассы:

— Крой ва-банк. бригадир!

— Не пятьсот же веселого ждать!

— Откупай два купе. Чего там!

Седьмое свободное место, благодаря пошкупившемуся сердитому старику, досталось мне, и через четверть часа мы уже расположились с ребятами в двух комфортабельных смежных купе мягкого вагона, как заправские пассажиры дальнего следования, хотя ехать нам было всего одну остановку.

Парень, которого называли бригадиром, сказал, оглядывая развалившихся на мягких диванах спутников:

— Культурно устроились. Как министры. А ну, Ваня, выдай по этому случаю ту твою полечку, как она, забыл, называется!

— Полька с комплиментами! — тоном заправского конференсье объявил за парня с балалайкой его сосед с веснушчатым лицом и смеющимися глазами.

Поезд неслышно тронулся. И вдруг брызги озорных, трепетных, искрящихся звуков, сорвавшись со струн не-

ожиданно певучей и звончатой старенькой балалайки, рассыпались по вагону. Затем, на секунду умолкнув было, они заиграли, подобно бурному вешнему ручью. Балалайка заливалась жаворонком, купающимся в потоках весеннего тепла и света, отбивала соловьиную трель, звенела, как серебряный девичий смех, полный огненного задора, мимолетных капризов и невинного лукавства.

Тут бригадира словно ветром сорвало с места, и он, картинно придерживая в воздухе невесомую руку воображаемой своей партнерши по танцу, чисто отработал отзвучившими, видать, на лихую пляску ногами несколько бравых па в такт деликатной польки. И невозможно было определить, кто был из этих двух ребят одареннее: самодеятельный ли музыкант с его непринужденно-мастерской игрою на старенькой балалайке или отплясывающий под его виртуозную музыку бригадир.

Но вот после вспышки в нашем купе художественной самодеятельности мы — слово за слово — разговорились. Ребята оказались моими попутчиками до конца неблизкого пути. Это были трактористы, прибывшие в наши края на освоение целинных земель с далекой от нас Кубани. Задержавшись в тресте с оформлением направлений, они запоздали на предыдущий поезд, с которым уехали их товарищи, и теперь торопились поскорее добраться следом за земляками до места своего новоселья.

Между тем ехать с комфортом нам оставалось недолго. Не успели мы толком перезнакомиться, как проводник предупредил нас о нашей остановке — первой от Петропавловска. Путешествие с удобствами завершалось. Далее предстояло преодолеть двухсотпятидесятикилометровый путь на попутных грузовых автомашинах по неторным местам, затопленным и размытым вешней водою проселочным дорогам, что пролегли к югу от Великого Сибирского пути, в глубь северо-казахстанских степей, в зону строительства новых зерносовхозов. Четверо из моих спутников с комсомольскими путевками и направлениями треста в карманах рвались подоспеть к началу пахоты целины в Джамбулском зерносовхозе, двое остальных — спешили в Украинский. Оба этих совхоза были соседями и базировались пока что в открытой степи на целинных землях Пресновского района.

Невеликая, вчера еще мало приметная на транссибирской магистрали железнодорожная станция Мамлютка,

где мы спешили с ребятами со скорого поезда дальнего следования, выглядела теперь непривычно-многолюдной, шумной и оживленной. Она напоминала сейчас бойкий сортировочный узел на подступах к большому индустриальному городу или же — огромную заводскую площадку: такой непрерывный металлический скрежет, грохот и гул царил на ее путях, забитых платформами с техникой, и как гудела не раскованная еще припоздавшей весной земля от рокота тракторных и автомобильных моторов.

Напряженно и бурно бился здесь пульс волнующей новизною, активной торжествующей жизни. Всюду — куда ни глянешь — дружно и споро работали люди, с охотой, с веселым сердцем, засучив рукава. В одном месте разгружались платформы с дизельными тракторами, дисковыми боронами, сеялками и пятикорпусными плугами. В другом — представители МТС и экспедиторы новых зерносовхозов принимали по актам только что прибывшие в их адрес бензовозы. В третьем устанавливали на специальные тракторные прицепы огромную цистерну емкостью в пятьдесят тонн. В четвертом грузили на автомашины стандартные детали сборных домов и тюки походных палаток, луженые котлы и армейские кухни, катушки телефонного провода и компактное оборудование полевых раций. Это был драгоценный груз, присланный родиной пионерам освоения целинных земель в бескрайних просторах Северного Казахстана, и бережно обращались с ним руки благодарных людей, готовых к подвигам в великой народной битве за превращение древней, седой от вековых ковылей земли в дремучие, как камышные займища, нивы.

В расчете на встречу с попутными грузовыми автомашинами мы выбрались с ребятами на грейдированный тракт и, облюбовав на обочине место посуше, расположились походным биваком. Припекало. Над пестрой от редких проталин степью текли трепетные, призрачно мерцающие вдали струйки марев. Невесомые, дымчатые, как газовые девичьи шарфы, облака кое-где висели в синем небе.

На большой высоте шли возвращающиеся в наши края дикие гуси, и сдержанно-радостный гогот их томил, волновал и тревожил душу.

— Есть предложение заправиться, земляки, пока мы тут загораем, — сказал Василий Ганжело — тот, кого величали товарищи бригадиром.

— Порядок. Есть заправиться, бригадир!— с живо-
стью отозвался на его предложение веснушчатый парень
и, ловко подкинув в центр нашего полукруга свой вещевой
мешок, мигом достал из него хлеб и три увесистых плит-
ки свиного сала.

Один из ребят разостлал на земле газету, которую
только что молча читал, и через минуту «стол был на-
крыт». Сдвинувшись потеснее, мы принялись за угощение
с тем аппетитом, какой знаком только дорожным людям
и земледельцам, познавшим сладость простой и здоровой
пищи в степи, на вольном весеннем ветру, под открытым
небом.

— Хлеб да соль, молодцы! — прозвучал вдруг над на-
ми глуховатый доброжелательный голос.

Вскинув глаза, мы опешили. Перед нами стоял знако-
мый старик в дубленой борчатке, похожий на Льва Тол-
стого.

— Номер! — с восторгом сказал парень с веснушка-
ми, глядя на невозмутимого старика смеющимися гла-
зами.

— Да ты, отец, на парашюте до нас приземлился, что
ли? — придержав во рту непрожеванный кусок сала,
спросил Ганжело.

— Не хуже того, сынок... Это ты ведь меня на пять-
сот-веселый оброк? А я не оробел и с курьерским прямым
маршем прибыл.

— Интересно девки пляшут! Да ведь билетов-то боль-
ше ни духу не было.

— Была бы, парень, смекалка...

— Неужели на-ура прикатил, папаша?! И на штраф
не нарвался? — с тревожным изумлением поспешно спро-
сил старика владеец патефона и почти угрожающе по-
смотрел при этом на смущенно улыбнувшегося ему бала-
лаечника.

— От штрафа уберег бог. Я на этот счет мужик обо-
юдный, — проговорил с облегченным вздохом старик и,
опустив усталым движением с плеча на землю крапивный
мешок с дорожной поклажей, присел на него, сняв шапку.

— Силен! — заметил как бы про себя бригадир. — То-
гда придвигайся, батя, к столу. Подкрепись с нами.

— Благодарствую. Было дело.

Все помолчали. Потом один из ребят спросил:

— И далеко следуешь, папаша?

— А восвояси, сынок. Восвояси. В родной колхоз. Верст триста отсюда. В степь, — скупое отозвался старик, неопределенно махнув рукою.

— Неволя же была тебе в такую распутицу триста верст киселя хлебать!

— Не в диковинку. Крепче поспится.

Видя, что старик не проявляет охоты к доверительной беседе с ними, ребята оставили его в покое. Аппетитно уплетая ломти пышной сибирской булки вприкуску с янтарным кубанским салом, они болтали между собою безобидный вздор. Старик сначала слушал их веселый разговор безучастно, но потом насторожился. И поняв, наконец, из дальнейших их разговоров, с кем свела его судьба на этой дороге, вдруг просветлел, и былая суровость его исчезла. Пытливо приглядываясь к молодым спутникам полными живого любопытства глазами, он говорил потом, взволнованно потирая свои большие, смолу, видно, не привычные к праздности, грубые руки:

— Кубанцы?! Далеко залетели, орлы! В добрый час. В добрый час, молодцы. Великое дело начинаете. И не легкое. Это — не с курьерским поездом один перегон на ура прокатить. Шутка, полтора-два тысяч га матерой земли за лето поднять, к примеру, в одном только нашем Пресновском районе, а по области, сказывают, и в миллион не сложишь! Такой почин только богатырям по плечу. Ну, да и армия в наших степях собралась, гляжу я, неробкая — молодец к молодцу — со всей России. И техники навалило — страсть подумать. Ничего не скажешь, сила! Только в технику-то, сыновья, как в землю-матушку, ишо душу вложить надо. А земля в краях наших — золотое дно. Разработай ее с любовью, зашумят здесь хлеба — как моря — не вычерпать!

— А вы что же, батя, коренной тутошний? — уважительно спросил старика бригадир Ганжело.

— Теперь, можно сказать, коренной. С полвека тому назад тут укоренился. Мы сюда с покойным родителем из Воронежской губернии на поселение вышли. Не от сладкой жизни переселялся наш брат тогда на край света, каким казалась в ту пору нам эта степь. Землей мы, правда, были здесь не обижены. Да не у всех новоселов хватало силы разработать ее. Пароконным плужиком целины много не подымеешь. Для этого дела тройка добрых коней была нужна. А большинство таких, как мы с роди-

телем, тогдашних переселенцев с грехом пополам одной лошаденкой на новом месте обзаводились. А то, разорившись за долгий путь, и этой радости не имели. Это вам нынче — все карты в руки. А мы бы и рады в ту пору выиграть, да у нас ни козырей, ни масти.

Ребята, слушая старика, наперебой задавали ему вопросы:

— Чем же вы жили, отец, тогда?

— А тем, что землю с ходу — в аренду кулачью, а сами — в работники.

— Обратно к ним же?

— Как по заказу. Никуда не денешься...

— Веселая была жизнь! — насмешливо сказал один из трактористов, присвистнув.

— Вот так и веселили нашего брата эти варнаки, сказать вам про них по-сибирски, аж почти до новой нашей артельной жизни с тридцатого года. Было дело, погребли мы лопатами чистого золота с этих земель в их закрома горы-горами. Ежегодно снимали мы с целины стодвадцатипудовые урожаи. А сами всю жизнь перебивались на чужих харчах с кваса на воду. Вспоминать начнешь про такую жизнь к слову — сердце захладевает.

— Ну, а нынче как тут живут у вас, отец, колхозники? — продолжали интересоваться кубанские трактористы.

— Не хуже добрых людей. Так я понимаю: от худой жизни мотоциклов и прочих там самокаток в драку бы в наших сельмагах не раскупали. Бабы и те, скажи, у нас в свою механизацию ударились. Сепараторы почти в каждом доме повыписывали. Швейные машины красуются в каждой горнице. В нашем, к примеру, Ворошиловском колхозе многие электрическими чайниками, утюгами и плитками обзавелись. А бедовые девки, посмотришь, и на работе в шелку форсят!

— Девки у вас здесь, батя, все, должно быть, бедовые, — сказал, крутнув с веселым отчаянием головой, тракторист с патефоном, не спуская при этом сверкающих глаз с двух девчат, проезжавших мимо по тракту на паре быков в бричке-бестарке.

Девушки, стоя в бричке в обнимку, словно позабыв про своих сонно бредущих быков, пели озорные частушки, жестко высмеивая ненаходчивых ухажеров. Заметив издали нездешних ребят на дороге, они явно адресовали эти

полные задора припевки им, хотя демонстративно и не смотрели в их сторону.

— Смотрите, у вас быки буксуют, девчата! А ну, дайте-ка им газку! — стремясь привлечь к себе хотя бы мимо-летное внимание девушек, крикнул парень с патефоном.

Но они, не удостоив его ответом, только надменно по-глядели в нашу сторону насмешливо-прищуренными глазами и снова дружно запели.

Ганжело, сделав вид, что не слышит ехидных девичьих припевок, спросил старика:

— И колхозы-миллионеры у вас водятся?

— А где же их нынче нсту? — ответил тот вопросом на вопрос. — За одну прошлогоднюю осень у нас в Пресновском районе их сразу шестеро появилось. Теперь очередь за остальными: у них прямая к тому дорога. Скажу опять же про свой колхоз Ворошилова. Мы в этом году четыре тыщи га целины осилим. Земля — чернозем в пол-аршина. На таких пластах зачерпнем хлеба, впору хоть собственный элеватор строй! Вот вам и прямые миллионеры. А ведь не одним хлебом мы живы. И скот у нас имеется. И молодой плодоягодный сад не в убыток.

— Эге, да вы тут и сады разводите? — удивился кубанец.

— Взялись за ум. Спыхватились. Шестой год об этом пекусь. Курсы даже на старости лет проходил по садовому делу. Теперь вот и ворочаюсь домой вроде как с высшим образованием... — заключил со смутной улыбкой старик и умолк, заслышав стремительно нарастающий рокот автомобильных моторов.

Спустя две-три минуты против нас на тракте остановилась громадная колонна грузовых автомашин. В кузовах, битком набитых людьми, звучал веселый и бойкий говор, звенел прозрачный и хрупкий, как родниковые ручейки, девичий смех; в молодых, возбужденно-шумных пассажирах этих машин можно было угадать прибывших в наши края новоселов. Спросили — правильно. Это была очередная партия добровольцев Москвы и Ярославля, Киева и Одессы, которые приехали в Северный Казахстан по комсомольским путевкам. Пересев в Петропавловске с поезда на эти машины, они ехали теперь к местам своего новоселья: в зерносовхозы и МТС, расположенные на целинных землях в глубине степей.

Не мешкая, мы погрузились в облюбованный нами, не столь густо набитый веселым народом кузов новенького «зиса», и шумная наша автоколонна тронулась под звуки крылатых молодежных песен в далекий, многих волнующий новизною путь.

Старый колхозный садовод, похожий на Льва Толстого, остался на тракте дожидаться попутной машины до своего колхоза. Стоя на обочине дороги, он напутственно помахал нам вслед своей мохнатой, похожей на казахский малахай шапкой, и пышная борода его, как поздний весенний снег меж проталинами, сверкала на солнце алмазами...

А спустя пять дней, когда мы с уполномоченным ЦК КПСС по группе новых зерносовхозов тов. Утегалиевым вошли в палатку дирекции Джамбулского совхоза, директор зерносовхоза Николай Яковлевич Татиевский взволнованно докладывал кому-то по рации:

— Сегодня с рассветом тракторная бригада краснодарца Василия Ганжело и бригада армавирца Ивана Острикова первыми в нашем совхозе начали вешнюю пахоту целины.

Рапорт директора подтверждался издали долетающим до стен брезентового шатра натужным гулом дизельных моторов, который впервые за всю свою вековую историю услышала теперь эта древняя, богатая животворными соками степь.

Август, 1954 год.

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

Худо спалось ребятам — трактористам и прицепщикам из бригады Василия Ганжело в памятные апрельские ночи 1954 года. Что-то не пахло пока весной ни в тесноватой палатке, ни за ее зыбкими стенами, трепещущими на студеном ветру. Мелкий, как сквозь частое сито, дождь, моросивший с обеда, перешел к вечеру в сухую, жесткую крупу. Не балуя дальних пришельцев ни теплом, ни солнцем, ни красками, запоздалая весна продолжала кружиться над новоселами, словно испытывая их терпение, и некоторые из менее выносливых — были, разумеется, такие — надули губы, зачесали затылки, завыдыхали по далекой, милой сердцу кубанской земле...

Что и говорить, нелегко было кубанцам сохранить жизнерадостность среди столь непривычной обстановки, когда весна скорее походила на позднюю осень, ледяной ветер прохватывал до костей, и снег, как в ноябре, порошил и порошил над степью.

Чуткий, наблюдательный бригадир Василий Ганжело заметил, что первым приуныл в его бригаде веснушчатый балалаечник Ваня Зыкин. Вместо озорной и лукавой «польки с комплиментами» Ваня, перестроив свою шестиструнку на минорный лад, все чаще и чаще томил и тревожил душу своих товарищей протяжными, грустными песнями.

Хотя бригадир и догадывался, что Ваня впадал в уныние не только от вынужденного безделья, бытовых неудобств и безрадостной погоды, но и от неотзывчивой на его душевные порывы юной прицепщицы, однако это не нравилось бригадиру, и он не выдержал и однажды грубо оборвал музыканта:

— Ты, Иван, эту музыку брось. Не ко двору она нам

приходится в данное время. Не та, понимаешь, союзница в нашем деле!

Ваня обиделся, но, зная крутой нрав бригадира, смолчал. Вздохнув, он бережно отложил балалайку и, виновато улыбаясь, сказал:

— Для веселия земля сия пока мало оборудована!

— А ты думал, тут калачи для тебя на березках висят?!

— Какие уж там калачи, если и берез-то не видно...

Все засмеялись. Но это был не тот смех, который звучал среди этих ребят на дальних подступах к целине, в уютных купе веселых, шумных вагонов.

Нет, неласково встретила целина веселых и дружных, молодых и отважных своих покорителей. Весна, отворив станковые жилы своих бурных ручьев, займищ и рек, скоро преградила дорогу колоннам груженных автомашин, и новоселы форсировали водные преграды с той же железной решимостью и упорством, как форсировали их отцы и братья огненные рубежи в годы Великой Отечественной войны. Крещенные в ледяных купелях вешних вод, овеванные дымом внезапных в такую пору метелей, просквозенные косыми ветрами, они прорвались к исходным рубежам великого наступления на целину. Но не все в канун решающих атак сберегли ту внутреннюю собранность и волевую решимость, которые свойственны настоящим солдатам, готовым к горячей битве.

В тракторном отряде Василия Ганжело оказались и такие залетные парни, которым он внутренне не доверял с первой минуты встречи. Один из них затесался в учетчики бригады.

Это был Виталий Важко, развязный, бойкий парень с красивыми глазами и элегантными манерами дамского парикмахера. В Краснодаре, до поездки на целину, он, якобы, работал в авторемонтной базе не то экспедитором, не то снабженцем. Но как-то не верилось, чтобы этот ловкий в движениях молодой человек имел какое-либо отношение к труду. Длиннополое пальто с сомнительно широкими плечами, зеленая велюровая шляпа...

Но дело, вопреки поговорке, было вовсе не в шляпе. Дело в данном случае оказалось в... гитаре, на которой не без блеска играл учетчик. Впрочем, с блеском играл Виталий Важко не только на одной гитаре, но и в... карты, втянув мало-помалу в нечистую игру многих тракто-

ристов бригады Ганжело. Искусно ведя игру, он в конце концов «обчистил» всех трактористов, а увлекающийся Ваня Зыкин в отчаянии проиграл даже балалайку...

Что же касается гитары, то этим скромным лирическим инструментом Вигалий Важко норовил «обыграть» девушек — от юной прицепщицы Вали Ковровой до пожилой, степенной и рассудительной поварахи тети Ули. Начинал лихой гитарист с жестоких романсов и двусмысленных куплетов, а кончал циничными приставаниями, угрожая девушкам уже не мрачными аккордами басовых струн, а физической расправой.

Настороженно приглядываясь к учетчику, Василий Ганжело не сразу разгадал в нем хулигана того современного толка, внешний лоск и манеры которых зачастую тонко маскируют в глазах нашего общества отвратительное их нутро. Но почуяв в ловком гитаристе опасного спутника своего молодого, еще не окрепшего в труде коллектива, бригадир терпеливо выжидал подходящего часа для разговора с ним «по душам».

Ждать пришлось недолго.

Это случилось в канун выезда тракторной бригады на пахоту.

Обосновавшись со своим тракторным отрядом в открытой степи, вблизи отведенного для пахоты целинного участка, Василий Ганжело и его бригада со дня на день, с часу на час ждали приказа дирекции о начале пахоты. Но после запоздало-бурного снеготаяния и чудовищной распутицы целинные степи снова сковало неслыханными в такую пору морозами. И трактористы, ютившиеся в тесных брезентовых палатках, вынуждены были томиться без дела.

Вот в эти-то невеселые дни томительного выжидания тепла и света и распахнул свое нутро длиннополый гитарист.

Как-то под вечер, когда Василий Ганжело, переговорив по рации с базой центральной усадьбы зерносовхоза, занялся на досуге изучением и без того наизусть известной карты своего участка целинных земель, к нему в палатку не вошла, а, как ему показалось, вбежала Валя Коврова. Она была явно взволнована, и по-детски пухлые губы ее дрожали.

— Что случилось? — насторожился бригадир.

— Ничего выдающегося, товарищ бригадир. Правда, я к вам по важному делу... Девчата меня послали.

— Слушаю.

— Знаете, мы решили уйти из вашей бригады.

— Кто это «вы?»

— Мы все, девчата. И тетя Уля.

— Как так уйти? Куда?

— Очень просто. В строительные бригады. Там дело не терпит. И вообще...

— Что вообще?

— И вообще там нам сподручнее...

Из дальнейшего разговора с Валею Ковровой Василий Ганжело так и не мог понять толком, что заставило девушек принять столь неожиданное решение. По поведению прицепщицы, по ее ответам он все же догадался, что не трудности бивачной жизни в бригаде испугали девушек, а что-то другое, о чем Валя не осмеливалась говорить.

Узнав о картежной игре Виталия Важко, Василий Ганжело припугнул учетчика прокурором и принудил в конце концов возвратить попавшимся на его удочку ребятам выигранные у них вещи. Но бригадир ничего не знал о ночных похождениях бравого гитариста, не дававшего покоя ни одной из бригадных девушек. Отбиваясь доступными им средствами от наступления неробкого и в таких делах кавалера, девчата тем не менее держали язык за зубами, так как боялись угроз и расправы.

Ничего не добившись на сей раз от прицепщицы, бригадир отпустил ее. Но не успела уйти Валя Коврова, как следом за ней явился не менее взволнованный Ваня Зыкин и напрямую сказал:

— Девчата не по своей охоте от нас уходят. От гитариста бегут. Только признаться тушуются, потому что боятся.

— Кого?

— Важко. Он им крепко-накрепко пригрозил.

— Чем же они ему не угодили?

— Известно чем. Не таковские... — сказал Ваня, смутившись.

И то, о чем лишь смутно догадывался бригадир, теперь стало ясно. Он понял, что настало время избавиться от опасного спутника их трудового коллектива.

В этот же вечер в бригаде появился один из руководящих работников районного центра, тучный, рано оживший человек с сонными глазами. Взмолванный чрезвычайным происшествием в своей бригаде, Ганжело рассказал ему обо всем. А тот, равнодушно выслушав бригадира, к великому его изумлению, не одобрил намерения удалить Важко не только из бригады, но и из зерносовхоза.

— Нет, бригадир, тут надо быть поосторожнее. Важко, как ни говори, патриот.

— Да какой же он патриот, если весь наш коллектив, как паршивая овца, грязнит! В картежную игру ребят втравил. Девчат из бригады выжил! — с возмущением воскликнул Ганжело.

— Таких воспитывать всем коллективом, товарищ, надо, — назидательно посоветовал уполномоченный из района.

— Ну, хорошо. Мы его завтра на общебригадном собрании «воспитаем»! — пообещал бригадир и, проводив заезжее начальство, в тот же вечер потолковал с комсомольцами своей бригады, принял твердое решение обсудить поведение учетчика на общем собрании.

Так и поступили.

Собрание состоялось на другой день утром в открытой степи, вблизи палаток бригады.

Низкое, по-осеннему хмурое небо висело над пустынной степью, и ржавокрылые беркуты дремали на макушках окрестных курганов, угрюмо сторожа извечную в этих краях тишину.

Неуютно и студено было стоять на холодном ветру. Трактористы и прицепщики в новых ватниках, туго подтянутые в талии солдатскими ремнями, выстроившиеся вдоль развернутой колонны новых, необкатанных тракторов, походили сейчас на танкистов, готовых к бою. И вообще что-то волнующее, памятное, фронтовое было в этом не совсем обычном собрании.

Трактористы стояли около тракторов в одну шеренгу. На правом фланге — дородная, недоступно-строгая повариха тетя Уля. Левый фланг замыкал Ваня Зыкин, выглядевший сейчас еще более скромным рядом с бойко посверкивающей черными глазами Валею Ковровой. И только один меланхолично-рассеянный учетчик в небрежно сдвинутой набекрень зеленой шляпе стоял на отшибе,

как сторонний наблюдатель, случайно оказавшийся вблизи чужих ему людей.

И когда в последнюю минуту к стоявшему впереди Василию Ганжело присоединились подъехавшие на газике директор зерносовхоза и парторг, бригадир, перебросившись с ними несколькими фразами, сказал:

— Общебригадное собрание трактористов отряда номер первый объявляю открытым!

Он помолчал, прокашлялся, переступив с ноги на ногу, и заговорил глуховатым голосом:

— Дело у нас тут короткое, товарищи, так я понимаю. Мы прибыли сюда работать, а не речи говорить.

— Вот именно! — неожиданно подтвердил учетчик с вызывающе-нагловатым смешком.

— А ты пока помолчи. Я за тебя скажу, — строго оборвал его бригадир.

— Ну-ну. Валяй. Послушаем, — сказал с напускным равнодушием Важко.

Было видно, что он не подозревал значения этого собрания и потому держал себя со свойственной ему развязностью. Как и большинство людей его толка, он был труслив. И это разгадал Василий Ганжело. Потому он сразу же перешел в наступление.

— Не знаю, как вы, товарищи, — сказал бригадир, обращаясь к членам своей бригады, — не знаю, как вы, а я считаю, что пора нам с гитаристом проститься!

Сказав это, бригадир замолчал. Молчали и трактористы. Было очевидно, что они в душе согласны с заключением своего бригадира, но не решаются вслух поддержать его.

Важко передернуло. С побледневшим, перекосившимся от злобы узким лицом он вдруг крикнул срывающимся фальцетом:

— Что?! Это за какие такие грехи?!

— Не за грехи, а за подлость, — холодно поправил его бригадир.

Важко, рванувшись к Ганжело, прошипел, задыхаясь:

— За это ты мне ответишь, гад!

— Отвечу, — спокойно, не трогаясь с места, сказал бригадир и, обращаясь к бригаде, спросил: — Правильно я поправил его, ребята?

— Факт, подлец! — прозвучал в ответ басовитый

голос тети Ули. Порывисто дыша полной высокой грудью, она вышла на шаг вперед и уже спокойнее и строже сказала:

— Есть в народе такая верная поговорка насчет паршивой овцы, что все стадо портит. Завелась, на нашу беду, такая овца и в нашей бригаде. Всем вам известно, о ком я говорю. Одно неведомек мне, товарищи: кого это в Краснодаре надоумило пожаловать почетной комсомольской путевкой такую скотину, как Виталий Важко? Стыд подумать!

— Ты, повариха, поосторожней на поворотах — без головы останешься! — крикнул Важко.

— Не запугивай! Не из робких! — сказала тетя Уля все тем же строгим тоном.

И тут вдруг дрогнувший строй трактористов пришел в движение, и через мгновение растерянный и бледный Виталий Важко очутился в центре замкнувшегося вокруг него людского кольца. Трактористы с прицепщиками, перебивая друг друга, заговорили все сразу, хором:

— Правильно, тетя Уля, жулик!

— Хуже — шпана!

— Ребят разлагает. Ни одной из девчат проходу не даст!

— Гнать его из бригады в три шен!

— Факт. Пусть отправляется подобра-поздорову. Здесь такие шелкоперы не ко двору.

— Отобрать у него комсомольскую путевку, товарищи!

Все плотней сжималось кольцо вокруг почерневшего от страха и злобы гитариста. И потемневшие от приступа долго копившегося гнева лица трактористов говорили в эту минуту о многом!

Когда же через минуту-другую ребята мало-помалу успокоились и затихли, бригадир дал слово директору.

И вновь наступила та напряженная, звонкая, как туго натянутая струна, тишина, при которой, кажется, можно услышать стук собственного сердца.

— Вот что, дорогие товарищи, — прозвучал голос директора. — Вижу, крепко вам всем насолил этот приятный на вид молодой человек в культурной шляпе. И хорошо, что вы сами заговорили об этом. Никуда не годится, конечно, терпеть в трудовом коллективе вот этаких, можно сказать, «культурных негодяев». Хулиган в вело-

ровой шляпе с гитарой в руках, пожалуй, опаснее его собрата с гирькой за пазухой: не сразу раскусишь такого. А вот вы молотцы — раскусили. Спасибо. И решили, мне кажется, правильно. Не место вам, молодой человек приятной наружности, в трудовом коллективе! — заключил директор, вежливо обратившись к потупившемуся Важко.

И снова стало так тихо, что все услышали шелест сухой прошлогодней травы и дыхание друг друга.

Выдержав некоторую паузу, Василий Ганжело спросил членов бригады:

— Все ясно, товарищи?

— Вполне! — прозвучал в ответ молодой уверенный голос.

— Тогда голосую. Кто за то, чтобы Виталия Важко как неоправдавшего народное доверие лишить комсомольской путевки и отчислить из нашей бригады, прошу поднять руки, — предложил бригадир.

Важко увидел десятки взметнувшихся рук.

— Кто против? Кто воздержался? Нет таких? — услышал он глуховатый голос бригадира и оглянул строгие, спокойные лица людей, которых уже не имел права называть своими товарищами.

— Ну, все. Мы тебя больше не держим, — сухо сказал бригадир Важко.

Надвинув на лоб зеленую шляпу, Важко передернул плечами, и жалкое подобие хорошо знакомой всем ребятам былой циничной улыбки на мгновение исказило узкое, холодное его лицо.

Все молчали. Смотрели в упор на переминавшегося с ноги на ногу Важко.

Любимец бригады пес Валетко, лохматая, в репьях, неуклюжая, как медвежонок, собака, подошел к тете Уле и удивился, что добрая к нему повариха на этот раз не приласкала его. Как всегда, преданно взглянув на нее зелеными глазами, Валетко присел рядом с ней на задние лапы и притих, тоже как бы выжидая какого-то непонятного конца.

Между тем Важко, помедлив еще немного, вдруг точно очнувшись и, повернувшись к стоявшему поодаль директору, спросил его наигранно-весело и развязно:

— Что ж, начальник, выходит, можно отчаливать?

— Выходит, можно, — сухо ответил директор.

— А как насчет транспорта?

— То есть о каком транспорте речь?— спросил удивленный директор.

— Станный вопрос! Не пешком же я за две сотни верст до станции отсюда дойду!

— А по-моему, придется совершить такую прогулку,— сказал с усмешкой директор под одобрительные улыбки участников собрания.

Обескураженный Важко попытался было разыграть под занавес сценку благородного возмущения оскорбленной невинности. Он забормотал что-то о несоветском отношении к человеку, добровольно прибывшему за тридцать земель на целину. Но его оборвал бригадир:

— А ну, хватит бубнить на одной струне, гитарист! Собрание бригады номер один объявляю закрытым!

Все тотчас же разбрелись, кто к костру полевой кухни, кто к палаткам, кто к тракторам. Было похоже, что все сразу же позабыли о незадачливом гитаристе, слушайном и лишнем их попутчике.

...День выдался яркий, радостный. Брызнув жаркими потоками тепла и света, озарил он окрестную степь своим сиянием и блеском. И незримые жаворонки, купаясь в потоках весеннего тепла и света, трезвонили, как тысячи серебряных свирелей и бубенчиков, прославляя извечное торжество жизни на этой древней, воскресаемой волей людей земле.

И час, о котором так долго и жадно мечтали трактористы бригады Василия Ганжело, пробил с ударом самодельного гонга — дисковой тарелки, подвешенной на полевом стане к столбу.

Четыре часа утра. Вслед за ударом гонга загрохотали мощные дизельные тракторы. Дрогнув от радостного пробуждения при торжествующем лязге и грохоте этих могучих мирных машин, степь как бы вздыбилась перед глазами пришедших издалека людей, раскрыла перед ними весь свой беспокойный простор, все неповторимое весеннее очарование.

В этот памятный час первого наступления тракторного отряда на целину в бригаде Василия Ганжело волновались все — от пожилого бывалого агронома Петра Лукича Ведерникова до бригадной поварахи тети Ули. Но больше всех волновался, пожалуй, сам бригадир. По единодушному решению всех членов его бригады, честь про-

реза первой борозды на этой вековой целине была представлена ему.

Не найдя в ответ достойных слов, бригадир молча в пояс поклонился своим товарищам, потом, обнажив голову, поднялся в кабину головного трактора и, не спуская глаз с далекой разметочной вешки землеустроителя, повел за собой колонну.

Сидящая на прицепе головного трактора Валя Коврова, опустив рычаг регулятора на заданную двадцатидвухсантиметровую глубину, с восторгом увидела, как острия всех пяти лемехов, с усилием врезавшись в пласты вековой целины, стали перевертывать их на бархатисто-черную, слегка дымящуюся от испарений изнанку. Бражный, горьковатый аромат прогретой вешним солнцем земли кружил голову, и Валя, на секунду прикрыв глаза, засмеялась от ощущения радости бытия, от полноты счастья, овладевшего ею в это утро.

Новый учетчик тракторной бригады Василия Ганжело Ваня Зыкин, шагая поодаль от головного трактора бригадира, не спускал сияющих глаз с улыбающегося милого лица Вали Ковровой и тоже смеялся, не зная чему.

Июль, 1954 год.

ЗИМНЯЯ ПОВЕСТЬ

Кроткий февральский день с его безвременной, вялой оттепелью завершился к сумеркам робким снегопадом. Ни безмятежное зимнее утро, ни полный безмолвия и покоя полдень, ни вкрадчиво-кроткий вечер — ничто, казалось, не говорило о приближении грозы бывшего целинного царства — пурги. И не только прижившиеся в этих краях новоселы, но даже и выдавшие виды старожилы, — ни те, ни другие не предугадали на этот раз кануна разнужданного ее разгула!

Между тем невесомый, несмелый спервоначалу снежок, с ленцой запорошивший перед закатом над степью, незаметно перешел затем в густой поток лавинного снегопада, отвесно хлынувшего из угрюмой небесной бездны на пустынные, бесконечно печальные в эту пору поля. А позднее — в ночи — вдруг дико затрубил и властно заикался, завыв штормовой северный ветер. И тотчас же все — похоже, на тысячи верст вокруг — потонуло в сумятице свистящих смерчей низовой поземки, в яростной пляске подоблачных снежных вихрей, в жарком чаду и дыму загулявшей в открытом море степей февральской метели.

Минул девятый час вечера — время не ранее для непраздных сельских людей. Об этом напомнили старой хозьяйке жигаловского дома древние стенные часы, неторопливо, с раздумьем пробившие девять раз в глубине опрятной, жарко натопленной горницы. Их протяжный, мягко вибрировавший на низкой басовой ноте бой походил на удары приглушенного шумом метели далекого колокола. В такой колокол бивали в прежние времена по случаю вьюги с колоколен деревенских церквушек дряхлые звонари — одинокие обитатели церковных сторожек. И в полутемные от метели полдни, и в дымные от вьюжной

призрачной полумглы зимние ночи звучали с благим вечерним призывом над снегами России эти колокола. Они несли путникам, сбитым с толку метелью, вести о близком жилье и приюте.

Прислушиваясь с утомленно-полузакрытыми глазами к неторопливому бою часов, Акусьня Григорьевна — так величали хозяйку дома Жигаловых — припомнила про добрый обычай былых деревенских звонарей и украдкой вздохнула. Вот когда бы впору ударить в самый большой колокол! Она, старая мать одиннадцати детей, готова была сию минуту сама подняться на любую колокольную высотой с Ивана Великого. Подняться и ударить в такой колокол, круговые волны звуков которого, разрывая на ключья упругие паруса пурги, докатились бы до пятерых ее сыновей, настигнутых вьюгой в пути-дороге!

Был же в жизни Акусьни Жигаловой такой случай. Правда, было это в далекой, похожей на полузаспанный сон, заревои ее молодости. Давно это было. Очень давно. Немало с тех пор студеный воды утекло в скитальческих речках сибирских степей. Немало медовых трав отшумело в былом целинном краю. И многое из пережитого за скупую на радости жизнь было теперь забыто. Одного и на склоне лет не могла позабыть она: вот такого же снежного урагана, внезапно ворвавшегося некогда в полудикие прииртышские степи.

Случилось это в канун первой мировой войны. Во второй половине ранней в тот год, такой же вот мягкой и ласковой поначалу зимы. Молодые—на пятом месяце после свадьбы — Максим и Акусьня Жигаловы, оба тогда еще похожие на шустрх подростков, получив нехитрый надел родителей, только что начали жить своим, мало-прибыльным крестьянским хозяйством. И Максим — хозяин двух лошадей — решил для приработка заняться в зимнее время извозом. Вместе с односельцами небогатой руки стал он хаживать по санной дороге с обозами. Возчики доставляли по первопутку прасольское добро то в неблизкий от их степного селения Омск, то по дальним, знаменитым в то время в Сибири и Зауралье ярмаркам. И Акусьня рано узнала, как длинны, безответно-глухи к людской душевной тревоге сибирские зимние ночи, проводимые смолоду в могильно-тихой избе в одиночку, у незрячего от морозных узоров окошка.

В тот памятный день зимы 1914 года, когда разбуше-

валась вот так же под вечер роковая для многих людей пурга, Аксинья ждала возвращения Максима с Ирбитской ярмарки. Почтовый ямщик с ласковым прозвищем Ястребок — добряк, хвастун и гуляка, живший с жигаловскими молодоженами по соседству, — воротясь накануне со станции, дал знать молодой соседке о том, что он обогнал в полдень обоз односельчан верстах в сорока пяти отсюда. Возчики, по словам Ястребка, переночевав на хуторах немецких колонистов, собирались засветло добраться на завтра до дому.

Собирались. Да не добрались. Ни засветло. Ни в потемках. И когда заголосила под вечер с подсвистом вещунья метелей — печная труба, Аксинья, почуяв неладное, поняла: обоз, застигнутый в степи бедовой пургой, сбился с дороги. И сбился — выходило по времени — где-то невдалеке от дому.

С похолодевшим, упруго стучавшим сердцем долго просидела она в оцепении у заиндевелого окна в безмолвной избе, оторопело прислушиваясь к вертепному реву вьюги. Было страшно подумать о том, что творилось в ту пору в штормовом, зыбком море степи, ходуном ходившей от бешеного круговорота вихревых снежных волн, то с прибойным грохотом ударявших в глинобитные стены жигаловской избы, то гонимых куда-то прочь одуревшим от ярости ураганным ветром...

Чего только не примнилось, не примерещилось в ту ночь тревожно-отзывчивой на каждый шорох и звук молодой Аксинье! То она слышала сквозь шум метели протяжное, горькое ржание коня. То бередил ей душу перелетный звон бубенцов. То живой человеческий голос окликал ее по имени издалека. А глубокой ночью смутил ее безалаберный перезвон больших и малых колоколов деревенской церкви. И Аксинья, точно очнувшись при этом от тяжкого забытья, поняла, что звон этот ей не мерещился. Колокола порывисто, вразнобой перезванивались, глухо гудели с надрывным стоном сами собой, раскачиваемые ураганным ветром!

Наяву услышав этот мятежный перезвон, Аксинья догадалась о том, что она должна была делать. И как ни жутко ей было представить себя в эту отпетую вьюгой ночь поднявшейся на темную колокольню, как ни знобил, ни сковывал ее душу тупой, безотчетный страх, как ни дрожали по-девичьи тонкие руки, с трудом затянувшие

на затылке в узел концы торопливо наброшенного на пышноволосую голову шерстяного платка,— она через какое-то недолгое время уже стояла на колокольне!

Отдышавшись, придя в себя, Акси́нья, полуослепленная вихревыми потоками снега, наткнулась на упругий канат гудевшего над ее головой двадцатипятипудового колокола. Не выпуская из цепких, огнем пылавших рук своей находки, она прикрыла глаза. Помедлила. Перевернула дух. А затем слегка отпрянув назад, с яростной, почти злобной силой рванула канат на себя.

Раздался первый удар!

За ним — второй, еще более гулкий. Третий. Четвертый. Пятый... По-детски закусив припухлые губы, не подымая смеженных, густо припорошенных снежной пылью ресниц, Акси́нья зачем-то вслух считала удары. И когда с утробно-грудным басовым распевом звуки колокола, заглушая шум вьюги, хлынули перекатными волнами в темную степь,— у Акси́нии сразу же отлегло на сердце. Мерно раскачивая язык колокола, чутко вслушиваясь всем своим существом в этот полунабатный звон, она теперь твердо знала, что пропавший в степи обоз выбьется на верную дорогу.

За работой Акси́нья в молодости, по словам добрых людей, всегда собой хорошела. Хороша собой была она, наверно, и в то предрассветное февральское утро, когда сбившийся с ног Максим обнаружил ее на колокольне! С минуту оба они тогда, со стороны, должно быть, похожие на привидения, ошарашенно смотрели один на другого, будто не понимая того, как они могли очутиться здесь...

Больше ничего Акси́нья не помнила. После — со слов Максима — она узнала, что он донес ее тогда с колокольни до избы на руках, что, не ударь она в эту ночь в большой колокол, не миновать бы возчикам гибели, как не миновало ее в ту пору немало дорожных людей в Сибири. Для Акси́нии же все это кончилось жестокой горячкой, не оставившей за две недели в лице ее ни кровинки и едва, как потом говорили, не разлучившей ее с Максимом навек.

Но не успела одна беда миновать жигаловский двор, как постучалось вскоре в ворота другое лихо — война, оставившая молодую Акси́нью в солдатках на долгие годы. То около трех с лишним лет воевал рядовой сибиряк-пехотинец Максим Жигалов где-то под Перемышлем и на

Карпатах с немцами. То потом, после незатяжной передышки дома, ушел добровольцем с Железной дивизией имени Степана Разина громить Колчака, оставив на руках жены полугодовалого первенца Павла. И с тех пор так вот — между вечной тревогой, надеждой и страхом — и прошла неприметная ее молодость, отмерцала незавидная полувдовая жизнь, как мерцает текучее марево в жаркий летний день над опаленной суховеями степью...

Под старость суждено было Аксинье проводить в срок первом году на фронт вслед за мужем, бывалым солдатом, и четверых своих сыновей — Николая, Геннадия, Александра и Павла. Четыре года, прожитых опять меж надеждой и страхом, ждала она с войны мужа и сыновей, трепеща по бессонным ночам от каждого шороха за окном и примерещившегося говора сыновей за дверью... Правда, ждала тогда не одна, а вместе с шестеркой ребятшек, со старшей в этой ораве тринадцатилетней дочерью Лидией.

Небольшая охотница беречь сердце непрошенными воспоминаниями про черные дни, закрыла бы со временем глаза Аксинья Жигалова и на эти трудные годы, дожидись она возвращения домой всех четырех своих возмужалых ребят и неподвластного еще старости мужа! Но воротился из заграничного похода пехотинец Максим Жигалов невредим только с тремя сыновьями. Старший, Павел, пал в сражении за город Братиславу. И обреченная отныне на некрикливую, безропотную скорбь о павшем сыне, так с годами и не могла примириться со смертью его старая мать, украдкой крестясь по ночам и твердя полупшепотом его имя...

Вот также не могла не думать и теперь — с тревогой, надеждой и страхом — Аксинья Жигалова и о судьбе пятерых младших сыновей, накрытых ночным ураганом в дальней дороге! Шемящая тишина стояла в этот зимний вечер в жигаловском доме. Присмиривше-печальным выглядел он теперь — без семейной суеты, без детского смеха и плача, без нередких прикрикиваний на домашних вечно совавшегося в бабы дела старика, без треньканья на старенькой балалайке семилетнего внука Вани, без сорочьего разговора и шушуканья за ситцевой кухонной занавеской троих жигаловских снох и двух их — таких же неробких и продувных — замужних золовок, — без всего того, чем живет всякий большесемейный дом, неуго-

мимо гудя с утра до позднего вечера, как гудит дружный пчелиный рой в улье!

И тесновато, и довольно шумно бывало от народа в просторном жигаловском доме в зимние вечера, когда сходились сюда на семейные «летучки» все сыновья и снохи, зятья и замужние дочери — новоселы целинного зерносовхоза. То были шоферы и трактористы, комбайнеры и разъездные механики, штурвальные и стажеры с автогрузовых машин, садоводы и огородники и, наконец, просто домашние хозяйки — матери восемнадцати жигаловских внуков! И все — с одной, знаменитой в Молодежном зерносовхозе, Жигаловской улицы. Так она названа была здешними целинниками в честь династии потомственных сибирских хлеборобов Жигаловых, скопом переселившихся среди лютой зимы 1954 года из обжитого их отцами и дедами Прииртышья в целинные североказахстанские степи.

Собираясь в зимние вечера в доме старых Жигаловых, молодые сыновья и снохи, зятья и замужние дочери затевали обычный непринужденный разговор про то и про это, а главное — об итогах минувшего трудового дня, как бы отчитываясь в своих делах и поступках друг перед другом. Строго придерживаясь при этом неписанного, но твердо устоявшегося в их семейном быту порядка, первый полуделовой, полушутливый спрос начинался с младшего из братьев — семнадцатилетнего Михаила, угловатого, застенчивого подростка с грустными материнскими глазами и напускной отцовской хмуростью в темных, как ночь, бровях. В прошлогоднюю жатву этот крепыш работал штурвальным на комбайне старшего брата — Геннадия, чем втихомолку очень гордился. Но похвастать вслух про свою сноровку ни на чужих людях, ни — тем паче — в семье не осмеливался. Не в чести тут было такое бахвальство ни у старших братьев, ни у стариков...

А между тем, убрав за сезон своим комбайном двойную норму целинного хлеба, Геннадий Жигалов с его расторопным штурвальным так и не уступили первенства своим братьям — Андрею и Николаю, комбайнерам в Молодежном зерносовхозе тоже не последней руки! Приотстал в конце жатвы от молодых своих шурьяков и зять их Николай Чуласов. Работая на сцепе двух комбайнов, он, вопреки своим обязательствам, не дотянул до двой-

ной нормы, остановившись под конец уборки на полуторной А это уже давало повод острословному его тестю Максиму Жигалову, ревниво оберегавшему фамильную честь своих сородичей, подтрунивать на семейных «летучках» над спасовавшим перед шурьяками зятем. Впрочем, подтрунивал старик не только над ним. Перепадало нередко от него и на долю сыновей, проштрафившихся в каком-нибудь деле. Приструнивал он и замужних дочерей и не миловал снох, если те и другие, случалось, допускали в чем-нибудь промашку. Словом, доставалось тут иной раз на орехи от шумливого, как старый самовар, родителя и тем, и другим, и третьим. И за этот его резон, за добрый совет, за подсказку, а то и за крутую подчас припарку, какую выдавал сгоряча старик любому из домочадцев,— за все это и те, и другие, и третьи не только уважали отца и тестя, но и в душе, грешным делом, побаивались его...

После жатвы бывший штурвальный Геннадия Михайл перешел в подопечные к другому брату, Ивану, человеку хотя уже и семейному, но жившему с отцом одним домом. Прослав наравне со вторым жигаловским зятем, Василием Наумовым, за одного из лучших в зерносовхозе водителей грузовых автомашин, Иван Жигалов взял на зиму младшего брата к себе в стажеры.

Жарковато было в жатву не только комбайнерам, но и водителям! Однако самая горячая пора наступила для шоферов после завершения уборки, когда дошли руки до отгрузки даров целинной земли в закрома государственных элеваторов и капитальных зернохранилищ. Урывая у хмурой осени и подозрительно смирной поначалу зимы каждый погожий день и час, водители по неделям не заглядывали домой, довольствуясь нехитрым дорожным харчем на ходу и урывками засыпая богатырским сном в первой попутной хатенке. Это зимой. А осенью сладок их сон был и в кабинке, если удавалось найти укромное для стоянки место, свернув с дороги...

Нечастыми гостями были теперь в родительском доме и Иван с Михаилом. С этим мало-помалу стала свывкаться даже молодая, вспыльчивая, как порох, жена Ивана Марья, вначале долго дувшаяся на мужа за его затяжные отлучки. Старика же Жигалова не только не огорчало, а даже явно прибадривало редкое появление в доме младших сыновей. Сам не приученный смолоду к праздности,

не потакал он в этом и детям своим и молодец душой, когда добрая слава об их труде стороной доходила до дому.

И только одна Аксинья Григорьевна не могла привыкнуть к долгой разлуке, особенно с меньшим из сыновей — Мишей. Как это часто бывает в каждой большой семье, последний в роду из сыновей является такой же слабостью матери, какой отмечен обычно единственный — напоглядку — баловень у не обремененных семейством родителей.

Хорошо зная про эту материнскую слабость своей старухи, Максим Дементьевич Жигалов никогда и ни в чем, вопреки ей, не ставил меньшого сына в отличку от прочих своих детей, выросших в трудные годы не баловнями. Старик не терпел ни излишней бабьей опеки над меньшакон, никаких потаканий мальчишеской праздности или увиливания от любых поручений старших в семье, какими бы там мало-мальскими или, наоборот, нелегкими для парнишки поручения эти ни были. А Аксинья Григорьевна трепетала над Мишей, оберегая его от простуды и утомления. И это нередко приводило теперь, смолоду живших в ладу, стариков к тем размолвкам, во время которых запальчивый дед подымал такую пыль до потолка, хоть святых выноси! Кончались эти междоусобные стариковские перепалки всегда одинаково: бегством раскипятившегося старика из дому. Завершая полуспор-полуперебранку, старик, схватив шапку в охапку, пулей вылетал из избы и с такой яростью хлопал тяжелой дверью, что весь дом при этом как бы передергивало судорогой и в горке заговаривала посуда...

Таким же поспешным бегством из дому и громовым ударом двери покончил Максим Дементьевич и нынешнюю перепалку с Аксиньей Григорьевной, ставшей было пенять ему на то, что зря он втравил Мишатку в опасные разезды с Иваном. Именно из-за этого и разгорелся сыр-бор в этот вьюжный февральский вечер... Как правило, в бегах находился старик недолго. Быстро остыв на улице от запала, он через каких-нибудь полчаса возвращался как ни в чем не бывало домой и вел себя потом тише воды, ниже травы, даже заискивая перед малоподатливой в таких случаях на скорое примирение старухой...

Так было всегда. Но сегодня залился куда-то старик

надолго. Разбушевавшийся дед не появлялся с былой по-
винной ухмылкой в доме. И Аксинья Григорьевна, вслу-
шиваясь в холодивший душу шум метели за окнами, ста-
ла подумывать с опаской уже и о том, не занесло ли его,
старого чёрта, вгорячах куда-нибудь в степь, за окраину
потонувшего в белой мгле поселка? Пропал тогда взбал-
мошный старик из-за пылкого своего норовя... Этой толь-
ко заботы не хватало ей нынче!

Пробило половину одиннадцатого. А Аксинья Григорь-
евна продолжала сидеть в одиночестве в тихом, будто
вымершем доме. Проворно работая стальными спицами,
она вязала из поярковой шерсти чулки внуку Ване, то
с замирающим сердцем прислушиваясь к примерещивше-
мусягову сыновей у заскрипевших ворот, то пытаюсь
разглядеть что-нибудь в занавешенном вьюгой окошке.
Младшая из снох — Марья, уложив годовалую свою доч-
ку Настю, тут же отыскала заделье — сбежать на часок
по соседству к золовке Лидии и, видать, заболталась там,
горюя с жигаловской дочерью про своих мужей-шоферов,
бог знает, где и как проводивших эту бедовую ночь в
дороге... Запропастился нынче где-то, как на грех, и Ва-
ня — обязательный ночевальщик в теплом дедовском до-
ме. То ли мать не отпустила его, глядя на такую пургу.
То ли в кино опять, поди, улизнул без спросу!

И все-таки все это было еще полбеды. Главная беда
была там, в степи, где накрыла эта грозная ночь пяте-
рых жигаловских братьев и двух их зятьев. Угодили в
эту беду Андрей, Николай, Геннадий, Иван с Михаилом
Жигаловы и Николай Чуласов с Василием Наумовым.
Одни из них возвращались на тракторах с прицепными
цистернами горячего с ближайшей к совхозу железнодо-
рожной станции, другие — из областного города — на
загруженных кооперативным товаром автомашинах.

Трактористов поджидали в зерносовхозе еще в пол-
день, шоферов — ближе к вечеру. Но ни те, ни другие не
вернулись и запоздно. Хотя дирекции совхоза, связав-
шейся под вечер по рации с городской и станционной
своими базами, было уже точно известно, что все их сов-
хозные трактора и грузовые автомашины находились со
второй половины дня в дороге. До станции Булаево от
совхоза перевалило за полста километров. До города —
не укладывалось и две сотни. И теперь уже всем здеш-
ним целинникам было ясно, что ни те, ни другие их до-

рожные люди не могли засветло добраться до дому, видимо, застигнутые ночным ураганом где-то на полпути.

При виде бодро ввалившегося деда и закутанного в допотопный ямщицкий башлык, похожего на живой снежный ком внука Акусьи Григорьевна, ахнув от изумления, бросилась навстречу с распростертыми, как крылья, руками. Наспех обметая подвернувшимся под руку полынным веником обильный снег с дубленой детской шубенки и нетерпеливо распутывая дрожащими, старчески-негибкими пальцами стянутые в тугой узел за спиной внука концы дедовского башлыка, старуха даже и думать забыла в эту минуту про топтавшегося около них деда и не сразу заметила, что тот выглядел бодрее бодрого и был порядком навеселе.

— Вот оказия. Вот какая мне с вами оказия,— ворчливо бормотала Акусьи Григорьевна, пособляя раздеваться шумно сопевшему и по-стариковски кряхтевшему внуку.— Ну, наградила меня бог семейкой! Вот так всю жизнь, отроду один только грех с вами. Одно горе лукавое. Одна моя печаль. Не с тем, так с другим. Удались же, все — одного поля ягоды. И сынки — в родимого батюшку. И внуки — в деда! На дворе такая погибель — добрый хозяин собаку за ворота не выпустит. А они нашли время по поселку вдвоем шататься!

— Это только деда маленько шатало. А я — ничего,— поняв бабу по-своему, сказал Ваня и сразу же прикусил язык, перехватив на себе броский, недобрый взгляд деда, втихомолку показавшего ему увесистый кулак.

Но не заметив и этого, Акусьи Григорьевна продолжала ворчать, перетряхивая под порогом верхнюю одежду и набитые снегом валенки внука.

— Хотя годами — врозь, зато умом — ровня. Что старый, то малый. С того и с другого один взыск и спрос... Тут про одних вспомнишь, душа — в озноб, сердце — на мелкие части! Так уж те хоть не вольны оградить себя от лихой беды в пути-дороге. Там — край, нужда — не потеха. А вас, бродяг, таскает где-то в такой содом какая неволя?

— Про нас нечего горевать. Мы что — неживые?! — с ходу рывком сдергивая с простенка свою балалайку, вполголоса сказал Ваня.

Между тем, пока Акусьи Григорьевна продолжала незлобно ворчать, хлопоча под порогом над шубейкой и

Тут же была и Ванина мать с его пятигодовалым бело-брысым братишкой Санькой.

Люди стояли стеной на гребне большого сугроба и все смотрели в одну сторону — в степь. Когда Ваня тоже вскарабкался на вершину сугроба, Максим Дементьевич, увидев внука, весело крикнул ему:

— Чуть-чуть не проспал отца, засоня! — И Ваня, подбежав к деду поближе, только сейчас увидел, как из степи медленно двигались в сторону центральной усадьбы совхоза гусеничные тракторы, а за тракторами — грузовые автомашины. По умиротворенно-доброму лицу пытливо смотревшей на приближавшуюся колонну машин мирно стоявшей рядышком с делом бабки, по ярко сверкавшим на зимнем солнце глазам матери и Марьи, по веселой улыбке деда, бодро побрякивавшего от утреннего морозца, по всему тому нетерпеливо-радостному возбуждению, которое царило в этой толпе совхозных целинников, Ваня понял, что люди сбежались сюда со всего совхоза, скликанные не худой, а доброй вестью.

Так оно и было на самом деле. Еще чуть свет, как только внезапно стихла под утро небывалая на памяти степных новоселов и старожилов снежная буря, навстречу пропавшим в дороге путникам из совхоза вышли на тракторах и бульдозерах поисковые партии механизаторов. Дирекции было уже известно, что все шоферы и трактористы, застуканные шальным ураганом в пути, отделавшись легким ознобом рук и лиц, благополучно прокоротали эту памятную ночь в открытой степи.

... А на исходе этого на редкость погожего, пронизанного изумрудным сиянием и алмазным блеском, умиротворяюще кроткого февральского дня вновь собралась в жигаловском доме вся эта немалая работающая семья.

Аксинья Григорьевна не сводила глаз с сыновей. Крепко сбитые, коренастые, один другого шире в плечах, русоволосые и чубастые, они все, как один, напоминали чем-нибудь отца. То — обличем. То — улыбкой. То — броским взглядом. То — повадками. Но больше всех — это каждому бросалось в глаза — удался в родителя меньшак — Михаил. Аксинья Григорьевна посматривала на него почаще, чем на других, ревниво отыскивая и находя в его облике и много такого, что шло уже наверняка от нее...

Пытливо приглядываясь к сыновьям, Максим Де-

ментьевич мысленно решал, не настала ли пора для большого, заветного разговора с ними. Еще с месяц тому назад пришла ему в старую голову одна, лишившая его в последнее время покоя, затея. И директор совхоза, втайне с которым совещался однажды старик, посулился охотно поддержать его в этом деле. А дело клонилось к грядущей весне, к семейной жигаловской тракторной бригаде! Долго не поверяя домашних в тайну этой новой своей затеи, ныне Максим Дементьевич, пристально присмотревшись еще и еще раз к своим богатырям, пришел к твердому выводу, что час для такого сокровенного разговора с сыновьями пробил! Словно предчувствуя это, все молчали, терпеливо выжидая, что скажет первым старик.

А Максим Дементьевич, задумчиво поглядывая на сыновей и разглаживая тылом ладони отливавшие серебром усы, тоже помалкивал. Так уж было заведено не им издревле. Помолчать перед большим семейным разговором, как перед дальней дорогой, было здесь в хорошем обычае!

Северный Казахстан. 1957 г.